

АННА МИЧИ

ТЫ МОЙ ЯД,
Я ТВОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

18+

Annotation

Я люблю одержимого, проклятого всеми людьми и богами мага, злейшего врага моего отца, а он считает, что я предала его, обманув и похитив драгоценные разработки. Прошло уже много времени с тех пор, как он скрылся, и все считают, что он погиб. Но я знаю, мы обязательно встретимся.

- [Анна Мичи](#)
 - [Тинна](#)
 - [Сейдж дин Ланнверт](#)
 - [Год спустя](#)
 - [Сейдж дин Ланнверт](#)
 - [Тинна](#)
 - [Сейдж дин Ланнверт](#)
 - [Тинна](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Анна Мичи

**Ты мой яд, я твоё проклятие. Книга
вторая**

Тинна

– Ах, нейди, вы как настоящая королева! Посмотрите же в зеркало, боги ещё не видели такой красоты!

Я послушно кинула взгляд в огромное широкое зеркало, которое придерживали две крепких прислужницы. Гладкая поверхность отразила тоненькую девушку, затянутую в белоснежный атлас. Платье и впрямь выглядело по-королевски: пышная юбка с богатым шлейфом, украшенная кружевами, белый цветочный узор по подолу вверх, к талии, грудь в вырезе манит и привлекает взор. Лицо у девушки спокойное, невозмутимое, взгляд усталый и равнодушный. Холодная невинность.

Я горько усмехнулась в душе.

Увы, уже далеко не невинна. И речь даже не о том, что было между мной и Сейджем. Просто пришлось повзрослеть и снять розовую ленту с глаз, через которую я до сих пор смотрела на окружающее. Понять, что отец – всегда добрый и заботливый – на самом деле может быть беспощадным чудовищем в человеческой шкуре. Что мужчина, видевшийся мне образцом чести, может оказаться шпионом и предателем.

И что одержимый демоном, жестокий, как смерть, мой похититель, злейший враг отца, Сейдж дин Ланнверт – может стать для меня всем.

Вот только уже через три дня я выхожу замуж за другого. За бывшего друга Сейджа, за предателя, похитившего его разработки, за верного слугу отца, Арда дин Койоху. И белое платье, которое сейчас тщательно подшивают прямо на мне, поправляют последние детали – дань обрядам далёкого юга, родины моего жениха.

А ещё белое – символ траура. Последний путь невесты из отчего дома, символические похороны и новая жизнь. Недаром после обряда мне предстоит сменить белое платье на алое.

Я вспомнила, как познакомилась с семьёй дин Койохи. Ради свадебного обряда в столицу приехали его родители и брат с двумя сёстрами, старшие из них – и со своими семьями. Многочисленная

толпа черноволосых и черноглазых, говорливых южан поселилась в одном из наших гостевых поместий.

Родители дин Койохи мне даже понравились – сухонькие, изрядно напуганные столицей старичок со старушкой. Чёрные маленькие глазки с растерянностью смотрели на непривычные блеск и роскошь.

А вот неприязнь к дин Койохе я так и не смогла перебороть. До самого конца терзалась, следовать ли недвусмысленному приказу отца или сбежать – в Ордон или к бабушке, или куда угодно, лишь бы подальше от навязанного жениха.

Поначалу ждала, что Сейдж вот-вот явится за мной – но вот уже шёл к концу месяц, а о нём ничего не было известно. Батюшкины шпионы разводили руками. Он пропал, как камень, канувший в воду – а с ним и близнецы, и Мелина.

Последнее меня злило. Неужели они до сих пор вместе? Неужели он поверил ей, решил, что именно она помогла ему очнуться от проклятия тёмной магии? Откуда-то из самого нутра поднималась злая, жёлчная ревность. Кто угодно, лишь бы не Мелина!

Впрочем, о чём мечтать, чего я могу требовать, если сама выхожу замуж за дин Койоху.

Наверное, мне не стоило бы подчиняться. Думаю, отец отменил бы свой приказ, если бы я настояла, если бы пригрозила уйти. И поначалу я упрямылась, не соглашалась назначить дату, отказывалась шить свадебное платье, твердила, что никогда этого не сделаю. Каждое утро просыпалась с мыслью о Сейдже и молилась святой Миене о том, чтобы снова его увидеть. Но он так и не появился.

И я поняла, что не нужна ему. Он выбросил меня из памяти, стряхнул, как засохшую грязь с полы плаща. Если мы и встретимся когда-нибудь вновь, то эта встреча неминуемо станет последней: он просто убьёт меня, как дочь его злейшего противника. Теперь я для него не больше, чем способ отомстить и причинить отцу боль.

Примерка завершилась, девушки собрали принадлежности и выпорхнули, заверив, что платье будет окончательно готово к завтрашнему утру. Когда их щебет и звук шагов замерли в отдалении, я поняла, что стою посреди комнаты, уставившись в пространство, и ничего не делаю. Весь этот месяц я жила как в тумане, вот и сейчас

нахлынуло отупляющее безразличие, не позволяющее даже вспомнить, чем я собиралась заняться после ухода модисток.

Передёрнув плечами, я повернулась к выходу. Надо встряхнуться, надо как-то прийти в себя... хотя зачем?

По коридору снова слышались шаги, на этот раз тяжёлые, мужские. Я узнала их, но всё равно продолжала стоять на месте. В двухстворчатые белые, отделанные позолотой двери вошёл мой наречённый. Дин Койоха.

– Тинна! – обрадованно сказал он.

Когда я дала своё согласие – или, сказать вернее, сообщила отцу, что мне всё равно – дин Койоха стал звать меня по имени. Поначалу это немного резало мне ухо, потом я привыкла.

– Ну как прошла примерка? – поинтересовался он.

– Всё хорошо, нейд дин Койоха, – ровно ответила я.

В отличие от него, я не собиралась сокращать дистанцию.

Он подошёл, взял меня за руку.

– Осталось всего три дня, – в его чёрных глазах светились огоньки, – и ты станешь моей по праву.

Я отвела глаза. На самом деле мне хотелось убрать и руку, но это было бы уж совсем невежливо.

– Ну да, я знаю, что ты меня не любишь, – с лёгкой досадой сказал он. – Но со временем... я надеюсь... – он поднёс мою ладонь к губам. Горячие сухие губы прикоснулись к прохладной коже, застыли в долгом поцелуе.

Не выдержав, я всё же отняла руку:

– Простите.

Дин Койоха распрямылся, сверкнул глазами. Сделал быстрый короткий шаг, заставляя меня отступить, впился пальцами в плечи, прижал к стене. Я почувствовала на губах его дыхание, а потом их накрыл его горячий жадный рот. От неожиданности я пропустила внутрь чужой язык, напористый и жёсткий.

Из глубины тела поднялась стремительная волна тошноты. Я оттолкнула жениха, ударила по рукам, не желавшим отпустить. Отвернулась и схватилась за рот, пережидая приступ. Слава святой Миене, тошнота прошла без последствий.

– Простите, – ещё сдавленным голосом сказала я, не глядя в сторону дин Койохи. – Вы возьмёте своё через три дня. Потерпите до

этого времени.

Всё так же, не глядя, оторвалась от стены и поспешила прочь.

Я знала, что он смотрит мне вслед, чувствовала его горячий, наполненный желанием и мукой взгляд. Но терпеть всё это было выше моих сил. Через три дня мы обменяемся клятвами, он откинет мою фату и тогда уже насладится поцелуем по праву законного мужа. А потом, той же ночью, склонится надо мной на брачном ложе и... о боги.

Какая ирония, ведь почти любая девушка, окажись на моём месте, была бы в восторге. Дин Койоха хорош собой, высокий, стройный, мужественный. Смуглая кожа и чёрные волосы уроженца юга добавляют экзотики. Он маг, и довольно сильный, он правая рука моего отца, будущее обеспечено.

Но он не Сейдж.

О боги, Сейдж. В полузабытой дымке – его пронзительный взгляд, жёсткая хватка сильных пальцев, требовательные губы, поцелуи, похожие на укусы. Жадные прикосновения, вес его мощного тела, и не хватает воздуха, и огонь полыхает в жилах. Я до сих пор не могла забыть нашу последнюю ночь. Безумие в его глазах – и сквозь безумие неукротимая нужда во мне, в моём теле, в моей душе. В ту ночь мы принесли безмолвные свадебные клятвы, собственными телами поручились, что будем верны друг другу.

Но Сейдж отказался от меня. Может быть, возненавидел за предательство, а может быть, и правда погиб, хотя тело его так и не нашли. Может быть, он слишком сильно пострадал, может быть, демон поглотил его... может быть – слишком много разных «может быть», которые, впрочем, не имеют никакого значения, когда до свадьбы осталось три дня.

Тошнота не отступала, и я спустилась вниз, на кухню, к поварихе, матушке Корбо. В последнее время меня часто подташнивало, когда проголодаюсь. Приходилось постоянно носить с собой мешочек с засахаренной фасолью или другими лакомствами, или, как сегодня, наведываться к матушке Корбо.

На кухне, как всегда, стоял чад, пар и жар от бурчащих котлов, от шкворчащих сковородок, огромных, вальяжно побулькивающих бутылей с бродившим домашним вином. Матушка Корбо заведовала

кормлением всего людского населения огромного отцовского замка, от хозяев до самого последнего конюшенного мальчишки.

Я некоторое время с удовольствием следила, как её полная юркая фигура в полосатом платье и белом переднике поверх, раздавая приказания, движется по кухне. Она, казалось, каким-то магическим чувством ухитрялась следить одновременно за каждым уголком своих владений. То подзатыльник отвесит мальчишке, осмелившемуся стянуть из корзины румяный пирожок, то окрикнет нерадивую стряпуху, у которой вот-вот убежит её варево, то устроит разнос посудомойкам, не слишком тщательно отскоблившим котлы.

Я очень обрадовалась, когда застала её в замке, потому что добрая половина слуг успела смениться за десять лет моего отсутствия. Матушка Корбо была словно кусочек прошлого – того старого доброго безоблачного прошлого, что никогда уже не вернётся.

Завидев меня, она взмахом руки передала бразды правления своему помощнику и поспешила навстречу.

– Опять оголодала, поди? Сейчас, сейчас... Эй, Арика, а ну-ка подай госпоже свежих булочек! Вон тех, с ягодами, да-да! А ты, Сирион, налей чаю и принеси нам. Щепоточку корицы не забудь! Пойдём, милая, – обратилась она ко мне, и я послушно нырнула за занавес, в небольшую комнатку для отдыха.

Здесь матушка Корбо обычно завтракала, обедала и ужинала, что называется, не отходя от рабочего места, а иногда и спала на небольшом голубом диванчике у стены. У другой стены стоял простой деревянный стол со стулом, и, жестом указав мне на диванчик, матушка Корбо сноровисто придвинула к нему стол. Тут же из-под занавеса просочилась рыжая Арика с блюдом, на котором лежало несколько свежих, только из печи, ароматных булочек с ягодным вареньем.

– Матушка, – застонала я. – Это бесчеловечно. Я на твоих пирогах поперёк себя шире стану.

Впрочем, осознание грядущей беды не помешало мне, даже не дожидаясь чая, схватить первую булочку и жадно откусить. О боги! Мягкое, ещё тёплое, проминающееся под языком тесто вместе с кисловато-сладким клубнично-малиново-черничным вареньем – воистину божественное угощение.

– Кушай, кушай, – довольно сказала повариха. – Тебе надо больше кушать. А то похудела, осунулась. Совсем загоняли тебя эти скакуны. Скоро свадьба, а ты ходишь как тень, краше в гроб кладут. Али заболела?

Она отставила в сторону принесённый Сирионом чайничек и озабоченно вгляделась в моё лицо.

Я с неловкой улыбкой покачала головой. Если я и больна, то всевластным отупляющим безразличием, когда всё вокруг словно погрузилось в серую пелену, и ты подолгу замираешь, словно спишь наяву.

Матушка Корбо пригубила чай и вдруг ахнула:

– Али вы с женихом уже разделили брачный пирог? Уж очень часто ты кусочничать заладила.

Я вздрогнула, отложила надкушенную булочку. «Разделить брачный пирог» – так завуалированно говорили, когда парень и девушка стали по-настоящему близки, познали друг друга как мужчина и женщина. Я и дин Койоха? От отвращения, которое вызвала во мне эта мысль, я передёрнулась:

– Нет!

Матушка Корбо ничуть не смутилась.

– Ну а что, – сказала она, доливая мне чай, – дело молодое. А я-то, глупая, подумала: так вот почему скоропалительно так женятся. Прости старуху.

Я деревянно засмеялась. Пригубила ароматный цветочный чай – больше для того, чтобы скрыть замешательство, чем потому, что действительно хотела пить.

Святая Миена, нет... этого не может быть. Я же делала ритуал предохранения. Но лунных дней и правда, кажется, давно не было. На скорую руку я подсчитала – уже недели две миновало с тех пор, как они должны были прийти.

О боги... или нет. Рано делать выводы. Мало ли что может быть причиной: усталость, нежеланная свадьба, постоянные воспоминания о Сейдже. Совершенно необязательно, чтобы это было...

Сначала нужно проверить. Убедиться. И только потом я буду думать, как поступить.

Я быстро доела булочки, допила чай, заставила себя ещё немного поболтать с матушкой Корбо о том и сём – а потом поднялась:

– Прости, матушка, надо бежать. Спасибо за угощение, как всегда, не стыдно и на королевский стол подать.

– Скажешь тоже, – она зарумянилась и подскочила, чтобы проводить меня до дверей.

Поцеловав её в тёплую, пышную, как её тесто, щёку, я заторопилась наверх.

А через сорок минут сидела в кресле в маленьком домике знакомой повитухи и женских дел ведуньи и с замиранием сердца выслушивала вердикт:

– Да, нейди, всё верно. Вы тяжелы.

– Боги... Но почему? Как же так? Я же сделала ритуал, чтобы последствий не было...

Я невольно прижала ладони к низу живота. Там внутри и правда что-то есть? Зародившаяся жизнь, результат той безумной ночи? Ребёнок... мой и Сейджа?

– Ритуал жертвы Аменое? Очищающий и предохраняющий? – спросила повитуха и удовлетворённо кивнула, когда я ответила «да». – Дело в том, что этот ритуал – как и вообще большинство широко распространённых и безопасных для женщины ритуалов такого рода – подвержен влиянию извне. Если кто-либо из супругов достаточно сильно хочет стать родителем, его желание может повредить действию ритуала. В случае если этот человек обладает достаточным магическим даром, конечно же. Поэтому мы никогда не даём полной гарантии.

Я пропустила слова повитухи о супругах. Она, конечно же, решила, что я вышла замуж. А может быть, слышала, что вот-вот выйду, и деликатно назвала жениха и невесту супругами.

Вместо этого я растерянно возразила:

– Но я не думала об этом...

У меня вовсе не было сильного желания, как она говорила. Если бы оно было, я бы не стала делать ритуал. Наоборот, понести сейчас, стать в глазах света опозоренной, обречь себя на вынужденный брак с дин Койохой, чтобы прикрыть этот позор (тогда я ещё собиралась отказать ему) – всё это казалось мне неприемлемым.

Однако повитуха ничуть не смутилась:

– Вы – может быть. А ваш супруг?

Я похолодела. Вспомнила пронзительный, дикий взгляд Сейджа и его то ли угрозу, то ли обещание: «Ты будешь жить и будешь рожать мне детей, и я буду убивать эти рейборнские отродья у тебя на глазах». В ту самую ночь. Могло ли это стать достаточно сильным желанием?

Пальцы сжались, накрыли друг друга, словно стремясь оберечь неродившееся дитя. Закрывать от всего мира, спрятать пока что в самом надёжном месте, внутри моего собственного тела. Никому, никому нельзя говорить об этом.

Недавнее серое, накрывающее с головой равнодушие исчезло, как развеянный солнцем туман.

О нет. Теперь мне было совсем не всё равно, что со мной станется. Со мной – и с этим малышом.

Я обязательно его сохраню. Сохраню и ни за что не позволю дин Койохе его воспитывать. И дело даже не в том, что мало кто сможет полюбить сына – или дочь – своего соперника. Просто это моё дитя, моё и Сейджа, и невозможно помыслить о том, чтобы роль отца выполнял кто-то другой.

Вот только, надеюсь, и сам Сейдж никогда об этом не узнает. Если я была готова сама отдаться ему, последовать за ним, даже зная, что он одержим – то подвергнуть смертельной опасности собственное дитя было выше моих сил.

Ведь это внук Рейборна, его врага.

По жилам заструился страх. Ужас – при мысли о том, что Сейдж может и впрямь попытаться исполнить свою угрозу. Ведь он безумен, он снова может оказаться под властью демона – или попросту решить, что боги предоставили ему отличный шанс отомстить.

Нет. Теперь я не могу рисковать. Если до сих пор я мечтала о том, чтобы Сейдж пришёл за мной – отныне мне лучше мечтать, чтобы никогда его больше не встретить.

– Я... мне что-нибудь нужно сделать? Чтобы малыш был в порядке? Какие-нибудь рекомендации?

– На первых порах ничего особенного, – повитуха улыбнулась, и из уголков её глаз побежали лукавые, добрые морщинки. – Хорошо ешьте, много спите, старайтесь не волноваться, – она перечислила ещё несколько довольно простых в исполнении советов и напоследок добавила: – Обрадуйте супруга, что его желание сбылось.

Эта ни к чему не обязывающая фраза резанула меня острее хорошо заточенного ножа. Я улыбнулась, сохраняя внешнее спокойствие, и поблагодарила, хотя внутри болезненно и грубо засадило, срывая едва выросшую корку, безжалостно бросая меня в воспоминания, воскрешая в сознании лицо, улыбку, жадный прерывистый шёпот: «Моя птичка...».

Обрадовать Сейджа...

Как бы я этого хотела – иметь возможность и впрямь его обрадовать, быть уверенной, что он заранее любит нашего ребёнка, даже хотя бы просто увидеть его сейчас и почувствовать, как его большая ладонь ложится на то место, которое сейчас, словно защищая, накрывает моя.

Но нет. По крайней мере, пока я не буду уверена, что он полностью владеет собой – и что желание отомстить Рейборну перегорело, ушло, что его место действительно заняла любовь, о которой ни разу не говорил мне. Только тогда я осмелюсь признаться, что понесла от него, что родила от него дитя. А до тех пор – оно будет только моим.

Поблагодарив повитуху, я поспешила подняться.

Впереди разговор с отцом, который нельзя откладывать.

Отец работал, на входе в подземелье висела предостерегающая красная дымка: не беспокоить. Я провела по ней пальцами, вырисовывая сложный жест – знак, что есть неотложное дело. Теперь, как только отец сможет без вреда для эксперимента прерваться, дымка на краткое время исчезнет. В том, что он, как всегда, занят экспериментами, я не сомневалась. Обычно и дин Койоха помогал ему, но сегодня, я знала, он показывал своей семье город – хвала богам за это.

Не прошло и нескольких минут, как дымка заколебалась и тихо истаяла. Подхватив подол, я начала осторожно спускаться. Лестница в подземелье, довольно широкая, но крутая, с низким потолком, и раньше не казалась мне безопасной, а сейчас было страшно вдвойне. Мысль о том, что теперь я не одна, что в ответе не только за себя, что должна быть куда осторожнее, чем прежде, угнездилась в разуме и подогревала беспокойство.

Отец сам раскрыл тяжёлую дубовую дверь в свой кабинет. Улыбнулся, увидев меня:

– Кого я вижу! Прекрасная невеста озарила светом моё скромное убежище!

Он всего лишь подшучивал, но у меня внутри глухо засаднило. Невеста... Я была готова бежать от этого брака хоть на край света, а отца, в отличие от меня, очень радовало надвигающееся торжество, он был горд и счастлив, что единственная дочь идёт под венец. Не так давно меня уже представили королю официально, и вся столица шумела о нежданно-негаданно обнаружившейся дочери графа Рейборна.

Мне придётся причинить ему боль. Как-то он воспримет мои слова?

– Отец, – зайдя внутрь, сказала я тихо, но отчётливо. – Я хочу отменить свадьбу. Я не выйду замуж за нейда дин Койоху.

Улыбка сползла с его лица. В глазах мелькнуло изумление, неверие, непонимание. Отец закрыл дверь, медленно, будто взвешивал каждый шаг, подошёл, тяжело опустился на табурет. Мотнул головой, чтобы я села на стул с высокой спинкой, который обычно использовал сам.

– Почему, Тинна? – спросил он, когда я выполнила пожелание. – Ты же была согласна. Что стряслось?

Я покачала головой:

– Пожалуйста, не требуй объяснений. Просто прикажи отменить приготовления.

– Да как же так!.. Скажи толком, в чём дело? Ард? Неужели он осмелился дотронуться до тебя? – он повысил голос, кулаки невольно сжались, а лицо покраснело.

Скажи я «да», и дин Койохе крепко достанется. Я спрятала невольную улыбку. На душе чуть потеплело.

Это было так по-отцовски: знать, что я уже не невинна, потому и выдавать за своего порученца – но всё равно, даже этому самому порученцу не позволено коснуться меня до свадьбы. Всему своё время.

– Нет, дело не в этом. Просто я не могу выйти за него замуж.

– Да как же не можешь? Я не понимаю... почему? До свадьбы осталось три дня! Весь город созван, единственная дочь Рейборна

выходит замуж, об этом вся столица гремит. А! Я понял. Это у тебя предсвадебное волнение, – найдя объяснение, отец обрадовался.

Я с кривой извиняющейся улыбкой покачала головой:

– Это не волнение. Я не могу. Раньше я просто этого не знала, и мне было всё равно, только поэтому я согласилась. Теперь всё поменялось.

– Почему? Надеюсь, ты понимаешь, что это должна быть веская причина, – отец нахмурился.

Веская причина.

Глупо было с моей стороны надеяться, что отец сразу пойдёт на попятную. Конечно, ему нужна причина. Тем более сейчас, когда до обряда осталось всего ничего, когда уже и семья жениха приехала в город, приглашения отправлены и приняты. С точки зрения отца моё нежелание – только странная взбалмошность.

Солгать? Придумать что-нибудь, порочащее дин Койоху? Нет, это слишком бесчестно.

Тогда какая веская причина может быть? Кроме... кроме правды.

Я вздохнула поглубже, словно готовясь прыгнуть с обрыва в холодную воду, и сказала:

– Я беременна. От Сейджа.

Уже после того, как слова отзвучали в тесном полумраке отцовского кабинета, я запоздало испугалась. Прикрыла руками низ живота, нервно стиснула пальцы, выпрямилась, хотя хотелось, наоборот, съежиться в комочек.

На один долгий миг кабинет наполняла звенящая тишина. Потом отец судорожно выдохнул:

– От... от того сукина сына? О боги. Да как же так?! Как ты могла быть настолько неосмотрительна? Почему?.. – он схватился за голову, яростно заворочил начавшие сесть волосы. Потом поднял голову и уставился на меня с безумной надеждой: – Но почему же ты тогда отказываешься? Ведь этот брак как раз прикроет... твою оплошность. Или ты боишься, что Ард узнает об этом? В таком случае, – его взгляд забегал по сторонам, отец запнулся и закончил тоном тише: – Всё поправимо. Ведь прошло не больше месяца, верно? Мы ещё успеваем избавиться от этой проблемы.

– Из... – я не договорила, горло сухо и болезненно сжалось. Пришлось откашляться и только тогда – звенящим, упорным, ровным

голосом ответить: – Нет! Ни за что!

– Тинна! – отец нагнулся ко мне, схватил за плечи. Безумным взглядом посмотрел в лицо. – Ты будешь опозорена на весь город! И я с тобой вместе! Дочь Рейборна – родила вне брака! И ладно бы просто родила – но отродье этого... щенка?! Невозможно! Нет. Или ты выходишь за Арда, и пусть тогда уже он решает, как поступать с твоим... вот этим вот... – он обвёл ладонью область вокруг моего живота, – или я найду тебе хорошую ведунью, которая сделает всё тихо, быстро и в тайне.

Я вся заледенела. Сердце стучало так сильно, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Этот стук оглушительно отдавался в ушах. Гремел яростным набатом, складываясь в слова. Ни за что. Никогда.

– Тинна. Пойми же, что тебя ждёт, если Ард от тебя откажется. В тебя будут тыкать пальцами, называть продажной девкой. Везде, в последней лавке, последней лачуге будут полоскать грязным языком имя Рейборнов. Опомнись.

Я сидела молча, застыв. И в ответ на речь отца только покачала головой из стороны в сторону. Медленно и упорно.

– Да как же так... как же так?! Ты – беременна от этого подонка... и отказываешься это исправить?! Ты что, влюбилась в него, что ли? Да ты с ума сошла! Он же одержимый! Он опасен, а ты – ты попросту больна! Он тебя обесчестил, а ты и рада? Позволишь ему радоваться, что он натянул нос Рейборну? Обрюхатил его дочь? У тебя что, совсем нет гордости?

Отец вскочил. Зашагал по кабинету, нервно ероша волосы. Наконец гневно обернулся ко мне и закричал, наставив на меня палец:

– Нет! Никогда! Не воображай, что я стану кормить этого бастарда, отродье этого сукина сына! Или ты делаешь, как я скажу, или проваливай отсюда куда глаза глядят! Можешь сдохнуть в канаве вместе со своим щенком, но от меня ты помощи не дождёшься!

Ордонское лето совсем не походило на лето Диомеи. Прохладное, дождливое, туманное – даже сейчас, в середине дня. Мать Айлеса,

нейди Иния Рамейо, любезно предложила мне посидеть на террасе, но, увидев, что я зябну и тщетно кутаюсь в шаль, принесла плед.

– Да точно, я и забыла, ты же уроженка Диомеи, – усмехнулась она беззлобно. – Вы, небось, в такое лето печки топить начинаете.

Я с благодарностью приняла пушистую тяжёлую ткань. Так и впрямь стало куда теплее, и я смогла расслабиться, вытянуть ноги и, неторопливо попивая чай, любоваться растущими в саду пышными бордовыми пионами.

Приходя сюда, в дом родителей Айлеса, я очень боялась увидеть их вне себя от горя. Ведь, пусть у них и были другие дети помимо Айлеса, сколько бы их ни было, потерять любимое дитя невыносимо. Но нейди Иния и нейд Вилес, кажется, успели немного примириться с волей богов.

Конечно, даже сейчас нейди Иния не удержалась от слёз, увидев меня на пороге – его бывшую невесту, несостоявшуюся жену. Слава богам, они не винили меня в смерти сына. Для всех Айлес был убит маньяком, сошедшим с катушек одержимым. Моим Сейджем. Моё участие и вина в том скрывались.

– И чего его понесло туда? – вздохнула мать, когда мы стояли у поминального алтаря у них в гостиной – украшенного цветами, толстыми белыми свечами и большим искусно выполненным портретом Айлеса.

Айлес на этом портрете выглядел совсем молодым, я помнила его таким в то время, когда училась в пансионате. Юный, с блестящими глазами, со светлой открытой улыбкой.

Сердце болезненно дёрнулось при мысли, что он погиб из-за меня. Очень хотелось признаться его родителям, повиниться, облегчить душу. Но этого нельзя было делать. Признания разбередят их рану, а облегчение принесут лишь мне.

Отец Айлеса вскоре ушёл, а с матерью мы долго сидели в саду, вспоминая о детстве Айлеса, разговаривая о том и сём.

Я боялась, до них дошли слухи, что едва через месяц после гибели жениха я поспешно собралась замуж за другого, но, слава богам, нейди Иния об этом не упомянула. Правда, мне пришлось выкручиваться, когда она вдруг завела разговор о том, что младший брат Айлеса недавно закончил офицерскую академию, и протекция такого вельможи, как граф Рейборн, помогла бы ему поскорее

заполучить свой полк. Вышло не очень хорошо, нейди Иния поджала губы, когда я сказала, что сейчас мы с отцом в ссоре и моя просьба вряд ли будет принята во внимание.

Из-за этого мне стало неудобно дольше пользоваться их гостеприимством, и я сослалась на дела в городе.

Нейди Иния вышла проводить меня до калитки. Пока мы шли, она рассказывала о последних новостях города – что-то светское, ничего не значащее. Я кивала, делая вид, что слушаю, а сама думала, что мне теперь делать.

Визит к родителям Айлеса был моим последним делом в Ордоне. Я заглянула с приветствием к отчиму, обняла сводную сестру. Они были рады меня увидеть, но приютить надолго не могли. Вернее, я не могла просить об этом, опасаясь навлечь на них гнев отца.

Также, ещё вчера, я наведальась к нотариусу и вступила в права владения наследством матери. Сумма была небольшой, но если жить экономно, не шиковать, то вполне хватит даже для того, чтобы снять на полгода маленький домик и спокойно жить где-нибудь в глуши. Правда, что я буду делать потом, через эти полгода – я не имела никакого понятия.

Я ни разу в жизни не работала и даже не знала, как это – зарабатывать деньги. В пансионате нас учили всему, что должна уметь благородная нейди: шить, вышивать, распорядиться прислугой, при необходимости самой быть в состоянии приготовить угощение на стол. Быть хорошей хозяйкой, блистать в свете, оттеняя величие супруга, быть ему верной помощницей и опорой.

Жить самостоятельно, самой зарабатывая, самой высчитывая, сколько на что можно потратить – такому плебейскому, недостойному нейди занятию нас не то что не учили – даже вообразить такое было невозможно.

Но вот, жизнь повернулась так, что именно этим мне и придётся заняться.

Думаю, отец ждал, что я вскоре вернусь с повинной. А когда понял бы, что я не собираюсь этого делать, начал бы искать меня и ставить палки в колёса тем, кто осмелился меня приютить вопреки его гневу.

Именно поэтому я не стала просить приюта ни у бабушки, ни у отчима. Я хотела исчезнуть, спрятаться, затаиться так, чтобы меня не

нашли даже самые опытные ищейки отца. И тем более дин Койоха. А для этого необходимо было найти такое место, где никому просто не пришло бы в голову меня искать.

Нейди Иния открыла калитку, выпуская меня. Ещё раз поблагодарила за визит, осенила на прощание знаком почитаемого в Ордоне Фломея. Поклонившись, я уже повернулась было идти, как почувствовала чей-то взгляд.

Посмотрела в ту сторону и увидела стоявшую с другой стороны дороги девушку приблизительно моих лет. Очень бедно одетую, в сине-зелёном полосатом платье, печально обвисшем на худеньком теле. На руках девушка держала закутанного в шаль ребёнка, механически подбрасывала его, убаюкивая, а сама смотрела на меня и нейди Инию.

Почему-то эта картина болезненно отозвалась у меня внутри. Может, потому, что девушка выглядела немногим старше меня, может, потому, что это явно была не хорошо обеспеченная горожанка, чья-то жена. Мне вдруг показалось, заверни она рукав, и на коже не найдётся ни следа брачной татуировки.

А ещё задел её взгляд – упорный, мрачный, горевший какой-то дикой потусторонней надеждой. Меня он коснулся только мимоходом, в основном девушка смотрела на нейди Инию.

И я не выдержала, спросила у той:

– Нейди Иния, там стоит какая-то девушка. Она к вам пришла?

Мать Айлеса смутилась:

– Ой, не обращай внимания. Попрошайка какая-то.

Обернулась в сторону девушки и громко сказала:

– Встанут тут нищенки всякие, пугают народ в приличном районе.

Сейчас стражу позову!

Девушка вздрогнула, перехватила ребёнка поудобнее. Отступила в тень, словно надеялась, что речь обращена не к ней.

– Пошла вон отсюда! – прикрикнула нейди Иния.

Это меня неприятно кольнуло. Со мной она никогда не позволяла себе так разговаривать, была любезна и ласкова. Но, возможно, всё это окажется в прошлом, когда она узнает, что я больше не дочь графа Рейборна – и даже не падчерица приличного семейства Амелисов.

О том, что мой отец – граф Рейборн, я проговорила Айлесу давно, когда мы ещё были детьми. Сильно разозлилась, что он кичится

своей родословной и предком, когда-то получившим титул барона от самого короля. Вот и сболтнула, что сама, хоть и живу в ничем не примечательной семье Амелисов, в действительности прихожусь дочерью графу Рейборну, о котором шла слава по всем Пяти королевствам. Почти сразу испугалась (мать строго-настрого запретила мне рассказывать об этом), но Айлес уверял, что никому не проговорится. Да и потом, на протяжении многих лет тайна продолжала оставаться тайной, о ней знал только Айлес и его семья, и я успокоилась.

И только сейчас вспомнила, что Айлес тоже надеялся на протекцию отца. Он частенько утверждал, что был бы не прочь поступить на службу королю Диомеи. Я была уверена, что отец с радостью окажет мне услугу, так что даже поощряла жениха в этих мечтаниях. Сейчас эта мысль отозвалась внутри болью.

Если бы я не поощряла его, может быть, он до сих пор был бы жив. Может, не помчался бы по первому зову в Диомею, чтобы вырвать меня из рук похитителя.

Я уже шла вниз по улице, когда поняла, что девушка с ребёнком безмолвной тенью следует за мной по пятам. Резко остановилась, обернулась, уставилась ей в лицо. Она тоже остановилась, испуганно спрятала глаза, отступила. Ребёнок вдруг заплакал, и она встрепенулась, стала покачивать, утешая, и что-то шептать ему на ухо, не поднимая головы. Мне показалось, на исхудалом лице двумя дорожками сверкнула влага.

– Что тебе нужно? – спросила я. – Ты просишь милостыню?

Денег у меня было не очень много, но уйти, оставив за спиной явно голодную женщину с ребёнком, было выше моих сил. Я потянулась за кошелём.

– Добрая нейди, – прошептала девушка. – Я... только хотела спросить...

– О чём?

– Правду ли говорят люди, что нейд Рамейо... погиб?

– Нейд Рамейо? – переспросила я. – Айлес?

Она кивнула. Глаза её яростно блестели, а дитя по-прежнему жалобно рыдало.

Горло у меня сжалось, и я ничего не смогла сказать. Достала из кошеля несколько монеток, подошла и протянула ей. Этих нескольких

мгновений хватило, чтобы немного прийти в себя.

– Вот, возьми. Да, это правда. Ты знала его?

Она слабо вскрикнула. Перехватила ребёнка, посмотрела на мою ладонь, будто не видя, потом снова взглянула в лицо.

– Боги... – прошептала одними губами. – Погиб... никогда не вернётся.

– Возьми же, – я попыталась вручить ей деньги, но девушка словно застыла. В её глазах набухли большие слёзы, прокатились по уже проложенной дорожке.

– Спасибо, добрая нейди. Не стоит... раз уж отец его не вернётся, ему тоже не стоит жить, – она повернулась и, сгорбившись, продолжая укачивать рыдающего ребёнка, пошла прочь.

Я нагнала её, забежала, преграждая путь. В ушах, словно набат, стучало сердце. Бешеный сводящий с ума ритм.

– Что ты сказала? Его отец?.. Айлес – отец твоего малыша?

Она испугалась, отпрянула.

– Простите, нейди, я зря это сказала, – поправила шаль на ребёнке, словно пытаюсь закрыть его личико от моего взгляда, и отступила, хотя это направление было противоположным её прежнему.

– Нет, нет... – теперь настала моя очередь непонимающе качать головой и буравить её остановившимся взглядом. – Не верю... это правда?

Айлес, мой Айлес, мой верный жених вот уже сколько лет – отец чужого малыша? И мать его сына вот так бродит одна по улице, в ветхом заштопанном платье, словно нищенка, простаивает напротив дома его родителей, ожидая... ожидая чего?

– Почему ты стояла у дома нейдов Рамейо? Ты хотела поговорить с нейди Инией? Рассказать, что твой малыш – её внук?

Девушка вдруг смущённо и грустно улыбнулась.

– О нет, благородная нейди. Об этом они давно знают. Я просто хотела просить их взять Хардуса на воспитание. Я не могу его прокормить одна, – на этот раз она сдержала слёзы каким-то невероятным усилием воли.

– О боги... – я с усилием заставила себя проглотить вставший в горле комок. И тихо попросила: – Можешь показать мне его? Твоего сына?

Она помедлила, а потом, словно решившись, откинула с его лица старую ткань. Повернулась, чтобы мне удобнее было взглянуть. На меня уставилось маленькое заплаканное личико малыша на вид не старше полугода. По искажённому в плаче, залитому слезами личику было сложно увидеть сходство с Айлесом, но слегка завивающиеся тёмные с рыжиной волосики были его.

– Айлес... знал? – я снова сглотнула с трудом, только чтобы смочить слюной пересохшее горло. Протянула руку, как зачарованная, чтобы коснуться мокрой маленькой щёчки. Бедный малыш...

– Да, нейди. Он помогал нам. Без него мы бы оба давно померли от голода. Я... я простая деревенская девушка, это он привёз меня сюда. И за квартиру платил тоже он. А когда пропал... через месяц хозяйка выгнала меня на улицу.

– Так... я взяла себя в руки. – Он плачет от голода, верно? У тебя нет молока?

– Почти нет, нейди... только жалкая малость, ему не хватает. Я даю ему пососать смоченный в воде хлебец, но этого мало...

– Ещё бы. Идём со мной! Покажи, где здесь живёт ближайший молочник. У меня есть кое-какой долг перед Айлесом. Пожалуйста, не отказывайся принять мою помощь.

Последнее я добавила потому, что видела: пусть эта девушка и бедна, пусть простолюдинка, но у неё есть гордость, и она не хочет просить. Наверное, это было глупо в её положении, но сейчас не время было читать ей проповеди.

Даже так она засомневалась. Но потом взглянула на ребёнка и решительно ответила:

– Да благословят вас боги за вашу доброту, нейди.

– Меня зовут Тинна, – сообщила я, когда мы устроились на длинной скамейке за грубо обработанным деревянным столом во дворе молочника.

Хозяин любезно разрешил нам воспользоваться его гостеприимством, чтобы накормить малыша, тем более что я заплатила не только за молоко, но и за творожные ватрушки, которые как раз испекла его жена.

Девушка – её звали Нергия – несмело кивнула в ответ и стала осторожно, по капле, цедить молоко в ротик притихшему малышу. Я

налила ей самой цветочного чаю, тоже из запасов семьи молочника, придвинула ватрушек и начала расспрашивать, стараясь быть по возможности деликатной.

Нергия, видимо, почувствовала себя очень благодарной за эту нехитрую еду, поэтому рассказывала без утайки. Выяснилось, что ей двадцать один год, всего на год старше меня. Айлес встретил её два года назад, когда по службе приезжал в их деревню. Он квартировал в доме её родителей два месяца, пока не пришёл приказ возвращаться. И Айлес взял с собой Нергию, которую успел к тому времени соблазнить.

Было тяжело и даже неприятно слушать о том, как мой жених, оказывается, вёл двойную жизнь втайне от меня. Ведь эти два года он ни словом, ни делом не дал мне знать, что хотел бы расторгнуть помолвку, что любит другую. Нет, он поселил Нергию в том же городе, где жила я, навещал её почти каждую неделю – а где-то год с лишним назад, когда она забеременела, пообещал, что прокормит и её, и ребёнка – но никогда не сможет на ней жениться.

– Айлес говорил, почему? – осторожно спросила я.

Нергия кивнула:

– Да, у него была невеста. Я понимала, что не пара ему. Глупая была, что сперва поверила...

– И ты даже не настаивала, чтобы он бросил ту невесту и женился на тебе? И сама ни разу не хотела с ней увидеться?

– Боги с вами, нейди Тинна. Кто я и кто она? Ведь нейд Айлес был барон, а его невеста, он говорил, вообще приходилась дочерью какому-то знатному диомейскому вельможе.

Я невольно поморщилась. Боги, а любил ли Айлес меня? Или он просто хотел деньги и положение, твёрдую опору, вес в обществе? И ведь... ведь он ухаживал и за мной. Горел желанием быть со мной, как муж с женой, целовал меня, хотел большего.

И всё это тогда, когда у него уже была другая.

Передо мной словно разверзлась пропасть, чёрная и бездонная. Всё, что раньше я считала незыблемым, оказалось пеной на воде. Начиная с отца, заканчивая Айлесом. Почему я была так слепа? Почему не видела, что Айлес выбрал не столько меня, сколько возможности, которые я могла ему дать? Так же, как и нейди Иния

была добра ко мне не потому, что это была я, а потому, что я была дочерью Хранителя Хрустального Жезла, сильнейшего мага Диомеи.

Выйди я замуж за Айлеса, не знаю, что бы он делал. Бросил бы девушку, с которой прижил ребёнка? Или продолжил бы втайне навещать их? Или, может, завёл бы ещё одну на стороне?

Я помотала головой, чтобы избавиться от чёрных мыслей. Айлес уже мёртв, мёртвых не судят. Он поступил не по чести со мной и с Нергией, но он хотя бы содержал их. Вот только не позаботился о том, что будет с ними, если он погибнет. Как они станут выживать здесь, в чужом городе, без родни, без гроша за душой.

Когда Айлес пропал, сначала Нергия не слишком беспокоилась. За время жизни с ним она успела скопить немного, на эти деньги и жила. А потом до неё дошли слухи, что Айлес погиб. Она пришла к его родителям, но те закрыли перед её носом дверь. Оказывается, они знали, что сын содержит бедную девушку и прижитого с ней ребёнка, но помочь не собирались.

Она стала искать работу, но с младенцем её никуда не хотели брать. В конце концов квартирная хозяйка выгнала её на улицу.

– Ты не думала вернуться к родителям? – спросила я.

Она кивнула:

– Теперь уж, наверное, попробую. Раньше всё думала, нейд Айлес вернётся. Но делать нечего, пойду. Лишь бы Хардис дорогу выдержал, – она с любовью и тревогой взглянула на малыша.

Тот наконец насытился и заснул, прижавшись к матери.

– Пешком? – ужаснулась я. – Это же опасно, молодая девушка одна с младенцем.

Она устало пожала плечами. А я задумалась, просчитывая варианты.

Нергия родом из Амани. Это на другом конце страны, и со мной ничего общего не имеет. До встречи с Нергией это было для меня всего лишь названием на карте Ордона. А значит, никому не придёт в голову искать меня там. И тем более никому не придёт в голову, что у меня может быть какая-то связь с Нергией, любовницей моего жениха.

А она из деревни – значит, умеет вести хозяйство. Ухаживать за скотиной, за огородом. А я, со своим пусть небольшим даром – наверняка окажусь полезной в любой деревне. И уж на что-что, а на хлеб для себя и... для нас всех – заработаю.

– Знаешь, Нергия, – я осторожно коснулась её руки. – У меня есть к тебе предложение.

Сейдж дин Ланнверт

Жизнь – демонски удивительная штука. То думаешь, что у тебя в руках всё, до цели – считанные шаги, за спиной – верные соратники, тебе отдала своё сердце самая чистая и прекрасная девушка в этом мире, то буквально за несколько часов девушка оказывается шпионкой и предательницей, друг – подручным злейшего врага, разработки всей жизни украдены, а дом взлетел на воздух.

Мне потребовался месяц с лишним, чтобы собрать себя по кускам. Почти в буквальном смысле, потому что, помешанный на том, чтобы обезопасить всех своих людей, сам я выбраться не успел. И получил щедрый удар тёмной магией, настолько сильный, что пришёл в себя лишь через пару недель. Повезло, что оставшиеся на моей стороне люди вытащили из-под завалов.

На самом деле если бы не Фараиту, я бы не выжил. Только то, что он практически овладел мной, и спасло меня в итоге. Забавно. Мне повезло, что против меня обратили именно тёмную магию. Смертельно, чудовищно опасная для любого живущего существа – она пощадила того, кто почти слился с её собственным порождением.

Впрочем, и кроме щедро влитой в атакующее заклинание тёмной магии там хватало зловредных чар. Почти целый месяц я не вставал с постели, а когда наконец поднялся, то чувствовал себя немногим лучше столетнего старца. Целители пытались запретить, угрожали, что останусь хромым на всю жизнь, но времени прислушиваться к целителям у меня не было.

Надо было скорее разобраться в своих делах, подсчитать активы, понять, что у меня осталось.

Что ж, когда я это сделал, увидел, что потерял всё.

Та сеть, которой я на протяжении нескольких лет опутывал Рейборна, расплзлась на куски. Мне не только не удалось лишить его доверия короля, сместить с поста Хранителя Жезла, разорить – он воссиял в ещё более ослепительном блеске.

Ещё бы – ведь Ард со своими людьми переметнулся на его сторону. Пусть я не доверял ему полностью, того, что он знал, хватило, чтобы Рейборн выслужился, получил личную благодарность короля,

его осыпали дарами. Скорее всего, подлец воспользовался моими разработками, выдал их за свои, так и вижу поганую ухмылочку на его потасканной роже старого интригана.

Сукин сын. И он, и Ард. Ну Ард за это ещё поплатится... но почему он сделал это? Он столько лет был со мной.

Впрочем, я понимал. Девчонка... Рейборнова дочь соблазнила его и окрутила по ногам и рукам. Она маг эмоций, ей это было совсем просто. И со мной она поступила так же. Только использовала какие-то очень мощные и скрытные чары, так что ни один целитель и даже другой маг эмоций не смог их обнаружить. Уверен, Рейборн приложил к этому руку.

Его сучья дочь засела у меня в потрохах, въелась, как яд, ничем не вытравишь. Я видел её во снах, а иной раз даже наяву всплывало перед внутренним взором её лицо, её тот лживый до мозга костей – и всё равно трогаящий, проникающий в самое нутро доверчивый взгляд.

Райас, как же я её ненавидел. И эта ненависть только росла и копилась с каждым днём, как наваждение. Одолевало навязчивое желание найти её, схватить, притащить к себе. Снова заковать в цепи – да так и держать, иметь и избавляться от этой муторной, переворачивающей внутренности зависимости. Втоптать в грязь, унижить, избавиться от картины, которая стояла перед глазами: когда я думал, что она тянется ко мне, позволяет мне всё, потому что любит.

М-м, от ненависти становилось кисло во рту, внутри всё сжималось, хотелось крушить и метать. И сквозь эту бешеную невыносимую ненависть стучала в сердце непонятная мне самому потребность сделать её моей. Ощущать её моей.

И Фараиту, сволочь, поддакивал изнутри: нежная, вкусная, сладкая. Давай, Сейдж. Найдём её.

В общем, я выдержал месяц с лишним, едва зализал раны – и, как последний идиот, употребил все силы не на то, чтобы отомстить Рейборну, не на то, чтобы снова его подсидеть – а на то, чтобы найти эту дрянь и вернуть на её место, увидеть страх в зелёных глазах. Страх и понимание, что ей никуда от меня не деться. Я мечтал о ней, о том, как сделаю с ней всё, что пожелаю, как снова сожму в руке её шелковистые волосы, как вопьюсь губами в покорный рот. Как заставлю стонать подо мной, отдаваться мне через ненависть и желание уничтожить. Рыжая лиса, змея, хитрая, проницательная... и

волосы пахнут лесными ягодами... Демонова кровь, проклятое наваждение.

Вот только она канула в небытие, как будто её никогда не существовало.

Я узнал, что она собиралась замуж за Арда – но свадьба расстроилась. Узнал, что Ард уехал из страны в одиночестве – куда-то далеко, на другой континент, там, кажется, требовались толковые маги. На Арда я плевать хотел – мелкая сошка. Но она...

Или Рейборн таки выдал её за кого-то, или тоже отправил прочь из страны (Арда я проверил, он жил холостяком), или держит взаперти у себя в замке – один Райас знает почему. Как я ни пытался выяснить это, подослать шпионов – никаких сведений о девчонке добыть не удалось. Как будто сгинула с этого света.

Но вот я точно знал, что она жива. Не знаю почему – чувствовал это каким-то внутренним бешенством. И был уверен, что время обязательно сведёт нас, даже если я не приложу к этому никаких усилий. Наши судьбы завязались в какой-то мёртвый узел, и этот узел ещё придётся разрубить.

Год спустя

Тинна

– Нейди Ивели-ин, – послышался тягучий голос почтальона. – Письмецо вам!

Нергия, сосредоточенно месившая тесто – по локти в муке, даже на лице белые мучные следы, волосы прихвачены платком – встрепелась и сделала попытку побежать к двери.

Я махнула ей, мол, успокойся, открою сама. Даже сейчас, через год совместной жизни, она продолжала считать меня благородной нейди, а себя – моей прислугой. Я предложила ей это в самом начале, исключительно для того, чтобы она спокойнее себя чувствовала, но почти сразу пояснила, что я такая же одиночка, как она, и за моими плечами нет ни титула, ни богатства. И пусть по рождению я и впрямь из благородных, сейчас я ничем не отличаюсь от неё – незамужней женщины, воспитывающей незаконное дитя.

– Вот, пожалуйста, – весело сказал Марис, передавая мне конверт из плотной коричневой бумаги. – Аж из Диомеи пришло!

Пальцы невольно дрогнули, принимая. Я повертела конверт в поисках имени отправителя, сама не зная, чего боюсь увидеть: то ли почерк отца, то ли другой, размашистый, отпечатавшийся в разуме. Глупости: Сейдж никогда не стал бы писать мне. С него стало бы скорее очутиться здесь, бешеным вихрем ворваться в дом, снова разрушив мою жизнь.

Но на конверте стояло всего лишь имя моей бабушки.

Я нахмурилась. Странно, с чего бы ей вздумалось писать так часто, да ещё и напрямую? Обычно она посылала письма раз в месяц, через нотариуса в ближайшем городишке, мы так условились. Письма и денежную помощь: запретить это бабушке я не смогла. И правильно сделала: той осенью, когда из-за слишком ранних снегов полдеревни осталось без урожая, мы бы не выжили, если бы не её деньги.

– Нейди Скайнер, – почтальон прочитал имя на конверте вслух: не смог подавить любопытство. – Не знал, что у вас есть знакомые в Диомее, нейди Ивелин.

– О, это дальняя родственница моего мужа. Надеюсь, ничего не стряслось, – улыбнулась я.

Почтальон приподнял брови, выражая явное желание услышать больше, но я поблагодарила его за доставку и сослалась на дела. Он не без сожаления откланялся.

Озабоченно нахмурившись, я подошла к бюро. Взяла серебряный ножик, хранившийся в запертом на замок ящичке, чтобы шаловливые ручки начавшего бегать по всему дому Хардиса не дотянулись. Аккуратно взрезала плотную бумагу.

– Что такое, нейди Тинна? Плохие новости? – спросила Нергия с кухни.

Я молчала, пробегая глазами чёткие бабушкины строки. Сердце дёрнулось, на миг остановилось, потом застучало, нагоняя ритм. Глаза выхватывали отдельные фразы. «Мой последний час уже близок... прости старухе упрямство... хочу увидеть тебя... тебя и ты знаешь кого...».

Боги!..

Конечно, я понимала, что когда-нибудь это время придёт. Никто не живёт вечно, а бабушке уже шестьдесят пять, в таком возрасте любая болезнь может оказаться смертельной. Но неужели всё так серьёзно? Пишет... что целители не дают ей больше пары месяцев.

Дважды перечитав письмо, я прикусила губу, чтобы не расплакаться. Боги, как же не хочется терять ещё одного родного человека, у меня и так их слишком мало! Пусть мы с бабушкой не виделись уже больше года, она продолжала оставаться моей бабушкой, заботилась обо мне даже на расстоянии, мечтала, что в один прекрасный день я вернусь в Диомею. И я мечтала, что когда-нибудь снова её увижу. И увижу, и познакомлю с...

Только я надеялась, что это произойдёт не в Диомее. Туда я возвращаться боялась. Сама даже не понимала почему: отец не подавал о себе знать, Сейдж... Сейдж, видимо, всё же погиб или навсегда уехал, бояться было нечего. Но мне почему-то спокойнее было жить здесь, в далёкой Аmani.

Я подошла к кровати, заботливо укутанной лёгким тюлем. Раздвинула ткань.

Алайна беззаботно сопела, повернув головку чуть набок, расслабленно раскинув ручки. Сердце привычно сжалось от вида её

милого личика. Свет моей души, жемчужина моего сердца.

В кроватке Алайна была не одна, сбоку от неё, сложив ручки под щекой, преспокойно спал Хардис. Боги, когда этот мальчишка успел сюда забраться? И, главное, не упал же и даже шума не поднял, маленький егоза. А я-то думала, что-то его не видно и не слышно.

– Нейди Тинна? – Нергия, успевшая сполоснуть руки и лицо, тихонько подошла. Тут же негодуяще зацокала языком, обнаружив сынишку. – Сейчас я отнесу его к себе, простите.

– Оставь, – я отпустила тюль. – Пусть спят. Они такие милые.

– Харди обожает маленькую нейди, – Нергия заулыбалась. – Я уж так и так твержу ему, что надо проявлять уважение, но он пока ещё слишком маленький, не понимает.

Я только покачала головой. В этом была вся Нергия. Даже после того, как узнала мою историю, она не перестала обращаться ко мне с почтительностью, словно я действительно была её госпожой, а она – моей служанкой. Почти всю работу по хозяйству она брала на себя, разве что когда нужна была мужская сила, мы нанимали проходящих работников.

Я же выполняла роль деревенского мага и знахарки. Раньше мне казалось, мой дар управления эмоциями не будет особенно нужен здесь, в сельской глубинке, и я научилась разбираться в амулетах, даже выписала несколько специальных книг из Ордона. Эта работа неожиданно пришлась мне по душе: мелкая, кропотливая, требующая логики и внимания. Но через пару месяцев жизни здесь выяснилось, что и мой природный дар может неплохо послужить селянам.

Я с лёгкостью мирила поссорившихся супругов или друзей, лечила духовный упадок сил, помогала хозяевам разобраться, что за недомогания чувствует их скотина – а то и их дети. Это выходило очень естественно, и мало-помалу деревенские так сильно прониклись ко мне, что стали подкармливать и называть «нейди», как обычно обращались к благородным женщинам.

А поначалу относились настороженно. Ещё бы, две пришлые девицы, одна с ребёнком. Хоть мы и назвались вдовами, всё же местную общину изрядно всколыхнуло. А я поняла, почему Нергия не захотела остаться в родной деревне. Слухами мир полнится, и, неровен час, дойдёт весть, что замуж она так и не вышла, а Хардис – всего лишь незаконное дитя.

Я снова вернулась к бюро, откинула крышку, достала чернильницу и бумагу. Напишу бабушке ответ и отправлю с завтрашней же почтой.

Как же не хочется выбираться из этой тихой, ставшей домом деревни. Не лежит сердце тащить четырёхмесячную малышку в Диомею, оставлять Нергию и Хардиса одних. Но и не ехать нельзя, я не прощу себе, если не увижу бабушку и не покажу ей её правнучку. А может, удастся уговорить её приехать сюда со мной? Хотя вряд ли, она и правда упряма, как только может быть упряма старая аристократка, всю жизнь прожившая на одном месте и на этом же самом месте желающая быть похоронена.

Остаётся только молить богов, чтобы целители ошиблись, – и выезжать как можно скорее.

Привычный дом, утопающий в древесных купах, привычная, чуть слышно, будто приветствуя, скрипнувшая калитка, привычная дорожка, усыпанная гравием – ничего здесь не изменилось. Прибавилось только растений в саду, цветочные кусты да три новых крепеньких туи. Бабушка писала о них, мол, удалось купить имерийские, самые неприхотливые и пышные.

Поднявшись на крыльцо, я постучала. Специально не стала звонить в колокольчик у калитки, магическим способом передававший сигнал в дом: не хотела будить бабушку, если вдруг она спит.

Пока ждала, чтобы открыли, оглянулась на найденную в Ордоне няню. Я наняла её на месяц, особо не выбирала и уже немного о сделанном выборе жалела. Слишком молода, немногим старше меня, и глуповата. Она, правда, клялась, что работает с детьми уже пять лет, в том числе с младенцами, рекомендации были неплохие, и из того ограниченного выбора, что был у меня в Ордоне, она совершенно точно была наилучшим вариантом – но всё же...

Эх, да чего там говорить, я просто скучаю по Нергии. По её тёплым ласковым рукам, на которых Алайна мгновенно засыпала, по нежному голосу, которым она рассказывала обоим детям сказки, по незаметной, неназойливой услужливости.

Эту же новую няню всё время приходилось дёргать самой, о чём-то просить, истолковывать ей плач Алайны: голодна она или хочет спать, или испачкала пелёнки. Впрочем, ничего, привыкнет. И я привыкну.

Корзину с малышкой она держала, во всяком случае, очень бережно, хоть и глазела по сторонам с раскрытым ртом.

За дверью послышались шаги, в мутном расплывчатом оконце показалось яркое белое пятно, кто-то тихо ахнул, и дверь тут же распахнулась.

– О боги, нейди Тинна! – старая служанка Есена, скорее даже компаньонка бабушки, кинулась обнять меня, в последний миг постеснялась и потянулась поцеловать руку.

Рассмеявшись, я сама обняла её.

– Как бабушка? – спросила с тревогой. – Я тронулась в путь, как только получила её письмо.

– О, – на лице Есены появилось странное выражение. Она отступила, освобождая проём. – Её благородие в гостиной. Вам лучше обо всём спросить у неё самой. О боги! – воскликнула она, увидев корзину в руках няни. – Это... это же её маленькое благородие?

Я улыбнулась ноткам благоговения в её голосе.

– Фесса, покажи малышку, – велела няне.

Та подошла, приподняла корзину так, чтобы Есене было видно, и приоткрыла кораллово-розовую ткань, прикрывающую ребёнка. Показалось личико крепко спящей Алайны, даже во сне ухитрявшейся посасывать пальчик.

Передняя наполнилась ахами, охами и вздохами. Есена умиленно смотрела на девочку, то и дело протягивая руку и не отваживаясь прикоснуться. Я хотела было вынуть Алайну, но Есена испуганно замотала головой:

– Что вы, что вы, нейди Тинна, пусть дитя спит!

– Как пожелаешь, – улыбнулась я. – Мы сюда надолго, ещё успеешь понянчить её.

Есена растроганно прижала руки к груди. Глаза вдруг подозрительно заблестели.

– Как же вам, должно быть, тяжело, – пробормотала она, утирая их краем передника. – Едва замуж вышли, как потеряли мужа. С такой малышкой одни на белом свете...

– Ну же, ну же, – я почувствовала себя неудобно. – Не плачь, Есена, всё хорошо.

В доме бабушки меня тоже считали вдовой. Мне казалось, бабушка сама верила в эту легенду. Она знала, кто отец Алайны, но так упорно называла его нейдом Ивелином и моим «погибшим супругом», что мне иногда казалось, это проявление старческой деменции. И вот Есена теперь с этим своим «потеряли мужа». Даже неловко, что я не ношу траур по своему якобы погибшему супругу.

– Что за шум? – из глубины дома послышался величественный голос бабушки. – О боги, Тинна!

Я бросилась ей навстречу. Когда ехала сюда, я боялась застать её в постели, слабой, исхудавшей – но сейчас с облегчением увидела, что бабушка выглядит так же, как год назад: с прямой спиной, тщательно уложенной причёской, в тёмно-зелёном шёлковом платье – хоть сейчас на выход.

– Бабушка! – я обняла и поцеловала её в морщинистую щёку.

– Приехала-таки! Идём, идём скорее. Девушка, – она царственно подозвала Фессу. – Отнеси дитя в гостиную, а сама ступай за Есеной. Она покажет и расскажет тебе всё необходимое. Пойдём и мы с тобой, – бабушка подхватила меня под руку и первой направилась в сторону гостиной.

Когда прислуга удалилась, она сама открыла ткань на корзине и взяла Алайну на руки. Та лишь ненадолго открыла мутные со сна глазки, огляделась и снова затихла.

– Боги, какой здоровый крепкий ребёнок! Как она ест? Хорошо ли спит?

– Всё отлично, бабушка. Ну, насколько возможно... Она тяжёлая, положи.

– Вздор! Она весит ровно столько, сколько нужно в её возрасте.

Бабушка ещё некоторое время тщательно расспрашивала меня о ребёнке, я не без удовольствия делилась тревогами и радостями. Потом разговор естественно стал сходиться на нет.

Я опасалась спросить о её самочувствии, ждала, чтобы она сама заговорила. И дождалась. Бабушка, по-прежнему укачивая Алайну, метнула в меня острый взгляд и вдруг нехотя сообщила:

– Я обманула тебя, дитя моё.

Улыбка сошла с моих губ.

– Обманула? – переспросила я, чувствуя себя оглушённой. Что она хочет сказать? Ей осталось жить куда меньше, чем пара месяцев, о которых она писала? Или...

Бабушка молча выложила на стол открытку с красочной виньеткой из геральдических лент. Придвинула ко мне, явно намекая, чтобы я прочла.

В глазах зарябило от выписанных тщательно, кистью каллиграфа, заглавных букв: «Приглашение на приём по случаю отставки Главного Королевского Мага Его Величества Хранителя Хрустального Жезла Диомеи его сиятельства графа Рейборна».

Так же упоминалось, что податель сего приглашения вправе привести с собой одну персону, при условии, что она персона достойна предстать пред очами их величеств.

– Я вызвала тебя ради этого, – бабушка постучала по карточке.

– Отец уходит в отставку? – в груди поселились спутанные чувства. С одной стороны, я до сих пор не простила его за то, что он с такой лёгкостью от нас отрёкся. И за весь этот год так и не счёл нужным найти нас, приехать увидеться со своей внучкой. С другой – я сама отсылала назад его письма нераспечатанными и сама была бы в ужасе, если бы он всё же заявился. А если за ним по пятам снова придут его враги, снова в дом ворвутся какие-то похитители? Ладно я одна оказалась бы в опасности – страшила мысль, что я не смогу защитить Алайну.

И ещё, надо признаться, весть об отставке застала меня врасплох. Странно, мне казалось, отец никогда не сложит с себя эти обязанности.

– Сама я, слава богам, совершенно здорова, – продолжала бабушка. – Прости мне эту ложь, дитя моё. Она продиктована исключительно благими намерениями. Я хотела, чтобы ты приехала сюда... и пошла вместе со мной на приём. Дело в том, что твой отец... ты знаешь, что он ненамного младше меня? Ему уже пятьдесят пять лет. Это опасный возраст для мужчины. А когда настанет ему время предстать перед богами, то его земные блага ему уже не пригодятся. Его состояние должно достаться тебе. Тебе – и ей, – она взглянула на Алайну, мирно спящую у неё на руках.

– О боги, нет! Я не хочу его видеть и не хочу ничего от него получать. Я и сама справлюсь. Сама могу её вырастить и обеспечить.

– Ты хочешь, чтобы она росла деревенской приبلудой? – жёстко спросила бабушка. – Когда может блистать при дворе? Хочешь, чтобы она вышла замуж за сельского кузнеца, который станет лупить её после воскресной попойки? Хочешь, чтобы умерла в грязной лачуге от очередных родов, потому что у её мужа не будет денег позвать ей целителя?

Она говорила тихо, но очень отчётливо. И, что самое тягостное, была совершенно права. От наследства матери уже почти ничего не осталось после того, как я купила дом в Амани, скот, наняла рабочих. Денег, что я зарабатывала, на жизнь хватало, удавалось даже откладывать на чёрный день – но бабушка была права, жизнь в столице я своей дочери обеспечить не смогу.

Чего там, нам пришлось бы очень туго этой зимой, если бы не подспорье от бабушки. А ведь она сама небогата, из слуг у неё только Есена, от когда-то процветавшего клана Скайнеров осталось всего-то что родословная и семейная гордость.

Увидев, что её слова действуют на меня, бабушка заговорила тише и ласковее:

– Ты его единственное дитя. Он сознаёт свою вину перед тобой. Если ты придёшь на приём, первой сделаешь шаг навстречу, ты обрадуешь его сердце. Я не хочу защищать его, он принёс много горя твоей матери и тебе, я никогда его не любила, я вообще не хотела, чтобы твоя мать выходила за него... но я не могу не признать, что он по-своему тебя любит.

– Ох, я не знаю, – я покачала головой. Осторожно вынула крепко заснувшую Алайну из бабушкиных рук, уложила в корзину. Малышка не проснулась, только поглубже заснула в рот пальчик. – Если бы любил, дал бы о себе знать.

– В таком случае, думаю, я должна открыть тебе ещё один обман.

Я с оторопью посмотрела на бабушку. Она улыбалась, и моё дёрнувшееся было от тревоги сердце немного успокоилось. Что бы это ни было, кажется, всё не так страшно.

– Те деньги, которые я тебе посылала – на самом деле были от твоего отца.

Я застыла. В голове стало совсем пусто. А бабушка спокойно продолжала:

– Ох, поначалу я долго не хотела принимать их, обманом заставляя тебя пользоваться ими. Думала продать этот дом, я же всё равно старуха, дожила бы где-нибудь на окраине. Но он меня убедил. Родители должны заботиться о своих детях, думаю, ты это понимаешь сама теперь. Верно?

Я опустила глаза, не в состоянии даже кивнуть. Мне нужно было время, чтобы продумать эту новость. Да, это и впрямь был обман. Обман во благо, как и тот, которым бабушка меня сюда вызвала – и всё же обман. Но – странная вещь – в любой другой ситуации я бы огорчилась, но сейчас – негласное свидетельство заботы со стороны отца меня неожиданно обрадовало.

Предложи он деньги мне напрямую, я бы никогда их не приняла. Отослала бы назад, как отсылала его письма. Приди мне перевод от неизвестного дарителя, тоже не стала бы принимать, испугалась бы, решила, что какое-то мошенничество или ловушка. Но отец нашёл общий язык с бабушкой, сумел уговорить её – и всё ради того, чтобы помогать нам.

Я подняла глаза:

– Ладно, я пойду с тобой на этот приём. Покажу этим, что готова простить. Но, бабушка... я не хочу делать это ради наследства.

– Ах, дитя моё, да кто же сказал, что это наследство уже готово упасть тебе в руки. Он может прожить ещё и двадцать, и сорок лет, – глаза бабушки хитро заблестели.

Ах она прожжённая интриганка! То одно скажет, то через пару минут другое. И всё для того, чтобы убедить меня.

Я покачала головой, ничего не отвечая на её фразу. Про себя я уже приняла решение. Да, на приём пойду. Буду вести себя достойно, при случае поблагодарю отца за деньги. Но в дом бабушки приглашать не стану и об Алайне тоже ни слова не скажу. И вот только если он изъявит желание сам увидеться с ней и назвать её своей внучкой – хотя бы только в кругу семьи, не нужно объявлять об этом с помпой, – вот тогда, может быть, и подумаю о том, чтобы простить его.

Вот так вышло, что я дала своё согласие и уже через несколько дней примеряла заказанное для приёма платье. Длинное, из гладкого золотистого шёлка, оно красиво оформляло оставшуюся по-девичьи

тонкой талию и пополневшую грудь. Слава богам, молока у меня хватало, кормилицу нанимать не понадобилось.

Платье сидело отлично, подшивать почти не потребовалось. Белошвейки обещали, что уже к вечеру привезут его в дом к нейди Скайнер.

Словом, всё шло хорошо, но меня не отпускало какое-то смутное предчувствие: как будто мне не следует идти на приём. Или нет, не совсем так. Как будто если я пойду туда, вся моя жизнь перевернётся. И неясно, чего ожидать, то ли хорошего, то ли дурного.

Я уже несколько раз порывалась отказаться, но объективных причин для этого найти не могла. Алайна будет в безопасности дома, с Фессой и Есеной, ей ничего не грозит. Защита на доме стоит сильная. На королевском дворце, где состоится приём – тем более. И уж точно никто не признает в посетившей приём вместе с нейди Скайнер вдовой нейди Ивелин исчезнувшую год назад дочь графа Рейборна.

На всякий случай, чтобы с гарантией остаться неузнанной, я собиралась прикрыть верхнюю часть лица вуалью.

Всю торжественную часть мы с бабушкой простояли в тени у длинных тёмно-красных бархатных портьер, подхваченных золотыми шнурами. Я боялась, бабушка будет настаивать, чтобы я сразу показала отцу, а то и подошла бы удостоиться чести поцеловать руки их величеств, но она, похоже, была удовлетворена одним тем, что я согласилась прийти.

Когда я увидела отца – за год и правда сильно постаревшего и поседевшего, но по-прежнему державшегося прямо и сурово, в тёмно-коричневом сюртуке и при трости, с лентой святого Мартия на груди, величайшей наградой королевства – внутри что-то ёкнуло и потянулось к нему. Хотя я и не простила его, он всё равно оставался моим отцом. То, что он когда-то отрёкся от нас, разрывало мне сердце. То, как поступил с Сейджем... воздвигало непреодолимую стену.

Запутавшись в собственных чувствах, я нашла выход в мыслях об Алайне. Было удивительно, насколько её рождение изменило меня, дало мне силы и одновременно сделало бесконечно слабой. Даже

сейчас, слушая речь его величества – он благодарил отца за его долгую верную службу, перечислял его заслуги, выражал сожаление, что приходится терять такого ценного соратника, и в то же время признавал, что за долгие годы отец заслужил покой, – я беспокоилась о всяких мелочах: хорошо ли Алайна ела оставленное мной молоко, не капризничала ли, не разболелся ли у неё животик, не заболтались ли Фесса с Есеной, забыв следить за малышкой. Знала, что всё в порядке, но тем не менее беспокоилась.

Будь моя воля, я бы поскорее вернулась домой. Всё-таки я не привыкла к такому обществу, чувствовала себя лишней здесь, чужие взгляды будоражили и пугали. Но всё было терпимо, пока, невзначай оглядывая зал, я не наткнулась – именно наткнулась, напоролась – на особенный взгляд: резкий, немигающий, пугающе пристальный, сверлящий насквозь. Вздрогнула, прикрылась веером и сама всмотрелась тщательнее под защитой чёрной вуали.

Взгляд принадлежал высокому стройному мужчине в модном нынче цилиндре. Чёрные локоны выдавали в нём южанина, и я невольно содрогнулась, вспомнив дин Койоху. Поспешно отвернулась, но сердце почему-то как пустилось вскачь, так и продолжало бешено гонять кровь по венам, мешая вернуться в спокойное созерцание.

Станный мужчина. Почему он смотрит так нагло, так откровенно? Так пугающе властно, словно собирается заявить на меня все права? Может, он иностранец и всего лишь не умеет следовать нашим правилам приличия?

Я продолжала чувствовать его взгляд, он словно пожирал меня, обгладывал, как голодный обглаживает говяжью кость. С каждой минутой становилось всё более и более неудобно. Поэтому, когда бабушка тронула меня за локоть, я встрепенулась и с готовностью последовала за ней – в сторону отца.

Отец разговаривал с незнакомым мне мужчиной лет тридцати на вид, одетым в элегантный чёрный сюртук. Гладко зачёсанные назад тёмно-русые волосы поблёскивали в свете канделябров. Он первым заметил наше приближение, что-то сказал отцу, и тот обернулся.

– О боги... Тинна!

Увидев нас, отец замер. В его глазах блеснули слёзы, а рука, сжимающая набалдашник трости, мелко задрожала. Он молчал, словно боялся, что голос выдаст его волнение.

Его спутник с любопытством уставился на меня. Я присела в низком поклоне, отметила восхищение в зелёных глазах и ответила вежливой улыбкой.

Отец схватил меня за руку, не дожидаясь, пока я выпрямлюсь.

– Боги! – повторил он, вглядываясь в меня так, словно не верил собственным глазам. – Ты приехала!.. Ради меня?..

От нахлынувшего волнения, от неуместной, возможно, жалости, в горле встал комок. Я ничего не ответила, зато вступила бабушка:

– Полно, граф, на вас смотрят. Умерьте вашу радость, это привлекает внимание.

Отец беспомощно улыбнулся, выпрямился, но руку мою не отпустил. Кивнул, благодаря за напоминание, и повернулся к бабушке:

– Благодарю, что приняли приглашение, нейди Скайнер. Счастлив видеть вас сегодня здесь. Позвольте представить вам графа Нейсона, моего преемника. Именно он получит звание следующего Хранителя Хрустального Жезла Диомеи.

Зеленоглазый мужчина с лёгкой улыбкой поклонился и поцеловал бабушке руку. Потом его глаза обратились на меня, и отец продолжил:

– Нейди... – запнулся, поймав мой взгляд, – Нейди Ивелин... – граф Нейсон. Граф, нейди Тинна Ивелин – моя дочь.

Брови зеленоглазого графа Нейсона взметнулись вверх. Он был потрясён и не скрывал этого. Поцеловал руку и мне, и я порадовалась прикрывающей кожу перчатке, потому что поцелуй его длился немного слишком дольше, чем это позволяет этикет.

– Нейди Ивелин... замужем? – он вопросительно посмотрел на моего отца. Видимо, среагировал на разные фамилии.

– Вдова, – ответила я первой.

– О. Мои соболезнования, – граф Нейсон снова легко поклонился, но мне показалось, он сделал это скорее для того, чтобы спрятать удовлетворённый блеск глаз. – Вы не в трауре, следовательно, вы будете танцевать?

– Танцевать? – повторила я, чтобы выиграть время. На самом деле моя задача – встретиться с отцом – была выполнена, и теперь я собиралась найти удобный момент, чтобы улизнуть.

Отец угадал, о чём я думаю.

– Остайся, Тинна. Прошу тебя. Я должен сейчас обойти гостей, но потом я хочу поговорить с тобой.

Его серьёзный, почти умоляющий взгляд смутил меня. Я в замешательстве кивнула.

Боги, неужели он действительно раскаивается? Или, даже более того, согласен признать Алайну своей внучкой? Нет, это слишком безумно, чтобы быть правдой – незаконнорождённый ребёнок, дочь его врага...

И всё же мне хотелось – пусть не поверить, но хотя бы помечтать.

Танцы начались почти сразу после этого. Сверху, со второго этажа, балконом опоясывающего зал, послышались звуки музыки, и граф Нейсон поспешил предложить мне руку:

– Позвольте пригласить вас.

Отец благодушно кивнул. По-моему, он был даже рад нескрываемой симпатии своего преемника. Бабушка прикрылась веером, и я не смогла понять её взгляда из-под густой вуали. Кажется, она внимательно всматривалась в графа Нейсона.

Быстро поклонившись старшим, я вложила руку в протянутую ладонь.

Граф Нейсон повёл меня в центр зала, мы заняли позицию, он улыбнулся и, привлекая меня к себе, с нескрываемым восхищением произнёс:

– Ваша красота не может оставить мужское сердце равнодушным.

– Вы смущаете меня, – ответила я, кладя руку на его плечо.

Я не лгала, меня и впрямь смущали его ухаживания. Во-первых, за этот год я привыкла слышать только незамысловатые комплименты селян, и никто из них не осмеливался сократить дистанцию, все словно чувствовали, что мы принадлежим разным мирам. А во-вторых, сначала я носила Алайну, потом пыталась наладить новую жизнь, сосредоточившуюся вокруг дочери – и только в последнее время снова начала ощущать себя женщиной – и, пожалуй, можно сказать, довольно привлекательной женщиной.

– Я... – он не успел договорить, фигура в танце сменилась, и между нами вдруг вклинился тот самый напугавший меня мужчина с обликом южанина.

Я отшатнулась, но он поймал меня за руку, другой рукой схватил за талию, по-хозяйски притянул к себе. Возмущённый возглас графа Нейсона потонул в музыке, сходящиеся и расходящиеся пары

помешали ему преследовать нас – а незнакомец быстро и целеустремлённо уводил меня прочь, умело лавируя между танцующими. Тяжёлая ладонь жгла мне поясницу, а уверенные, властные, непререкаемые движения заставляли молча повиноваться, даже не допуская мысли вырваться или закричать.

Наваждение спало, когда незнакомец, по-свойски приподняв портьеру, открыл спрятанную за ней дверь и втолкнул меня в комнату. Я отбежала от него на несколько шагов, хотела было закричать, но мужчина взмахнул рукой, и мои голосовые связки словно перетянуло тугой лентой. Из рта вырвался лишь тихий всхлип.

Я попятилась, не спуская глаз с незнакомца. А он лишь ухмылялся – кривоватой, смутно знакомой, жёсткой и холодной ухмылкой. Впечатление портил лишь змеящийся по его щеке шрам. Запоминающаяся черта, и я могла поклясться, что ни разу в жизни человека с таким шрамом не видела.

Что ему от меня нужно? Зачем он притащил меня сюда и что собирается делать?

А он шёл вслед за мной, шаг в шаг, пока я наконец не застыла, прижавшись лопатками к стене, не сводя с него испуганного взгляда.

Незнакомец расстегнул верхнюю пуговицу сюртука – и по этому полному хищного предвкушения, нарочито неторопливому движению я наконец его узнала.

Узнала и поразились: почему я не увидела этого сразу?

Сейдж стоял передо мной почти таким же, каким я его помнила. Да, посмуглевший, как будто провёл долгое время под жарким солнцем, с чёрными локонами до плеч, со шрамом на щеке, изменившимися чертами, непривычно чёрными глазами, но всё же это был Сейдж. Его выражение на чужом лице. Его кривоватая ухмылка. Его острый взгляд.

Воздух перестал проходить в лёгкие. Горло сжалось, я замотала головой, не в состоянии поверить догадке, поверить собственным глазам. Это не может быть он. Ведь он же погиб.

А если и не погиб – он объявлен вне закона, его ищут как совершившего преступление против короны и как только найдут, ему прямая дорога на эшафот. Разве может такой человек как ни в чём не

бывало заявиться на королевский приём по случаю отставки своего злейшего врага?

Учащённо бьющееся сердце подсказало ответ. О да, Сейдж – может.

Более того – это в его стиле. Изменить облик, создать легенду, добыть приглашение и сунуть голову в пасть льва – да, в этом весь он. Но он никогда не пойдёт на это ради одного лишь риска. Нет, у него другая цель. Но какая?

– Рад встрече... – шепнул Сейдж почти нежно.

Протянул руку к моему лицу, коснулся щеки, волос – а потом резко сорвал с меня вуаль, не обращая внимания на мой неслышный вскрик и посыпавшиеся из причёски шпильки. Судорожно втянул в себя воздух, увидев моё лицо. Глаза сверкнули. Он довольно и зло усмехнулся – и, не дав мне ни мгновения, нагнулся, накрывая мой рот поцелуем.

Я словно очутилась в прошлом, почти забывшемся за этот год. Снова стояла прикованная в решётке в подземелье, ощущая прикосновения его требовательных губ, его сильных пальцев, сжимавших мои запястья.

Я не сопротивлялась. Я никогда не могла ему воспротивиться. Может быть, где-то глубоко в душе и не хотела. Моё изголодавшееся, истосковавшееся по нему тело тянулось к нему с безумием умалишённого. Требовало его, ныло от его прикосновений, от его запаха, резкого, горьковатого, такого знакомого.

И торжествовало, когда Сейдж оторвался от меня на один короткий миг, уставился в мои глаза взглядом помешанного, коротко и зло выдохнул и снова поцеловал, будто не в силах противостоять наваждению.

Его рука вцепилась в мой затылок, а я вместо того, чтобы вырваться, сама притянула Сейджа к себе, схватила за шею, как будто, если бы сейчас он отстранился, я умерла бы на месте. О боги... это был он, моя любовь, моя смерть, моя мука, воскресшая из небытия, вернувшаяся с того света. Его жгучее дыхание на моих губах, требовательный напор, сводящие с ума прикосновения, язык, жадно очерчивающий мой рот...

Сейдж снова то ли выдохнул, то ли простонал сквозь стиснутые зубы, отпустил и вторую мою руку, смял грудь в корсаже платья. Я

выгнулась от остроты ощущений, от прохлады шёлка и жара его ладони, уставилась в потолок, чувствуя, как он целует мою шею, как дрожащими от желания пальцами, выдирая с мясом крючки на ткани, освобождает из хватки платья мою грудь.

В следующее мгновение я почувствовала его губы на твёрдом, стоявшем торчком соске и издала глухой из-за действия заклинания, какой-то животный стон. О боги... если бы Сейдж не удерживал меня, я бы, наверное, упала, так сильно, мгновенно прострелило поясницу, ослабели ноги и внизу живота сладко заныло.

Он мучил мой сосок, катал его между губами, всасывал и отпускал, наслаждаясь моими стонами, моей слабостью, тем, как я извивалась в его руках. Чёрные локоны щекотали кожу, воздух охлаждал влажные следы его поцелуев, а жар его ладоней заставлял пылать и меня саму. Потом я заметила странное выражение на его лице, он облизнул губы, нахмурился, словно прислушиваясь к вкусу, и я похолодела. Сейчас он поймёт, что я кормлю...

Но Сейдж ничего не сказал, лишь бесцеремонно развернул меня лицом к стене и задрал юбку. Я ахнула от прикосновения прохладного воздуха к ногам и почти сразу – от ощущения пальцев Сейджа в том укромном местечке, которое больше года не знало мужчины. Которое вообще не знало иного мужчины, кроме Сейджа, и даже сейчас, в этой невероятной, невозможной ситуации отвечало ему со всей готовностью и влажным пульсирующим жаром.

– Ах ты маленькая потаскушка, – прозвучал над ухом распалённый, подрагивающий от желания голос Сейджа, и его пальцы погрузились внутрь меня.

Я протестующе замычала, попыталась сдвинуть ноги, развернуться, впиться ногтями в его лицо, показывая моё возмущение этим низким отвратительным словом, но Сейдж навалился на меня всем телом, пригвождая к стене, а его рука стала двигаться быстрее, то погружаясь внутрь, то задевая средоточие всех ощущений, вызывая в моём теле сладкий томительный трепет, которому невозможно было противостоять. Я перестала сопротивляться и лишь постанывала, упираясь обнажённой грудью в затянутую шёлком стену, еле дыша под тяжестью Сейджа, почти не чувствуя собственные ноги, зато чувствуя яростный ритм, неумолимый, всё убыстряющийся ритм прикосновений к влажной, горячей от желания промежности.

Если бы я могла говорить, я бы потребовала, чтобы Сейдж скорее вошёл. Сладкая мука его прикосновений сводила меня с ума. Но он словно наслаждался этим, играл на мне, как на музыкальном инструменте, пока я не задрожала от подступающего оргазма. Тогда движения его пальцев стали жёстче и сильнее, безжалостно вознося на самую вершину – и, наконец, хватая ртом воздух, содрогаясь всем телом, я упала в безумное наслаждение.

– Такая же сладкая... – прошептал Сейдж.

Затуманенным сознанием я уловила шуршание ткани, скрип пуговиц. По влажной промежности снова прошла рука Сейджа, я инстинктивно сдвинула ноги, но Сейдж бесцеремонно толкнулся бедром, вклиниваясь между ними, и в следующее мгновение я ощутила там, внизу, уже совсем не пальцы, а нечто куда более массивное, горячее и твёрдое. Вцепилась в стену, чтобы устоять, стиснула зубы, чувствуя, как меня заполняют, растягивают, приспособливают под себя, безжалостно приминая нежную, воспалённую недавними ласками плоть. По телу пробежали сладкие спазмы, откликаясь на движения Сейджа, на мощь и жар его возбуждения, прерывистое горячее дыхание, шевелившее волосы у моего уха.

Перехватив за талию, Сейдж заставил меня выпрямиться – настолько, насколько это было возможно, – упереться руками в стену, а сам накрыл пальцами мои соски, продолжая вбиваться сзади. Я вздрогнула от прошившей меня насквозь сладостной судороги.

Боги, что мы творим. На приёме, в королевском дворце, едва встретившись после такой долгой, безумной разлуки. Не обменявшись и парой слов. Но в этом был весь Сейдж, он всегда поступал только так, как сам считал нужным. И сила его желаний, его обжигающий напор – под ними меркло всё, кроме «здесь и сейчас».

Я почти забыла это ощущение – вот так стонать под мужчиной, подчиняться ему со всей страстью, всем желанием обезумевшей самки, дрожа от вожделения, чувствуя внутри себя чужеродного, бесцеремонного, вторгающегося со всей наглостью, терзающего сладкой мукой захватчика. Темп движений всё нарастал, внутри у меня остро и сладко сжималось. Навалившись на меня, Сейдж дышал мне в затылок, заставляя волны мурашек прокатываться по коже, и через несколько минут я снова почувствовала приближение пика.

Знакомая дрожь хлынула по ногам, по рукам, острое, всепоглощающее наслаждение взорвалось яркой ослепительной вспышкой, я снова глухо застонала, сжимая Сейджа собой, сокращаясь всеми мышцами, почти падая, оттого что Сейдж не переставал насаживать меня на себя.

И только дождавшись, когда я перестану дрожать, он резко перевернул меня, подхватил за бёдра и, глаза в глаза, губы в губы, догнал сильными, грубыми толчками. Выдохнул длинно и жарко мне в рот в то время, как горячее семя рывками изливалось внутрь меня.

Я ещё вздрагивала от остаточных ощущений, когда Сейдж отпустил – почти оттолкнул меня и отошёл в сторону. Достал амулет связи, пока я, еле удерживаясь на ослабевших ногах, поправляла измятое, влажное кое-где, истерзанное платье, и буркнул:

– Это я.

Я прислушалась, но голоса собеседника не услышала. Впрочем, моё собственное бурное дыхание и сердце, которое, казалось, билось в ушах, всё заглушали.

– Отлично. Адж на месте?

Снова неслышный ответ.

– Отлично. Я возвращаюсь, и начинаем.

Я выпрямилась, чувствуя смутную угрозу в этом, казалось бы, безобидном обмене репликами. Сейдж что-то затеял, и я догадывалась что.

Какая может быть цель у мужчины, который потерял по вине другого мужчины всё, что имел? Какая ещё – кроме мести?

Возможность говорить пока не вернулась, и я только молча, с бурно вздымающейся от эмоций грудью, стояла у стены.

Сейдж обернулся:

– Не выходи из этой комнаты, если хочешь жить.

Дверь за ним – уже совершенно холодным, далёким, словно не он только что яростно целовал меня, яростно насаживал меня на себя – захлопнулась.

Я выбежала немногим позже, но Сейдж уже затерялся среди толпы, и я тщетно высматривала среди пёстрых одежд фигуру в чёрном сюртуке.

Тогда бросилась, расталкивая людей, бормоча извинения, в другую часть зала, туда, где оставила бабушку и отца. Нашла их

взглядом – бабушка выглядела взволнованной, – замахала рукой, чтобы привлечь внимание. Нужно срочно предупредить их. Остаться здесь опасно, Сейдж что-то планирует...

Но я не успела даже добежать. Прогремел оглушительный взрыв, и совсем рядом со мной вспух, алая на глазах, ослепительно-белый, обжигающий, распространяющийся с безумной скоростью купол.

– А чего удивляться, банальный террористический акт, – сказал чем-то знакомый мужской голос. – Они сначала вошли в моду в других странах, но постепенно вот дошли и до Диомеи. Куда удивительнее, ваше величество, что им как будто что-то помешало или, вернее, как будто они изменили планы уже после того, как заклинание было приведено в действие.

– Сработала дворцовая защита? – другой голос, неторопливый, словно владеец его привык тщательно взвешивать слова.

– Защиту они каким-то образом обошли, – этого человека я узнала: отец. – Нет, они были полны намерений достать меня и обязательно в этом преуспели бы. Более того, они всё подготовили, чтобы это выглядело как несчастный случай. Катастрофическая неисправность в охранных системах – и ползала взлетает на воздух. Но я не могу понять... зачем они после всего этого воспользовались тёмной магией? Чтобы выдать себя?

Никто не ответил. Потом смутно знакомый голос предположил:

– Решили добить? Испугались, что изначальной мощи не хватит?

– Нет, дело не в этом. Вектор – вектор действия был обратный! Как будто тёмная магия была использована на то, чтобы остановить заклинание взрыва. Это какая-то бессмыслица, абсурд.

– Я уверен, граф Нейсон обязательно выяснит, в чём дело. Мне будет приятно, если вы согласитесь помочь ему вашими бесценными советами. А мы с маркизом Энсеном выясним, каким образом заговорщики проникли внутрь и смогли беспрепятственно привести в действие такой ужасающий план.

– Я... я разберусь, ваше величество!.. Ума не приложу, как они смогли... – новый, дрожащий и взволнованный голос.

Я распахнула глаза. В поле зрения сразу попали два лица: встревоженное, с поднятой на лоб вуалью, принадлежащее бабушке, и незнакомое мужское, с аккуратной белоснежной бородкой и острыми карими глазами. Бабушка ахнула, неуверенно улыбнулась и подалась ко мне, а незнакомый мужчина негромко объявил:

– Нейди изволила очнуться.

Разговор сразу прекратился. Я попыталась сесть, бабушка помогла мне, незнакомый мужчина по-свойски взял за запястье. Я наконец поняла, кто это: целитель.

– Как ты себя чувствуешь, Тинна? – рядом встал отец, а рядом с ним, как притянутый верёвочкой, очутился граф Нейсон.

– Слава богам! – прочувствованно воскликнул он.

Я смутилась от неожиданного внимания стольких людей, опустила глаза. Память вернулась не сразу, первым делом я встревожилась, что с Алайной, потом вспомнила, что она дома, потом – о Сейдже и том, что между нами было. И лишь последним пришёл нарастающий жар белого купола.

– О боги... – я схватила бабушку за руку. – Что случилось? Я упала в обморок?

Неужели всё только привиделось?

– Нейди Тинна оказалась в центре удара, – первым ответил граф Нейсон, и я узнала: это он говорил о террористических актах. – Но...

– Они почему-то отменили атаку, – договорил отец, когда граф замаялся. – Мы не знаем почему, видимо, что-то в их планах пошло не так.

– Слава богам! Если бы они довели дело до конца, нейди бы сильно пострадала. А так – вас задело совсем чуть-чуть, целитель его величества уверил, что опасности нет.

– Прости меня, – глухо добавил отец, виновато глядя на меня. – Боюсь, что их целью был я. Боги, неужели я никогда не смогу обезопасить всех, кого невольно подвергаю опасности.

– Не сокрушайтесь так, граф, – вступил в беседу неторопливый голос, и, повернув в его сторону голову, я увидела его величество. – В данном случае опасности всех подверг я, ведь всё случилось на моей территории. Следовательно, в произошедшем моя и только моя вина. Мы с его сиятельством выясним, что именно произошло и как сделать так, чтобы подобное не повторилось.

Король бросил строгий взгляд назад, и я увидела бледного, со взмокшим лбом, который он беспрестанно утирал большим платком, маркиза Энсена, начальника дворцовой охраны. Я знала его, он присутствовал год назад на торжестве по случаю моего представления свету. Поймав взгляд его величества, маркиз снова начал бормотать извинения.

– Вы сказали, заговорщики поменяли планы? – тихо спросила я у графа Нейсона.

Тот кивнул:

– По всей видимости, хотя мы ещё не поняли почему. Впрочем, вам не стоит забивать такими вещами вашу хорошенькую головку. Мы позаботимся обо всём.

– Да, Тинна, тебе лучше вернуться домой. Или... – отец замялся, но продолжил, заглядывая мне в лицо, – может быть, вернёшься в замок?

Я покачала головой. Пусть замок защищён куда лучше, чем дом бабушки, я не собиралась возвращаться к отцу, пока между нами всё не прояснится. И даже после того, как прояснится, даже если отец вдруг решит признать Алайну своей внучкой – не уверена, что и в этом случае я захочу вернуться.

– Если ваше сиятельство позволит, я с удовольствием отвезу вашу дочь и многоуважаемую нейди Скайнер до их жилища, – граф Нейсон повернулся к отцу.

Я мысленно поморщилась: терпеть его ещё и на обратном пути – о нет. Не сейчас, когда сердце раздирает на части, когда единственное, чего мне хочется – скорее оказаться рядом с Алайной, обнять её и глубоко вдохнуть её запах.

– Не стоит, граф, – вместо отца ответил уже по-старчески ломкий, но глубокий и твёрдый голос бабушки. – Вам лучше будет остаться здесь.

Я с благодарностью пожала её руку.

Боги, я чуть было не погибла. И не только я – вместе со мной погибли бы и отец, и бабушка. Алайна... страшно представить, что ждало бы её, враз лишившуюся матери, деда, прабабушки...

Но Сейдж остановил действие заклинания. Это точно был он, кто ещё среди собравшихся мог бы с такой лёгкостью воспользоваться

тёмной магией? Но почему он так поступил? Передумал мстить отцу? Понял, что заклинание заденет непричастных? Или... ради меня?

Невыносимо было думать об этом всём, мысли теснились в разуме, я чувствовала, будто схожу с ума. Безжалостность Сейджа пугала. И то, что моё сердце всё равно тянулось к нему, пугало ещё сильнее.

Дома всё было в порядке, горел ночник рядом с кроватью, где, заботливо окружённая скрученными одеялами, мирно спала Алайна. Я поблагодарила сидевшую с ней Фессу, отправила её спать, а сама, на скорую руку помывшись, забралась под одеяло к дочери. Замерла, лёжа на боку, подперев голову рукой, глядя на её спокойное маленькое личико.

Надо уезжать отсюда.

Надо уезжать, оставить отца, который, как только выяснит, что покушался на него Сейдж, тут же снова загорится жаждой мести. Оставить бабушку, пока она не пострадала из-за меня. Убежать, вернуться снова в безопасную Амань. Там Сейдж нас не найдёт.

Не найдёт и никогда не узнает о своей дочери. О внучке ненавистного Рейборна, «отродье», которое он грозился убить.

Сейдж дин Ланнверт

Я поставил на неё метку.

Сразу, как только коснулся податливой плоти, уже чувствуя, как стремительно отключается мой разум от прикосновения к ней, от движений её вздымающейся груди, почему-то куда более полной и налитой, чем мне запомнилось. Она ничего не заметила, да и не должна была. Эта метка даже не оставляла следов на коже, она сразу проникала внутрь. Именно благодаря ей я вычислил, где живёт моя маленькая развратная лгунья.

Защита на доме стояла когда-то неплохая, но её явно давно не обновляли. Вернее, обновляли, но делал это какой-то безрукий идиот, явно не Рейборн, так что сейчас со взломом справился бы, наверное, и пятилетний ребёнок. Впрочем, в данном случае это было мне только на руку.

С полчаса назад приставленный к дому соглядатай сообщил, что старая нейди с компаньонкой куда-то отправились, и я решил навестить свою лживую распутницу. Я думал об этой дряни не переставая, с того самого вечера, когда увидел её в королевском дворце. Вот это была встреча. Я сразу её узнал, хоть она и напялила на глаза идиотскую чёрную вуаль, а на голову – скрывающую её примечательные каштановые кудри шляпку.

Тем не менее, я не сразу поверил собственным глазам. Всё пытался разглядеть её лицо через ту вуаль и сомневался: нет, не она, не может того быть. Почему она здесь, почему в компании какой-то старухи? Где её муж? Или она всё же не вышла замуж?

Такое предположение меня обрадовало. Приятно грело самолюбие, льстило мыслью, что я был настолько хорош, что после меня она не захотела другого. Ведь за Арда она точно не выскочила.

Но когда я увидел её танцующей с каким-то хлыщом, всё спокойствие как ветром сдуло. Ярость вспыхнула, как пожар на соломенной крыше, в мгновение перед глазами всё заволочло красным туманом. Кроме её лица – она осмеливалась улыбаться! Едва заметно, краешками губ – но эта лживая до мозга костей дрянь осмелилась

улыбаться, нежно положить руку на плечи чуть ли не слюни на неё ронявшему хлыщу в долгополом сюртуке и кружиться с ним в танце.

На миг я потерял самообладание. Поступил так, как на трезвую голову никогда бы не поступил. Повёлся, как мальчишка, поставил под угрозу весь план.

Она и раньше заставляла меня совершать безумные поступки. Делать глупые ошибки, торопиться, упускать важное. Очень может быть, что намеренно, исподволь управляя моими эмоциями – но на этот раз моя глупость была полностью моей заслугой.

Но... оно того стоило.

Я осознавал, что моя страсть к ней – это что-то ненормальное. Крючок искусственно раздутых эмоций, умело созданный ей самой, крючок, который она всадила мне под жабры и за который искусно подсекала при необходимости.

Осознавал, но не мог не поддаваться. Не мог вытащить этот крючок. И ведь ни один маг эмоций не помог – за целый год! Максимум, чего я добился, были уверения, что всё пройдёт, если не встретаться с наславшим чары магом.

И вот же – снова встретил на свою голову. Причём как раз тогда, когда смерть Рейборна была уже фактически предрешена.

Мы готовили этот план полгода, только не знали, когда представится шанс его исполнить. И вот, стало известно об отставке Рейборна, мы сумели создать легенду из ничего, достать приглашения, взломать защиту... уже близнецы стояли на своих местах, камни были разложены по схеме, Рейборна должно было уничтожить в одно мгновение, разметать кровавыми лохмотьями. Его бы не спасло ничто.

Невинных мне не было жаль, все там были сплошь королевские крысы да подлипалы, одним больше, одним меньше. Но она, эта дура, которой я на чистом диомейском велел не высовываться – полетела напрямик к Рейборну.

Заклинание убило бы её в одно мгновение.

И я даже не принял решение – я просто выхлестнулся силой на весь зал, чтобы эту дуру, эту лживую предательницу – спасти.

За голову хвататься пришлось потом. После того как, подхватив Аджера с Мейнором, я сбежал со всех ног из переполошенного, едва ли не армией окружённого дворца, когда осознал, что все результаты полугодовой подготовки я – из-за одной курицы! – отправил к Райасу,

когда понял, что она опять обманула меня, обвела вокруг пальца, умело подсадила на своё собственное тело, использовала себя как приманку, как рычаг для управления. Словно была уверена, что я всё отменю, увидев, как она бежит напрямиком в центр атаки.

Вот что раздражало. Что она так хорошо изучила меня или так сильно уверена была в своей надо мной власти.

Ну и красноречивые взгляды Аджера с Мейнором. Вслух высказываться они не осмелились, но всё было ясно и так.

Сейдж совсем сдал, говорили их глаза. Из-за бабы пустил на воздух такой план, комар носа не подточил бы. Под собачий хвост вся подготовка и все легенды, полгода усилий. И мало того, что план загубил, так и себя же выдал, опять откроется охота.

Но я не мог позволить ей снова сбежать от меня, теперь уже на другой свет, откуда даже сам Райас не смог бы её вернуть.

Впрочем, ей это так с рук не сойдёт. Этот соединяющий нас крючок и леска, на которую он нацеплен – вещь обоюдная. Загарпунила меня – пусть пожинает плоды.

Я выждал всего полтора дня. Никому не сказал и снова сунул голову – возможно, в ловушку.

Возможно, и эта встреча на приёме, и тот торопливая близость в кабинете рядом с залом – всё это было подстроено. И сейчас в этом доме с такой на удивление детской защитой меня поджидает не безоружная девушка, а отряд королевских магов.

Но я всё равно знал, что отправлюсь туда.

Я уже собрался было зайти, как изнутри послышались шаги. Я шатнулся назад под завесой незаметности. Дверь открылась, и в проёме показалась молодая служанка с довольной улыбкой на лице. Вдогонку ей донесли слова... её, моей маленькой шпионки. И как всегда, мороз прошёл по коже от звука её голоса.

– Насладись как следует выходным!

– Да-а, нейди Тинна! – ответила служанка, захлопнула дверь и поскакала к калитке.

Отлично, сегодня Райас на моей стороне. Не придётся оглушать служанку, чтобы не подняла шум. Но интересно, где же всё-таки муж? Или она и впрямь вдова, как об этом твердят в окрестностях? Мол, к нейди Скайнер приехала знакомая издалека, некая вдова нейди Ивелин.

Что ж, если муж уже сдох, тем лучше. Не придётся самостоятельно сворачивать ему шею.

Со снятой защитой дверь подалась мгновенно. Оказавшись внутри, я нахмурился. Пахло странно. Не только обычный незнакомый запах чужого жилища, не только знакомый и будоражащий – её, но и третий, непривычный запах не пойми чего, навевавшего воспоминания... о детстве?

Под прикрытием завесы я шагал по чужому дому. Половицы скрипели под тяжестью тела, выдавая меня с головой. Но девчонка словно ничего не замечала. Что она, заснула там, едва выпроводив служанку?

Я заглянул в очередную комнату и наконец её увидел. И увидел вообще всё – скопом, целой картиной, поставившей в моих предположениях жирную черту, а под ней итог: да, она и впрямь выскочила замуж за другого. И не только выскочила, но и успела от него родить.

Она сидела в кресле, чуть повернув голову, глядя вниз, и закреплённые на затылке каштановые кудри мягко обрамляли лицо.

В паху привычно откликнулось при взгляде на её губы, на абрис щеки, прострелило похотью, которая тут же растворилась при виде обнажённой с одной стороны груди, к которой прильнул мелкий светловолосый младенец. Мне не было видно его лица, только пухлые щёки и рот, вобравший в себя весь сосок до ареолы и жадно причмокивающий.

Это было и невинно, и чувственно, и... неправильно, невероятно, раздражающе. Что-то непонятное заметалось внутри, не находя выхода, стискивая кишки, кружа голову.

Дверной косяк заскрипел под пальцами, и только тогда я опомнился. Отнял руку, перебарывая мерзкую дрожь, вдруг охватившую всё тело.

Родила. И правда родила. Тот странный сладковатый вкус, который я почувствовал во время нашей короткой близости на приёме – это было её молоко. Пища для вот этого странного существа, с такой жадностью высасывающего его из груди.

Из той самой груди, которая принесла мне немало удовольствия, из принадлежавшей мне груди, между прочим!

От нахлынувшей круговерти ощущений мне было сложно сосредоточиться, и Фараиту бесновался, добавляя неразберихи. Я был зол, что она снова предала меня, легла под другого, что с такой готовностью, едва избавившись от меня, выскочила замуж.

В возрасте младенцев я не разбирался, но этот, висевший у неё на груди, явно родился не больше, чем пару-тройку месяцев назад. Не знаю, когда она выскочила замуж, но, по всей видимости, понесла почти сразу после замужества. Я так и думал, что она окажется плодовита. Её тело просто создано для того, чтобы рожать.

Боги, а ведь она с такой готовностью мне отдавалась. Это ошеломило меня – она совсем не думала, что этим изменяет своему мужу? Или не ставила его ни во грош?

И обрадовало это меня тоже. Значит, тот старый пень или молодой идиот, за кого там её спихнул Рейборн, её не удовлетворяет, раз она так отвечала и раскрывалась мне? Значит, всё равно хотела меня, невзирая на то, что я враг её и её отца? Потому что я – да, я её хотел. Чувствовал себя последним олухом и всё равно хотел.

Ещё в моих ощущениях была и ревность, и глухая ярость. Это я, я мечтал её обрюхатить. Это *моего* ребёнка она должна была родить. Я мечтал, чтобы она носила его, чтобы толстела день ото дня, чтобы рожала и знала, что я отберу у неё этого ребёнка, как только родится. А я бы отобрал, о да. Воспитал бы ненавидящим старого Рейборна и послал бы убить его. Была бы славная месть, если бы они порешили друг друга, старый Рейборн и его внук.

Я криво усмехнулся собственным мыслям. Это была бы забавная шутка, но нет. Рейборна я убью сам, больше никто на это не годится. А эту... нет, эту мы убивать не будем. На эту у меня другие планы.

И я шагнул в комнату, снимая с себя завесу.

Тинна

Алайна сосредоточенно работала ротиком, а я не могла не улыбаться, наблюдая за ней. Длинные густые реснички бросали тень на пухлые щёчки, маленькие губки по-хозяйски обхватили грудь. Поначалу мы с ней намучились, пока обе не поняли, как доставать из меня молоко с наибольшей эффективностью. Но сейчас, на исходе пятого месяца совместной жизни, всё уже стало более или менее привычным.

Кормление шло совершенно спокойно – и тут у меня появилось ощущение, что в комнате кто-то есть. Вернее, я одновременно услышала поскрипывание досок пола под тяжёлыми шагами и почувствовала лёгкий сквозняк от движения. И ощутила на себе давящий взгляд. Вскинула глаза и чуть не закричала. У двери стоял Сейдж и смотрел на нас тёмным пронизывающим взглядом из-под нахмуренных бровей.

Он снял маскировку и выглядел почти как прежде, разве что шрам на щеке никуда не исчез. Золотистые светлые волосы открывали лоб, светлые глаза потемнели от злости, суровая складка справа у губ заломилась от презрительной усмешки. Сейдж стоял у косяка, такой большой в нашей маленькой комнате, и выглядел беспощадным, грудь тяжело вздымалась.

Я заледенела под его взглядом. Инстинктивно прикрыла Алайну – но было уже поздно. Он увидел её.

Он знает, что у меня ребёнок. Догадался ли, что это его дочь?

«Ты будешь рожать от меня, а я буду убивать эти отродья у тебя на глазах». Его фраза как будто снова прозвучала в этой безмолвной тишине нашей комнатки. Боги и святые покровители, что если он сейчас попытается...

Сейдж сделал шаг, и я вскочила, метнулась к стене, прижала Алайну к себе. Он не посмеет... я убью его, если он хоть пальцем к ней прикоснётся!

Передались ли малышке мои чувства, или она просто возмутилась, что прервали трапезу – послышалось негромкое недовольное кряхтение. Я накрыла светловолосую головку лежавшей у

меня на плечах шалью, отчаянно взмолившись, чтобы Алайна не стала плакать. Мне казалось, любой звук, который она бы издала, любое движение могли привлечь внимание Сейджа.

– Чей он? – глухо спросил Сейдж. – От кого ты его родила? Что это ещё за Ивелин?

Горло пересохло, и я не ответила. Кряхтение Алайны стало слышнее, она завозилась под шалью. Я закусил губу, перехватила малышку так, чтобы ей было удобнее, и приложила к груди. Тут же послышалось довольное причмокивание.

Наблюдая, как дочь ест, я хранила молчание. Отчаяние подкатывало к горлу. Боги, знать бы, что для неё безопаснее: признать, что это ребёнок другого мужчины, или открыть правду. Страшнее всего было понимать, что Алайна в любом случае останется внучкой моего отца – а значит, для Сейджа она всего лишь «отродье Рейборна».

– Проклятие, чего ты дрожишь там у стены? – с раздражением прикрикнул Сейдж. Сделал ещё пару шагов, стремительно приближаясь – большой, разъярённый, опасный.

– Не подходи! – крикнула я. Одной рукой прикрыла головку Алайны, другую, с атакующими амулетами, вытянула вперёд. Против Сейджа это наверняка как дробь против слона, но я не могла действовать иначе.

Может, если использовать парализующее заклятие, я смогу хотя бы оглушить его. И сбежать. Бежать отсюда со всех ног.

Сейдж остановился. Окинул нас изумлённо-злым взглядом.

– Ты что же, думаешь, я сделаю что-нибудь твоему ребёнку? – раздражённо спросил он. – Меня не интересуют чужие дети.

Это прозвучало как музыка небес. Он не собирается убивать Алайну. Подумал, что она дочь от моего мужа. Дети в браке принадлежат мужчине, следовательно, Сейдж внутри себя нас разделил. Алайна – принадлежит моему неизвестному мужу, его клану, я – ему, Сейджу. Во второй части предположения я ничуть не сомневалась. Даже во взгляде Сейджа сквозила эта неоспоримая уверенность: чья бы жена или дочь я ни была – принадлежу я ему.

Боги, теперь мне подурнело от другой мысли: он же не собирается нас разлучить?

– Покажи! – потребовал Сейдж. Он стоял совсем рядом, сверлил нас суровым взглядом, пышущий злостью, большой и страшный. Но

сам не протягивал руки и не пытался отобрать у меня Алайну или коснуться её без разрешения.

Я опустила шаль, открывая ему её личико. Напряжённая, готовая, чуть что, пуститься в бегство, закрыть дочь собой. Но Сейдж только молча смотрел на неё.

Сердце пустилось вскачь. Узнает в ней свою дочь? Не узнает? Неужели ничего не подскажет, не откликнется внутри? Да что же я за глупая гусыня, нельзя, чтобы откликалось. С Сейджа станется и правда убить её, чтобы отомстить ненавистному Рейборну, отомстить мне. О боги, он же до сих пор считает, что это я вынесла его разработки из поместья!

– Сколько ему? – спросил он ледяным голосом.

– Это она. Девочка, – я замешкалась, не зная, что ответить на его вопрос. Говорить правду было страшно: вдруг сопоставит сроки. – Три месяца... с лишним.

Солгала: на самом деле Алайне скоро пять месяцев.

– Она родилась немного раньше, чем должна была, – а вот это была правда, она и впрямь родилась почти на три недели прежде срока. Признание должно было сыграть мне на руку и ещё больше отдалить время предполагаемого зачатия от настоящего.

Сейдж некоторое время молча смотрел на меня, словно подсчитывая в уме. Потом резко спросил:

– Её отец жив?

Я помотала головой. Святая Миена, не покарай за ложь, ты же видишь, она во благо.

– Поэтому ты здесь? Приехала просить защиты у Рейборна? Семья твоего мужа прогнала тебя? Или ты и там что-то украла? Может, и мужа убила сама? – он засыпал меня язвительными вопросами, с явным удовольствием наблюдая за реакцией. – Тебя Рейборн с этой целью и подсовывает в постель нужным людям? Кто следующий, уже известно? Тот хмырь, с которым ты танцевала во дворце?

Я улучила паузу и сказала, глядя ему прямо в сощуренные от злости глаза:

– Это не я взяла твои разработки.

Сейдж осёкся. Потом зло и презрительно оскалился.

– Да? А вот это, – он грубо схватил меня за руку, поднёс к моему лицу, указывая на амулеты, – тоже не ты взяла, да? Кто же это позаботился о тебе?

– Амулеты... лежали в кабинете. Дверь была открыта, – под его сверлящим, полыхающим ненавистью взглядом я отвела глаза. – Я виновата в том, что взяла их... и что ушла... не предупредив.

Отбросив мою руку, Сейдж прорычал с раздражением:

– Молчать!

Отошёл, гулко, сильно печатая шаг. Алайна, то ли почувствовав мой страх и волнение, то ли испугавшись громких звуков, выплонула сосок и снова закричала, готовясь разразиться плачем. Я поспешно начала её укачивать, потом поняла, что Сейдж больше не кричит и не стучит каблуками по полу, в комнате вообще слишком тихо, и подняла глаза.

Сейдж по-прежнему был тут, стоял в нескольких шагах и молча смотрел на нас. Смотрел пристально, жадно, упрямо и зло. Так, словно боролся с чувствами, будто не знал, какое решение принять.

Я затрепетала, снова почувствовав в его облике угрозу. Желания раздирали надвое. Одно было – убежать от него как можно дальше, унести Алайну, спрятать, пока не буду убеждена, что всё хорошо. А другое – другое толкало подойти к нему, разглядеть незнакомую, появившуюся за этот год нахмуренную складку на лбу, протянуть Алайну и тихо сказать: «Это твоя дочь. Твоя кровь и плоть, дочь, которую я выносила и родила – и она от тебя, ни от кого другого».

Но нет, я не могла этого сделать. Не сейчас. Только когда буду уверена, что он не причинит ей вреда.

Не проронив ни слова, одарив нас последним хмурым взглядом, Сейдж расплёл сложенные на груди руки и вышел из комнаты.

Я взглянула на малышку. Та притихла и только пялила на меня серьёзные голубые глазки, как будто сознавала, что происходит. Как будто понимала, что этот мужчина, что только что был здесь, её отец.

Я быстро поцеловала её в темечко, положила на кровать, приткнула одеялом, чтобы не свалилась, если вздумает переворачиваться. И поспешила за Сейджем.

Он уже коснулся входной двери, но, услышав шаги, повернулся.

Я застыла под его холодным взглядом. Зачем я вообще пошла за ним? Что собиралась сказать? Не знаю. Я просто не хотела, чтобы он

уходил. Хотела, чтобы снова меня коснулся. Пусть даже с той грубой ревнивой силой, что в прошлый раз, во дворце. Хотела прильнуть к нему, схватиться за одежду, вдохнуть полной грудью его запах, закрыть глаза, чувствуя, как сильно бьётся сердце.

А вместо этого стояла истуканом, не представляя даже, что спросить. «Ты ещё придёшь к нам?». Глупо. Лучше, чтобы он никогда не показывался. «Что за решение ты принял?». Ещё глупее, если не сказал сразу, то ни за что не ответит.

Сейдж тоже смотрел на меня молча. Я не понимала, о чём он думает. Его лицо было совершенно непроницаемо. Но мне казалось, у него бурлит внутри от злости и недоверия, от тяги ко мне и осознания, что эта тяга делает его слабее. А ведь Сейдж из тех людей, что могут свернуть женщине шею, если поймут, что она делает его слабее. Тем более, что он уверен, что я лгу ему, что была с ним ради его разработок.

В светлых глазах Сейджа мелькнула тень, и одновременно с этим я сделала шаг вперёд. И похолодела, услышав донёсшиеся снаружи голоса.

Бабушка!

Я запаниковала: сейчас бабушка с Есеной войдут и обнаружат Сейджа. И даже ладно то, что они испугаются, увидев в доме незнакомого мужчину – что если он решит, что должен убить их, чтобы не раскрыть себя?

Я шагнула к нему, схватила за рукав, потянула: может, успею выпустить через заднюю дверь? Но Сейдж только недобро посмотрел на меня сверху вниз и остался стоять на месте. Вперил взгляд в дверь, словно собирался ударить того, кто войдёт первым.

Я юркнула перед ним, сама сознавая, как глупо поступаю, пытаюсь загородить его – ну как я его загороджу, взрослого крупного мужчину?

И дверь распахнулась.

Бабушка, в этот самый момент с улыбкой повествовавшая о чём-то Есене, перевела взгляд на меня, на Сейджа, стоящего за моей спиной – и посерьёзнула. Слава богам, не стала хвататься за сердце и поднимать крик, но я видела, что она ошарашена. И тем не менее бабушка сохранила невозмутимость.

– Прекрасный день, благородный нейд, – сказала она, проходя в дом и снимая шляпку, которая тут же подхватила явно испуганная и притихшая Есена. – Мы не представлены, я не ошибаюсь?

Сейдж коротко кивнул, но ничего не ответил. Он, кажется, расслабился, поняв, что это всего лишь вернулась хозяйка дома.

– Прошу прощения за вторжение, – глухо сказал он, довольно вежливо поклонился и вышел в раскрытую дверь.

Я осторожно закрыла за ним, помедлила немного, а потом нехотя обернулась. Острый взгляд бабушки пронзил меня насквозь.

– Это её отец? – спросила она с загадочным выражением лица.

Я оцепенела от изумления. Меня поразило даже не столько этот точный вопрос, сколько то, что бабушка впервые не сделала вид, что Алайна – дочь якобы безвременно усопшего моего мужа.

Я осторожно кивнула. Есена к тому времени деликатно улизнула на кухню, и я слышала, как она гремит кастрюлями, начиная готовить ужин.

– Он не из рода Айсенвертов? – спросила бабушка, стаскивая с рук перчатки. Совершенно невозмутимо, так, будто поддерживала светский разговор об общих знакомых.

– Айсенверты? – повторила я, чтобы выиграть время. – Кто это?

Эта фамилия звучала очень созвучно с «дин Ланнверт». Может, только совпадение, но бабушку определённо нужно было выслушать.

– Пойдём в гостиную.

Я заглянула к Алайне, убедилась, что она спит и никуда не сползла, и поспешила за бабушкой. Какое-то странное предчувствие холодило кровь. Я никогда не слышала настоящую фамилию Сейджа – что если бабушка угадала верно, и сейчас мне откроется кусочек его прошлого?

Бабушка устроилась в кресле, позвонила Есене, и через пятнадцать минут на столике уже вздымался пар от фарфоровых чашек с чаем. Пока Есена не удалилась, бабушка молчала, словно нарочно тянула время, но я знала, что она просто не хочет говорить при служанке. И точно, едва за той закрылась дверь, как бабушка бросила на меня острый взгляд.

– Был такой род, Айсенверты. Артейдж, так, кажется, его звали, с твоим отцом сильно не ладил, тот у него отбил жену. Это было ещё до того, как он познакомился с твоей матерью, до твоего рождения, им

обоим было не больше двадцати пяти-шести. Но твой отец в молодости был страшный гуляка. Поиграл с ней, да и бросил. А она, глупышка, повесилась. Или проклятие какое на себя навела, я плохо помню, это ведь было больше двадцати лет тому назад. Но после того Артейдж как с ума сошёл, кинулся мстить твоему отцу, да так глупо, что сам погиб. Сынишка у них был, по возрасту как раз примерно сходится. И внешне он на неё похож очень, на жену Артейджа. Я бы не удивилась, узнав, что он её сын.

Я замерла, позабыв о стынущем чае. Это звучало точь-в-точь как история Сейджа. Вот только дин Койоха, который мне её и рассказал, не упоминал, что мать Сейджа была близка... с моим отцом. Боги, и она наложила на себя руки из-за него. Вот почему Сейдж обвинял моего отца в смерти его матери. Но ведь это... скорее трагическая случайность, разве не так? Или у Сейджа были причины полагать, что отец и впрямь приложил к этому руку?

Я поймала себя на мысли, что не хочу знать подробностей. Не хочу копаться в грязном белье отца, выяснять о его прошлых любовницах, о разбитых жизнях. Не хочу, чтобы его образ, и так уже очень далёкий от сильного и доброго отца моего детства – окончательно потускнел и испачкался.

– Твой отец, знаешь, – продолжала бабушка, – был очень красив в молодости. Он нравился женщинам. Разбил немало сердец. Ох, твоя мать, дурочка, тоже крепко его любила поначалу. Думала, вылепит из него верного мужа. Да куда там.

– Ты хочешь сказать... он ей изменял? Поэтому они развелись?

Боги, ещё одна подробность, которую я не желала знать.

Бабушка поджала губы и посмотрела куда-то поверх моей головы.

– Нет, этого я не скажу, – наконец ответила ворчливо. – Утверждать ничего не стану. Да и хватит ворошить старое.

– Как же так!.. Только приехали... Да как же так, – Есена бестолково суетилась вокруг фиакра, нанятого, чтобы добраться до вокзала. То перекладывала чемодан так, чтобы его удобнее было

доставать, то поправляла уложенную сверху корзину с пирогами (сама настояла, чтобы мы взяли еды в дорогу), то перевязывала узлы.

– Успокойся, – величественно произнесла бабушка. – Ордон – не тот свет, ничего страшного не происходит. Когда-нибудь они всё равно должны были уехать.

Я обняла её, внутренне улыбнувшись невозмутимости, взяла из её рук с интересом смотрящую на сборы Алайну, передала уже занявшей место в фиакре Фессе и сама села рядом.

Сердце болело уезжать так внезапно, я сама была огорчена не меньше Есены. И знала, что бабушка разделяет мои чувства. Но другого выхода не оставалось: нам нужно было бежать, пока Сейдж не вернулся.

Хоть всё моё существо и тянулось к нему, я отлично понимала: находиться с ним рядом опасно. Он одержим, он в любой момент может втемяшить себе в голову, что я предательница и шпионка, может попытаться разлучить нас с Алайной... и хорошо, если только разлучить.

Вдобавок, Сейдж был в Диомее вне закона, его разыскивали королевские власти, так что, говоря по-хорошему, любая связь с ним была бы преступлением против короны.

А я была уверена, что он снова явится за мной. Знала это так же чётко, как то, что солнце встаёт на востоке.

Наша внезапная встреча снова связала наши жизни в тугой узел, и если не разрубить его насильно, хотя бы таким вот поспешным побегом – одни боги знают, что произойдёт.

Бабушка и Есена провожали нас до последнего, пока мы не перестали видеть друг друга. Есена махала, то и дело утирая слёзы, а бабушка просто стояла вросшим в землю каменным столбиком и неподвижно смотрела нам вслед. Я тоже высовывалась из окна фиакра, пока домик в лиственных купах не заслонили другие дома и деревья. Тогда откинулась на сиденье и тяжело вздохнула.

Ещё позавчера, после того, как Сейдж ушёл, после беседы с бабушкой, я вызвала отца с помощью амулета связи и предупредила, что мы уезжаем. Он пытался отговорить меня, хотел, чтобы я вернулась в замок, рвался прийти к нам и обсудить, но я была непреклонна. И отец смирился, только прислал с доверенным деньги и разные вещи, в том числе для Алайны. Эта маленькая забота меня

сильно тронула. Отец словно говорил этим жестом, что готов признать её.

Правда, я отлично сознавала, что, пойдя я ему навстречу и на самом деле вернись в замок – Сейдж опять решит, что я его предала.

Сейдж... Он был самой главной причиной моего бегства – и одновременно тем, что делало это бегство невыносимо мучительным. Сердце рвалось в клочья при мысли, что я никогда его больше не увижу. Что снова теряю – после того как он едва появился передо мной, вернувшись с того света, воскреснув из мёртвых. После того как отменил покушение на отца, потому что я могла пострадать. После того как появился в нашем маленьком домике – и оторопел, увидев у меня на руках младенца.

Я бросила взгляд на Алайну. Она сидела в своей корзине, подоткнутая подушками, и смеялась в ответ на заигрывания Фессы.

Сейдж так и не узнал в ней свою дочь. Это тоже заставляло грустить, где-то внутри – тоскливо сжиматься, нить от желания всё рассказать ему. И одновременно опасение за жизнь Алайны гнало скорее оставить Диомею.

Мы ехали где-то с пятнадцать минут и, по моим меркам, уже приближались к вокзалу, когда раздался резкий свист, лошади всхрапнули, и фиакр остановился. Фесса выглянула в окно, я осталась сидеть на месте, хотя отчего-то накатила тревога. Чтобы успокоиться, я взяла Алайну на руки, стала целовать её мягкие волосики и ушко – а она хохотала и повизгивала в ответ.

Снаружи слышались мужские голоса. Смысл фраз до нас не доносился, но звучали они властно, так, словно говорившие имели право приказывать.

– Что такое? – крикнула Фесса, высунувшись сильнее.

К окну с её стороны подошёл человек в форменной фуражке. Приложил руку, отдавая честь, и строго попросил:

– Назовитесь, пожалуйста.

Фесса испуганно оглянулась на меня. Я подалась вперёд и мягко поинтересовалась, что произошло.

Вместо ответа человек показал хорошо знакомую бляху, я видела её у отца, только у отца она была крупнее и замысловатее – капитанская.

– Королевская магическая стража. Ваше имя, нейди?

– Тинна Ивелин, с дочерью и прислугой.

Стражник кивнул, словно именно это и ожидал услышать. Снова поднёс руку в фуражке и сообщил:

– Именем короля, вы подозреваетесь в государственной измене и должны проследовать за мной.

Фесса вскрикнула, а меня словно оглушили, даже лепет Алайны перестал доходить до разума. Мир закружился перед глазами. Государственная измена? О боги, неужели отец решил таким способом задержать нас? Или... дело в Сейдже?

Нас пересадили в другой экипаж, с тщанием перенесли наши узлы и баулы. Алайна вертела головой, разглядывая хмурых людей в форме. Для задержания выделили целый отряд, человек десять, включая конных. На мои вопросы никто не отвечал.

– Это какое-то недоразумение, – чётко сказала я Фессе, когда за нами закрылись дверцы выкрашенного в чёрный арестантского экипажа. – Всё сразу выяснится.

Она нервно кивнула в ответ, но было видно, что она в панике: бледная, с огромными глазами, с капельками пота на висках, волосы на которых завились в лёгкие колечки. Мне тоже стало не по себе в этом экипаже, на окнах которого стояли решётки, а дверь нельзя было открыть изнутри.

Что хуже всего, меня заставили отдать амулет связи, и я даже не могла вызвать отца. Оставалось только смотреть в окно, угадывая улицы, по которым мы ехали, и пытаюсь представить, что ждёт в конце пути. Королевский дворец? Или тюрьма? Или всё же отец решил вернуть нас силой, запереть в замке?..

На половине пути на окна опустили плотные тёмные ставни, и внутренность экипажа погрузилась в полумрак. Я откинулась на сиденье, укачивая раскапризничавшуюся Алайну и стараясь не обращать внимание на лихорадочный шёпот Фессы: та молилась вслух, упрашивая святых покровителей смилостивиться.

Ещё минут через десять экипаж умерил ход и, покачиваясь, стал осторожно куда-то въезжать. Слышались команды: «Левее! Левее забирай, ослиная твоя голова!». Я прикинула к стенке, пытаюсь увидеть хоть что-нибудь сквозь щели в ставнях, но так и не смогла понять, где мы. Зато ещё минут через пять, когда двери экипажа наконец

отворились, и нас вывели на широкую усыпанную мелким гравием дорожку перед входом в небольшой домик, я изрядно удивилась.

Это был не королевский дворец – и не тюрьма. И не замок отца. Нас привезли в чьи-то владения, и очень просторные, судя по всему. Домик перед нами, скорее всего, был подсобным строением, частью дворцового комплекса, видневшегося на другой стороне пруда.

Один из людей в форме услужливо открыл нам дверь, пропуская внутрь домика, другие начали сноровисто таскать наши вещи. Возмущаться и кричать смысла не было, так что, укачивая Алайну, я спокойно вошла и стала оглядываться.

В небольшой передней был камин с зеркалом над ним, отразившим немного растерянную девушку в шляпке и зелёном платье, с младенцем на руках. Обменявшись смятённым взглядом со своим отражением, я сняла шляпку, и Фесса привычно взяла её у меня.

– Располагайтесь, к вам придут, – сказал человек в форме напоследок, поклонился и закрыл за собой дверь.

Я подошла к прикрытому белыми занавесями окну и убедилась, что часть приехавших вместе с нами стражников осталась охранять дом. Вернее, охранять нас, чтобы мы не сбежали, хоть и сложно представить, как бежали бы две молодые девушки с ребёнком и горой багажа.

– Не волнуйся, Фесса, – я попробовала утешить служанку, которая с неприкаянным видом бросалась то переставлять безделушки на каминной полке, то к нашим чемоданам, собираясь начать распаковывать и вспоминая, что это глупо. – Даже если... – я содрогнулась, сама плохо представляя, что это может быть за «если», – даже если меня обвинят в чём-нибудь, тебе ничего не грозит. Я отпущу тебя и хорошо вознагражу за службу.

– Ах, нейди, – она порывисто обернулась ко мне и заломила руки. – Я же не поэтому... Я вовсе не...

Но было видно, что мои слова её успокоили. Она тут же взяла у меня Алайну и стала привычно укачивать её и убаюкивать. В знакомых руках та довольно быстро утешилась, а я пошла осматривать дом.

Он оказался небольшим. На первом этаже кроме передней была гостиная – с небрежно брошенной на пол шкурой медведя, низким столиком, окружённым табуретами, с расставленными у стен двумя диванами и креслом.

На втором оказались спальня, столовая и умывальня. Кухни не было, видимо, предполагалось, что еду доставляют из дворца, но небольшая печка, на которой можно подогреть воды или супа, была.

Заглянув во все окна на втором этаже, я убедилась, что люди в форме окружили дом со всех сторон. Не убежишь, хотя защитных чар и нет. Но что за странное место для допроса? Или в этом любезность короля, потому что меня пока не обвиняют, а только подозревают?

Сердце было не на месте. Я сошла вниз, Алайна как раз начала проявлять признаки голода, и я её покормила. Насытившись, она задремала, я передала потяжелевшего ребёнка Фессе и поправляла платье, стоя перед зеркалом, когда снаружи раздались голоса, скрип гравия под чужими шагами, а следом – и громкий уверенный стук в дверь.

Не дожидаясь разрешения, дверь отворили, и я невольно ахнула, увидев на пороге преемника моего отца, нового Хранителя Хрустального Жезла, графа Нейсона. Довольного, в отутюженном сером охотничьем костюме, в шляпе с пером, которую он стащил с головы и которой залихватски помахал, подметая пером пол:

– Нейди Тинна! Рад видеть снова! – тут он перевёл взгляд на Алайну, и на лице промелькнуло неудовольствие. – Я хотел бы с вами поговорить. Пусть служанка посидит с ребёнком наверху.

Мне не понравилось его самоуправство, но я кивнула Фессе, чтобы выполнила эту похожую на приказ просьбу. Та, настороженно поглядывая на графа, подцепила корзину и, стараясь не разбудить уснувшую на руках Алайну, пошла к лестнице.

Нейсон дождался, пока шаги служанки затихнут наверху и за ней закроется дверь. Быстро подошёл ко мне, так быстро, что я едва подавила желание отпрянуть. Схватил за руку и приложил к губам.

– Нейди Тинна, – зашептал он торопливым жарким шёпотом. – Вы оказали на меня поразительное впечатление. Я пал с первого взгляда жертвой вашей красоты. Вы ведь вдова. Я хочу предложить вам своё покровительство. Со мной вы не будете бедствовать. Вот, я принёс вам подарок.

Он полез за пазуху и выудил оттуда коробочку, обтянутую зелёным бархатом. Открыл и впился глазами в моё лицо, явно ожидая реакции. На чёрной подушечке покоились крупные золотые серьги с яркими зелёными камнями.

– Ваши изумрудные глаза оттенят только камни с тем же названием, – интимно склоняясь ко мне, зашептал он. – Пожалуйста, примите в знак своей благосклонности.

Я посмотрела на серьги, а потом подняла взгляд на возбуждённо блестящие, тоже зелёные, к слову, глаза графа Нейсона.

В голове воцарилось замешательство.

Что он несёт? Что за благосклонность и странные подарки? Я думала, он заговорит о том, в чём меня обвиняют, назовёт имя Сейджа...

Боги. Он ничего не знает о Сейдже. Меня захлестнуло невероятное облегчение. Я уже испугалась было, что меня посадят в тюрьму за то, что я имела отношения с преступником и не донесла, или отберут Алайну, потому что она его дочь, или ещё что угодно, я успела себя накрутить. А это всего лишь попытка неуклюжего ухаживания? От облегчения меня кинуло в гнев.

– Вы посмели воспользоваться вашими полномочиями, чтобы остановить не причастного? – процедила я сквозь зубы. Отобрала руку, которую он всё ещё сжимал. – Вы поступили низко и преступно! Прикажите немедленно отправить меня на вокзал!

Нейсон выпрямился. Улыбка сползла с его губ.

– А ты не слишком много мнишь о себе, а? – он вдруг перешёл на простую грубую речь. – Ты бастард его сиятельства, а я происхожу из семьи, чья родословная насчитывает несколько веков! И если я предлагаю тебе...

– Я бастард? – я перебила его. – Вы сошли с ума, граф.

– А почему же тогда Рейборн скрывал тебя с рождения? Не знал о твоём существовании, почему же ещё! Я знаю, тебя впервые представили обществу в прошлом году. Ну да, конечно, тут же выяснилось, что была супруга, которая безвременно скончалась, какая трагедия, – Нейсон усмехнулся. – Именно такие сказки рассказывают о незаконнорождённых, когда хотят сделать вид, что они появились на свет в законном браке.

– Вы бредите, – я отошла в другой конец комнаты. От близости Нейсона меня пробирал мороз. – Мои родители были женаты, и у нас есть все подтверждающие это бумаги. Если вы немедленно не отпустите меня, вам сильно достанется от моего отца. При необходимости об этом всё узнает и его величество.

– Да? – граф ощерился, его глаза заблестели. – И каким же образом, позвольте спросить, обо всё узнает ваш отец? Амулет связи у вас по моему приказу отобрали, вы сами сообщили отцу, что уезжаете в Ордон, нейди Скайнер тоже с вами распрощалась. Вы пропали на пороге между двумя странами, никто вас никогда не найдёт и не услышит о вас.

– Вы сумасшедший, – повторила я, снова вглядываясь в него. Он что же, следил за мной? Видимо, да, услышал от отца, что я собираюсь в Ордон, и задумал всё это... похищение. – Что вы собираетесь делать?

– О, да ничего такого! – Нейсон опять подошёл, и я невольно смерила взглядом его фигуру: он был ниже, чем Сейдж, но довольно широкоплеч и на вид силён. Со слабой женщиной справится в два счёта. – Я просто предлагаю вам хорошую сделку. Вы же вдова? Вы ничего не теряете. Сперва я думал просто хорошо провести с вами время, но раз вы, как вы говорите, рождены в законном браке, я мог бы на вас жениться. Только от этого вашего ублюдка придётся избавиться, мне не нужны чужие дети. Отошлите его куда угодно, в деревню, отдайте родственникам, лишь бы не попадался мне на глаза. Ну что? – он припёр меня к стене, поймал за руку и стал гладить.

– Отпустите меня, – прошипела я, тщетно пытаясь вырваться, – или я выцарапаю вам глаза.

– Ой, какая колючая! – усмехнулся он. – Мне сразу понравился твой темперамент, уверен, в постели ты такая же дикая кошка.

В следующий миг он схватил меня за плечи, прижал к стене своим телом, попытался поцеловать – я увернулась, но влажные губы неприятно скользнули по щеке. Передёрнувшись, плохо отдавая себе отчёт в своих действиях, я активировала атакующий амулет.

Нейсон завопил и отскочил, хватаясь за грудь.

– Стерва! Сумасшедшая баба!

– Держитесь от меня подальше! – я выставила вперёд руку с амулетом, готовая снова его активировать. Заряда хватит ещё на три-четыре раза, правда, это только краткая вспышка обжигающей боли, здоровый сильный мужчина без проблем может перетерпеть.

Но Нейсон не стал повторять попытку.

– Забыла, что ты в моих руках?! Ладно, хорошо, – с опаской, обходя меня по дуге, он направился к выходу. Я следила за ним, не

теряя бдительности, на случай. – Ты меня ещё попомнишь! – крикнул он напоследок и сбежал.

Дверь за ним захлопнулась. Послышался резкий отрывистый голос, кажется, Нейсон приказывал стеречь меня во все глаза.

Я опустила руку, чувствуя, как меня колотит. Боги, что за негодяй. Похитить человека среди бела дня, пользуясь властью, которую даровал ему король. А что если мой отец поступал так же? Мерзко, отвратительно, не хочу даже думать об этом.

Надо срочно бежать, хватать Алайну и прочь отсюда. Но охрана... От двух я бы избавилась: одного оглушила бы с помощью амулета, другого могла бы усыпить – но их тут человек пять. Фессу тоже не отправишь за помощью, её не выпустят.

О боги, что же делать.

Сейдж...

Нет, Сейдж не найдёт нас здесь. А если и найдёт, это будет катастрофа. Он весь этот дом по кирпичикам разнесёт, а Нейсона раздавит одним пальцем.

Мне вдруг захотелось, чтобы Сейдж и правда пришёл за нами. Обнять его, укрыться в его руках от всего мира, вдохнуть запах его тела. Заныло неугомонное сердце.

Я приложила руку к груди, будто пыталась утихомирить его, и почувствовала, как под пальцами словно саднит в определённом месте.

Нахмурилась: неужели где-то задела? Но в зеркале отразилась только чистая гладкая кожа.

Я пожалала плечами, выбросив это из головы.

До вечера нас никто не трогал. Принесли обед, к которому я не прикоснулась, опасаясь снотворного или других гадостей. Ужин тоже не ела, мысленно благодаря Есену, которая запихнула в корзинку еды достаточно, чтобы её хватило на два дня. Пила воду из-под крана, она оказалась довольно чистой и приятной на вкус.

У меня было плохое предчувствие: Нейсон обязательно вернётся. Поэтому я уложила Алайну вместе с Фессой, а сама спустилась вниз и долго ходила туда-сюда по пустой гостиной.

Когда часы показывали уже час ночи, в двери послышался скрежет ключа.

Я вышла из гостиной и остановилась в дверях, устремляя взгляд на порог. Сердце подпрыгнуло и заколотилось, пальцы, которыми я придерживала шаль на плечах, словно заледенели, как крючья, впиваясь в шерсть. Предчувствие не обмануло – хотя чего ещё можно было в этих обстоятельствах ожидать, – в дом зашёл граф Нейсон.

Он, кажется, приехал верхом: на чёрных блестящих сапогах бряцали шпоры. Переоделся в узкие серые штаны и долгополый чёрный сюртук. На шее виднелась синяя шёлковая лента, в петлице – серебряная брошь с крупным сапфиром, то ли амулет непонятного действия, то ли просто украшение.

Наверное, он рассчитывал оказать впечатление, но во мне принарядившийся граф Нейсон вызвал лишь гадливость.

Увидев меня внизу, он ничуть не удивился. Похоже, охрана сообщила ему, что я ещё не сплю: разглядеть мой силуэт сквозь тонкие занавеси в освещённом доме было проще простого.

– Вижу, вы ещё не отошли ко сну, – начал Нейсон, словно прочитав мои мысли. – Что ж, тем лучше.

Он бросил шляпу на каминную полку, следом полетел хлыстик.

– Вы знаете, – сказал он, бесцеремонно заходя в гостиную и устраиваясь на диване. – Этот ваш так называемый Ивелин никому не известен. Я даже в Ордон запрос послал, но никто не смог мне назвать подходящую персону. Не подскажете, кем был ваш муж?

Граф закинул ногу на ногу и с вальяжной ленцой во взгляде рассматривал меня.

– С какой стати я буду вам рассказывать о своём муже? – холодно поинтересовалась я. Подошла к окну и остановилась, вглядываясь во тьму. Где-то там, невидимый во мраке, стоит стражник. Может быть, Нейсон постесняется распускать руки на глазах у подчинённых?

В том, что он пришёл именно с этой целью, я не сомневалась. Однако его вопросы меня настораживали.

– А с такой, что я сомневаюсь, был ли он, этот муж, – ответил Нейсон с гадливой ухмылочкой. Я не поворачивалась, но отлично видела его отражение в тёмном стекле. А он ласкал взглядом мою спину, покачивал ногой, облизывал тонкие губы, словно предвкушая. – Вы знаете, после нашей встречи на приёме я поспрашивал тут и там... и выяснил, что при дворе о вас никто почти ничего не знает. После вашего дебюта год назад – довольно позднего дебюта, согласитесь? –

вы словно пропали. Что очень странно: зачем представлять дочь свету, чтобы почти сразу выдать её замуж за никому не известного ордонского купчишку. И, знаете, что-то мне кажется, замуж вы не выходили.

Я сглотнула, чтобы смочить пересохшее горло. Повернувшись, устремила на Нейсона невозмутимый взгляд. Он ничего не докажет. Ивелинов в Ордоне тысячи, он не успел бы проверить их всех за какие-то несколько дней.

– Ребёнок ваш – на самом деле принесён в подоле, – теперь Нейсон говорил медленно, откинувшись на спинку дивана. Он явно наслаждался и своими выводами, и тем, что я была в его власти, и тем, что ему удалось найти мою слабину. – Вот есть в вашем лице что-то такое... этакая печать порока, скажем так. Я думал, вы сами – бастард, но, скорее всего, дело в том, что ваш ребёнок рождён вне брака.

– Перестаньте оскорблять меня вашими домыслами, – я глубже накинула на плечи шаль. Стало зябко, словно от окна повеяло холодным дыханием.

– Домыслы? Отнюдь. Но, дорогая Тинна, чтобы не основываться на домыслах, я послал за сведениями в Святое Ведомство. Они вряд ли откажут Хранителю Хрустального Жезла Диомеи. Если вы и впрямь провели обряд по божьим законам, у меня эти сведения будут. Если нет, – Нейсон внезапно поднялся и в два быстрых шага оказался передо мной, схватил за руку, насильно оголяя запястье. На свет появился чёрный узор вдовьей татуировки. – Если нет, то это подлог, а он карается по закону.

Я вырвалась, хотя он сжимал крепко, сильно, буравя глазами моё лицо.

Негодяй. Нашёл-таки. Нашупал. Мне нужно было обратиться к отцу, он бы позаботился о том, чтобы татуировка считалась настоящей. Сведения о ней задним числом записали бы в храмовые книги. Но я этого не сделала, во-первых, я даже не переговорила с ним толком, во-вторых, наивно не предполагала, что кому-нибудь будет до этого дело. За весь год жизни в Амани никому и в голову не приходило засомневаться.

Нейсон был прав, я действительно совершила преступление. И, в зависимости от того, как его раздуть, меня могли осудить на штраф за

нарушение прерогатив Святого Ведомства – а могли конфисковать всё имущество и отослать в монастырь или на каторгу.

– С каких пор Хранитель Жезла суёт свой нос в чужие браки? – не удержалась я от гневного шипенья.

Нейсон только широко ухмыльнулся мне в лицо. Снова подошёл ближе, припирая в угол, обжигая лицо горячим дыханием.

– Я не гнушаюсь собирать сведения, которые меня интересуют, – сказал он низким интимным тоном. – Если бы не это, я бы и Хранителем не стал.

Последняя фраза стегнула меня. Впервые зародилась мысль, что Нейсон мог добиться этого поста не честной службой – а шантажом. Мог вынудить отца уйти в отставку. Но чтобы мой всегда такой умный и осмотрительный, в интригах чувствовавший себя как рыба в воде отец покорно сдал позиции? Или у Нейсона по-настоящему сильные козыри, или... или это попросту старость. Бабушка была права, отец и впрямь довольно сильно сдал за этот год.

– Вы обдумали моё предложение? – голос Нейсона приобрёл мурлыкающие нотки. – Так вот, я беру его назад, – он засмеялся, довольный, а потом склонился и зашептал мне в губы: – Не к чести мне жениться на той, которая отдалась кому-то вне брака. Ты станешь моей любовницей. А если нет – дети, знаешь, очень часто умирают ни с того ни с сего.

Я застыла, преодолевая желание оттолкнуть его. Сердце чуть не выскакивало из груди, от тока крови в ушах шумело. О боги, Алайна. Безмятежно спящая там, наверху, моя самая большая драгоценность.

Негодяй прав, ради неё я пойду на всё. Могла бы пойти даже на убийство. Тем более что Нейсон сильный маг и не ожидает подвоха от слабой женщины. А ведь я маг эмоций. Я могу ему отдаться, долгое телесное взаимодействие мне только на руку. Я смогу его усыпить – а потом и убить, даже не магией, просто всадить осколок зеркала в шею.

Но потом... за окнами по-прежнему стража, пытаться бежать бессмысленно. Меня схватят, и если в случае Святого Ведомства шанс на спасение ещё остаётся, то убийство Хранителя Жезла... моя участь предрешена.

Но если он получит то, чего хочет, он оставит Алайну в покое.

Нейсон следил за мной, за сменой выражений на моём лице, за борьбой чувств в моём сердце. Снова тихо засмеялся, когда понял, что

я приняла решение, заставила себя расслабиться в его руках. Довольно кивнул:

– Одобряю ваше благоразумие.

Не тратя времени, он дёрнул за шаль. Я разжала пальцы, и шерстяная ткань мягко скользнула по коже, падая к моим ногам. Словно изголодавшись, Нейсон прильнул ртом к моей шее. Я склонила голову, отворачиваясь, пытаюсь подавить дрожь, но меня трясло тем сильнее, чем распалённое становились его поцелуи.

Спине вдруг стало смертельно холодно – а в следующий миг стекло треснуло и осыпалось мелкими осколками. Нейсон отскочил от меня, я со вскриком обернулась и обомлела, увидев, как в окно струится бирюзовый туман и на наших глазах принимает форму мужчины. Хорошо знакомого мужчины с пылающим яростным бирюзовым огнём глазами.

Сейдж... и Фараиту.

К чести Нейсона, он и правда заслуживал звания Хранителя Жезла. Мгновенно сотворил защиту и под её прикрытием послал в Сейджа град ледяных кристаллов – мощное боевое заклинание. Вот только оно осыпалось пылью, не долетев, а навстречу взметнулся бирюзовый самум. Я услышала жадный шёпот Фараиту: «Вкусная... вкусная... моя», уха коснулось жаркое дыхание, а потом меня обвил матовый кокон, спасая от заклинаний, порвавших в клочья покой этой комнаты.

Не в состоянии увидеть ничего, кроме вспышек битвы, вздрагивая от магических разрядов, от грохота звуков, я замерла, обняв себя за плечи, сама не своя от страха.

А что если Нейсон победит? Ведь он же Хранитель Жезла, это звание сильнейшего мага Диомеи, и если даже он получил его путём интриг, он всё равно должен обладать немалой силой, король ни за что не назначил бы на эту должность недостойного. О боги, я умру, если второй раз потеряю Сейджа. Хотя нет, я, конечно, буду продолжать жить ради Алайны, но, боги, какая же это будет беспросветная тоскливая жизнь.

А потом я испугалась, что звуки разбудят Алайну с Фессой, и няня спустится вниз, не дай святая Миена, с ребёнком. Рванулась, но кокон

не пустил. Забарабанила руками по плотной сфере, закричала, потом сосредоточилась, пытаюсь развеять её.

Удалось. Я выпала на руки Сейджу, схватилась за него, подняв полные отчаяния глаза:

– Алайна!..

Он нахмурился. Демонское безумие ещё не покинуло его, глаза горели бирюзовым пламенем, аура подавляла. За его спиной я увидела Нейсона, лежащего неподвижно среди осколков зеркала. Мёртв?.. Сейчас это было неважно. Лихорадочным взглядом я обвела комнату в поисках следов дочери.

Тут, словно отвечая мне, сверху раздался гневный требовательный плач. Я выдохнула, чувствуя, как силы вместе с напряжением покидают меня. Всё в порядке, они не спускались, они в безопасности.

Сейдж отпустил меня, поворачиваясь к Нейсону. Вытянул руку, и по ней за клубилась зловещая дымка, формируясь в оскаленную волчью морду с прижатыми ушами и кровавой слюной, капающей с клыков.

Я вздрогнула, вспоминая. Именно так он убил Гнеса. И собирается повторить это сейчас.

И я рванулась вперёд, хватая Сейджа за руку.

Это было не ненужное милосердие, это был страх за самого Сейджа. Я не хотела, чтобы он убивал, чтобы поддавался демону, чтобы тот становился сильнее. А ещё боялась, что за убийство Нейсона Сейджа будут преследовать, как бешеного пса, найдут где угодно, в любой стране, поймают и отправят на эшафот.

– Сейдж, пожалуйста, не убивай его!..

Он обернулся ко мне, стеганул полным ярости взглядом.

– Ты защищаешь его?! – прошипел он сквозь зубы. Схватил меня за плечо, подтаскивая к себе. Вгляделся в глаза, словно пытаюсь прочесть мои чувства. – Он твой любовник?! Может, он и есть папаша?

Боги... безумный ревнивец. Я проглотила вертевшееся на языке: «она твоя дочь». И вместо этого сказала прямо в искажённое бешенством лицо, прямо и чётко:

– Глупец! Я люблю тебя!

Он выдохнул резко и коротко, словно я ударила его в живот, а не призналась в любви. Потом криво усмехнулся и оттолкнул меня:

– Чушь!

Я стиснула руки, не сводя взгляда с Сейджа.

А он вдруг шевельнул бровями, будто придумал отличную шутку, и приказал мне:

– Тогда убей его сама. Докажи свои слова.

Он говорил всерьёз. Я замерла, приложив руку к груди, будто ладонью пыталась удержать рвущееся сердце. Убить... Нейсона? Я?..

Что за извращённое сознание могло предложить убийство в качестве доказательства любви. Только наполовину слившееся с демоном сознание одержимого.

– Ты безумен, – я замотала головой, – что ты...

Сейдж перебил меня, говоря быстро и яростно:

– Убей! Если ты этого не сделаешь, значит, признаешь, что он твой любовник и отец твоего ребёнка.

Его челюсти мощно сжались после этой фразы, пламя в глазах полыхнуло сильнее, и потусторонним слухом я услышала хохот Фараиту. Демон... он хотел смертей, больше смертей. Я представила, с какой лёгкостью помешавшийся Сейдж убивает Нейсона, а потом, не обращая внимания на мои слёзы и крики, идёт наверх, поднимается по лестнице и видит беззащитную Алайну.

Вбив себе в голову, что она дочь Нейсона, он не постоит за тем, чтобы убить и её. Он видел, как Нейсон целует меня, он уверен, что я спала с ним, если я промедлю, уверится, что Алайна и впрямь рождена от Нейсона. Он не соображает, его не переубедить логикой. А значит...

– Хорошо, – я выдавила согласие из пересохшего горла. – Я сделаю это. Я сделаю, как ты говоришь. Только отпусти нас тогда... пожалуйста.

Сейдж ничего не ответил, но само его молчание прозвучало согласием.

Я протянула трясущуюся руку в сторону Нейсона. Парализующее заклинание. Направить его точно в сердце – и через несколько минут он умрёт, тихо и почти безболезненно.

О боги, простите мне это.

В этот момент я даже не думала о том, что всё равно оставлю Алайну сиротой, если убью Нейсона – ведь тогда король отправит на эшафот меня. В сознании пульсировала только одна мысль:

обезопасить дочь, отвести от неё гнев Сейджа. Защитить во что бы то ни стало мою маленькую кровиночку.

Нейсон встрепенулся и, сбивая каблуками ковёр, попытался отползти. Видимо, он только притворялся, что потерял сознание. Взгляд зелёных глаз потерял то самодовольство и масляный блеск, с которыми смотрел на меня каких-то полчаса назад. Теперь в нём отражался только дикий страх и невысказанная мольба о пощаде. Мольба, которой не суждено было стать услышанной.

– Святая Миена, спаси и сохрани!

Я зажмурилась, когда выпустила заклинание. Осела на колени, мучительно переживая своё первое, да смилостивятся боги, чтобы оно было единственным, убийство. И, судорожно всхлипывая, не открывала глаз, пока рука Сейджа не вздёрнула меня, ставя на ноги, подхватывая, поддерживая, прижимая к его телу.

– Открой глаза!

Не переставая всхлипывать, дрожа всем телом, я подчинилась. Сейдж прав, надо иметь смелость посмотреть на смерть того, кто умирает от твоей руки.

Вот только Нейсон был жив. Прерывисто дышал, лицо было искажено ужасом, грудь ходила ходуном – но он, вне всяких сомнений, жил. Вокруг него переливалась знакомым бирюзовым цветом мощная защита. Дело рук Сейджа. Моё заклинание, которое должно было убить Нейсона, лишь впиталось в защиту, не нанеся никакого вреда.

– Ты... спас его? – не в состоянии поверить, я воззрилась в глаза Сейджа.

Что происходит? Он что же, проверял меня?

Но Сейдж лишь свысока бросил:

– Женщины не должны убивать, – и отпустил меня, одновременно подтолкнув к выходу из комнаты: – Возьми свои вещи и ребёнка. Ты пойдёшь со мной.

Я зажмурила глаза, когда мы выходили из домика. Снаружи пахло кровью, и я слишком хорошо представляла себе, что Сейдж мог сделать со стражей, раз никто не попытался ворваться в дом, в котором грохотали заклинания и вспыхивали магические удары. Велела сделать то же самое и Фессе, тащившей наши вещи, прижала Алайну к груди и

почувствовала, как жёсткие пальцы Сейджа впились в мякоть руки выше локтя.

А потом земля ушла из-под ног, я вскрикнула от испуга и распахнула глаза, чтобы увидеть, как мы с огромной скоростью летим над землёй. Невольно ахнула, потом вспомнила, как Сейдж в облике Фараиту – или же Фараиту, управляемый волей Сейджа – нёс меня назад в поместье после моего наивного побега, после того как пытавшийся увезти меня Айлес погиб от его руки. Минут через пятнадцать полёта – над чёрными лесами, узкими лезвиями рек, редкими скоплениями огней – мы взвились над высокими башнями мрачного замка и с визгом сопротивляющегося ветра опустились внутрь.

Момент, когда мы проходили сквозь защиту, я почувствовала. А когда под ногами наконец оказалась твёрдая поверхность, и я, не веря собственным ощущениям, сделала несколько шагов и обернулась, то увидела, как Фесса, с закрытыми глазами и мертвенно бледным лицом, падает на каменные плиты двора. Метнулась к ней, но из-за Алайны не смогла ни поймать, ни поддержать. Вокруг нас в беспорядке рассеялись наши вещи.

– Оставь, иди за мной, – приказал голос Сейджа, и меня снова схватили за руку. Потащили вслед за собой.

Выворачивая шею, я увидела, как взявшиеся откуда-то слуги в чёрном кинулись поднимать вещи и служанку.

Слава богам, никто не пытался взять из моих рук Алайну – я бы и не отдала её. Только бежала за Сейджем, стараясь успеть за его размашистым шагом, повинуюсь железной хватке его руки.

Происходящее казалось мне удивительным. Я думала, он скрывается, а он бесцеремонно занял чей-то замок в двух шагах от города. И слуги, похоже, ничуть не боятся хозяина, врывающегося в дом в облике демона.

Мы шли недолго. Почти сразу Сейдж втащил меня в арочный вход в отдельно стоящей башне, заставил подняться по ступеням, и мы оказались в полутёмной комнате с горящим камином. Я даже не всматривалась в обстановку, только выхватила взглядом шкуру на полу, узкий столик с графином, широкое низкое ложе, тоже, кажется, устланное шкурами.

Сейдж отпустил меня и только сейчас, похоже, заметил у меня на руках Алайну, с любопытством вертевшую головой. Нахмурился – а я напряглась, невольно прижимая дочь крепче к себе.

– С-спасибо, что спас нас, – невольно запнулась в начале фразы. Спас ли? Или это отсроченная гибель?

Сейдж ничего не ответил. Отошёл в сторону, поднял графин, взмахнул рукой – и из воздуха морозным хрусталём создались два глубоких бокала. Он налил жидкость из графина в один – по разливавшемуся запаху я поняла, что это красное вино. Хотел было налить в другой, но я поспешно воскликнула:

– Я не могу пить. Я кормлю её грудью.

Его рука остановилась. Он обернулся, не глядя подхватил уже наполненный бокал и поднёс ко рту, опрокидывая разом. Не спуская взгляда, смотрел на нас, и в его левом глазу снова разгорался демонский огонёк безумия.

Испугавшись, я шагнула назад, к огню. Сейдж ухмыльнулся, отбросил бокал – тот растаял, не долетев до земли, и хищным пружинистым шагом повторил моё движение, снова оказываясь рядом.

– Почему ты остановила меня? – поймал меня за плечо, не давая отходить дальше. Притянул к себе, схватил и за другое, не обращая внимания на Алайну в моих объятиях. Смотрел Сейдж только на меня. – Почему не дала его убить? Он так дорог тебе? Ты кричала, что любишь меня, маленькая лгунья. Всё, чтобы сохранить жизнь своему любовнику?

Я покачала головой, чувствуя кожей его обжигающий взгляд. Вот сейчас он с глаз опустил ниже, прошёлся по носу, остановился на губах. Собственные губы Сейджа – чувственные, красивые, с небольшой складочкой с правой стороны – чуть приоткрылись, и в ответ на это движение что-то внутри меня откликнулось, томительно заныло, напоминая, с какой требовательной жадностью эти губы целовали меня ещё совсем недавно, несколько дней назад.

– Почему?! – Сейдж тряхнул меня.

– Дорог... – с трудом ответила я. – Но не он. Он нас похитил. Увёз без разрешения и собирался воспользоваться этим.

Сейдж глухо зарычал. Глаза полыхнули бирюзой.

– Так почему же ты остановила меня?!

– Не хотела, чтобы ты брал себе лишний грех на душу.

Он расхохотался. Откинул голову и хохотал вслух, громко и бесцеремонно. Алайна завозилась у меня на груди, вякнула что-то негодующее, и Сейдж замолчал, враз, словно отрезало. Снова впился в меня взглядом:

– Ты и правда дочь Рейборна? Не узнаю, откуда такая мягкотелость? Ты поступила глупо, остановив меня. Он не простит унижения.

– Как ты оказался там?.. – спросила я вместо того, чтобы оправдываться. Он был прав, я поступила не по отцовским заветам, которые гласили: «око за око, зуб за зуб». Но в последнее время, по моему, и сам отец начал понимать ошибочность этих заветов.

– Ты звала меня.

Сейдж протянул руку и коснулся моей груди, того самого местечка на коже, которое чуть саднило, напоминая о его яростных поцелуях. Его пальцы отогнули кружево, тепло и щекотно коснулись груди.

– Я поставил на тебя метку. Ты моя, помни об этом. С кем бы ты ни уединилась, ты моя, и я найду тебя везде. Помни об этом, в следующий раз убегая от меня, – он насмешливо шевельнул бровью. А потом кивнул, подбородком указывая на Алайну: – Уложи её. Я хочу поговорить с тобой.

Уложить ребёнка, не желающего спать, вообще говоря, обычно было не так легко. Но как раз подошло время кормления, я устроилась на широкой постели, осторожно отогнув толстую, поросшую длинным волосом, блестящую от игры света в камине шкуру, и, прикрывшись волосами, дала Алайне грудь. Сейдж сначала ходил по комнате, пол чуть поскрипывал под его весом, потом ушёл, и я услышала его повелительно звучащий голос во внутреннем дворе.

Ох, надеюсь, с Фессой всё хорошо. Запоздалая тревога омрачила начавшее было уносить меня спокойствие. Хотя, возможно, было странно, что я вообще ощущала спокойствие – в полной власти непредсказуемого Сейджа, в этой мрачной берлоге, освещённой лишь огнём камина, оказавшись пропавшей для всего света, включая отца и бабушку.

«Хочу поговорить», сказал Сейдж, и это тоже настораживало. Но почему-то мне всё равно было спокойно здесь, в пахнувшей Сейджем

комнате, на постели без следа женского присутствия.

Хотя, возможно, он встречается с женщинами в более... романтических местах. Ревность, как ядовитая змея, подняла голову. Конечно, он не жил этот год монахом. Если и не Мелина, то в его жизни хватало других женщин, я была в этом уверена. Но стоило начать об этом думать, как внутренности словно скручивались от глухой ревности, и я попыталась выкинуть любовные подвиги Сейджа из головы. Вредно, молоко испортится.

Вместо этого мысль снова вернулась к его запаху. Ядовитые адолеи... удивительно, но с момента нашей встречи сейчас, через год, я не чувствовала этого пугающего аромата. Даже только что, когда Сейдж вместе с Фараиту появился, чтобы спасти нас. Привыкла? Или же дело в другом?

Алайна наелась, начала отваливаться и закрывать глазки, и я уложила её на скользком шёлке, предварительно награв собственным телом. Она сразу свернулась клубочком, подложив маленькие ручки под щёчку. Я прикрыла её одеялом и умилённо смотрела, как она спит, когда на лестнице послышалась поступь Сейджа.

Он почему-то остановился на пороге, не проходя внутрь. Я вскинулась, поймала его взгляд: недобрый, какой-то мстительный, полный затаённого гнева. Похолодела: что ещё случилось.

Чтобы отвести его внимание от дочери, встала и пошла навстречу, внутренне замирая от страха.

Сейдж качнулся ко мне, обхватил руками мою голову – сильно, как тисками. Я не вырывалась, молча смотрела в его искажённое судорогой лицо, и постепенно оно разгладилось, хотя гнев так и не ушёл из глаз.

– Ты горевала, когда твой муж сдох? – спросил Сейдж яростным шёпотом, пристально следя за моей реакцией.

Я проглотила вставший в горле комок. Муж? Я вспомнила свои чувства, когда обнаружила пепелище на месте дома Сейджа, ужас, охвативший меня при мысли, что он погиб, что я больше никогда его не увижу и что всё это случилось по моей вине. А потом проблеск надежды, медленно затухающий вместе с каждым днём, когда Сейдж не появлялся.

Горевала ли я? О да, пожалуй что и горевала.

Сейдж прочёл ответ в моих глазах. По его лицу снова прошла судорога. Он спросил, коротко тряхнув меня:

– Ты любила его?

Я понимала, что им руководит – едкая, жгучая ревность. Заставляет спрашивать, чтобы найти удовольствие в причинении себе боли, чтобы разодрать рану, убедиться в моей неверности.

Скажи я «да», и он сойдёт с ума от ревности, скажи «нет» – обвинит в расчётливости, в том, что вышла замуж за нелюбимого. Повтори то, что уже говорила ему в том домике, что я люблю его – не поверит, покроет бранью за то, что пытаюсь повлиять.

Вместо ответа я закрыла глаза, чуть приподняла подбородок – как будто подставляя ему губы для поцелуя. Сейдж выдохнул, и его дыхание опалило их, мягко приоткрытые, ждущие.

– Чего ты хочешь от меня? – прошептал он. – Зачем всё это? Что ещё ты хочешь у меня украсть? Давай я отдам тебе это сразу, и ты исчезнешь из моей жизни?

Я дёрнулась, стегануло обидой. Хотела было вырваться, но он не дал. Тогда просто сказала, глядя в его глаза:

– Ты сам выскочил как из бездны, перекорёжил мою жизнь, поставил на меня метку, не я на тебя. Я не влияю на тебя и никогда не влияла.

В светлых глазах промелькнула тень усмешки.

– Твой острый язычок давно пора укоротить.

И Сейдж, словно вознамерившись сделать это прямо сейчас, накрыл мой рот губами, ворвался жадным языком, ставя печать, заявляя свои права. Я обмякла в его руках, чувствуя, как его ладонь сминая ткань платья на моей спине.

Поцелуй, поначалу полный яростного огня, в какой-то миг стал неожиданно нежен, я ухватилась за плечи Сейджа, чтобы не упасть, не раствориться в ласке, которую я отвыкла от него ждать. Мы оба молчали, словно боялись разрушить это краткое перемирие, и только жадно стремились навстречу друг другу, соприкасались языками, заново изучали друг друга.

Сейдж запустил руку в мои волосы на затылке, потянул, заставив открыть шею. Прильнул к ней, коснулся губами и с силой втянул в себя воздух, словно не мог насытиться моим запахом. Потом провёл

языком по коже, мгновенно покрывшейся мурашками. Поцеловал ключицу, ямку между ними, заставляя меня судорожно вздохнуть.

Внутри у меня всё клокотало, я сгорала от желания, а его осторожная неторопливая ласка заводила меня ещё сильнее. И я коснулась пуговиц его рубашки, ещё не зная, как он оценит такое прикосновение: посчитает недостойным бесстыдством или позволит мне зайти ещё дальше.

Вместо ответа Сейдж рванул ворот, пуговицы посыпались, с лёгким стуком раскатились по полу. Стащил с себя рубашку – я замерла от вида его обнажённой кожи, золотисто-оранжевой от полыхавшего в камине огня. Заныло внутри от желания, а потом болезненно дёрнулось, когда я увидела шрамы, много, на левой стороне тела. Протянула руку, чтобы коснуться их, но Сейдж уже взялся за крючки моего корсажа, и я лишь самыми кончиками пальцев дотронулась до твёрдой белой черты под рёбрами. Внутри всё содрогнулось от жалости, стоило представить боль, которую он пережил. Но сам Сейдж оставался совершенно невозмутимым, как будто он ни во что не ставил эти изрезавшие его кожу шрамы.

Сегодня он раздевал меня медленно, отслеживая реакцию, целуя каждый открывающийся кусочек кожи. Когда я устала стоять, плавясь от его поцелуев, он понял и усадил меня прямо на шкуру перед камином, а потом и велел лечь, недвусмысленно нажав на грудь. Я последовала приказу, распостёрлась навзничь и вдруг смутилась, вспомнив, что от беременности у меня кое-где появились не слишком заметные, но всё же растяжки. Что если Сейдж посчитает это некрасивым?

Но он, приподнявшись надо мной на руках, окинул меня взглядом, полным такого сильного, безрассудного, бурлившего огненной лавой желания, что я тут же забыла о стеснении. От неприкрытой страсти в его глазах, от того, как красил огонь его лицо, внутри у меня всё замирало, и всё сильнее и сильнее хотелось ощутить его внутри себя.

Но Сейдж не торопился. Склонился и стал целовать мою пополневшую грудь, теперь уже куда бережнее, чем тогда, в кабинете королевского дворца. Я застонала, когда его губы – лёгкие и нежные – сомкнулись на набухшем чувствительном соске. Осторожность и неторопливость сводили меня с ума. Тело горело, требуя куда более смелой ласки, каждый поцелуй заставлял глубоко внутри судорожно

сжиматься. А потом я вспомнила кое-что и накрыла губы Сейджа ладонью, а другой упёрлась ему в грудь, пытаюсь остановить.

– Я... я не делала ритуала предохранения, – сказала сбивчивым шёпотом. – Я могу забеременеть.

Сейдж поначалу насторожился, расслабленный было взгляд блеснул подозрительностью. Но после моего признания выражение его лица изменилось. Зато я зажалась, вспомнив его навязчивую идею убивать моих детей. Как глупо я поступила, нужно было молчать. Но мне казалось, будет правильнее предупредить, я хотела, чтобы он знал, что у нашей любви могут быть последствия. Я забыла, что имею дело с одержимым, который ненавидит наш род.

Ощущение непоправимой ошибки сменилось удивлением, когда Сейдж склонился надо мной и, скользя губами по моим губам, прошептал:

– Больше я не дам тебе рожать от другого, – короткий поцелуй был похож на печать, – все твои дети будут от меня.

Я замерла, пытаюсь понять истинный смысл этой фразы, увидеть скрытые в ней подводные камни, потенциальную опасность. А Сейдж, словно удовлетворившись сказанным, снова стал целовать меня. Раздвинул ноги, скользнул широкой тёплой ладонью по внутренней стороне бедра, рождая непрошенные мурашки. Коснулся самого нежного местечка, и я затрепетала. В следующий миг меня накрыло тяжёлым разгорячённым телом Сейджа, и я почувствовала, как похозяйски он проникает в тесную влажную глубину. Я задохнулась, мышцы судорожно сократились, обхватывая его плотным кольцом, и Сейдж тихо застонал сквозь сомкнутые губы. Опустился ко мне, стал яростно целовать. Я попыталась расслабиться, хотя сама мысль о том, что он во мне, вызывала внутри неконтролируемую сладкую дрожь.

– Я люблю тебя, – отчаянно шепнула в его губы, ловя его взгляд, пытаюсь встречным передать, что действительно так чувствую, не лгу, не хочу получить от него что-то.

Сейдж молча уткнулся в мою шею, я так и не поняла, услышал ли он, поверил ли мне. Поцеловал коротким болезненным поцелуем, потом ещё раз и ещё. И стал двигаться во мне, не поднимая головы, продолжая покрывать острыми быстрыми, похожими на укусы поцелуями шею, щёку, ухо.

Я держалась за его плечи, улетая от ощущений, от безжалостного ритма его движений внутри меня. Жёсткая шкура щекотала спину, жар камина горячил правую руку, но ещё жарче были ощущения внутри, томительные сокращения мышц, чужая плоть, раздвигающая, наполняющая меня. Отсветы огня плясали на влажной от пота коже Сейджа, когда он, приподнявшись на руках, пожирал меня жадным взглядом. Наслаждение накатывало волнами, вознося на вершину, и пика мы достигли вместе, Сейдж – на миг раньше, коротко выдохнув сквозь зубы, вздрогнув и замерев, и я – когда его член дёрнулся внутри меня, изливаясь.

Но даже после того, как всё закончилось, Сейдж не спешил выйти из меня, пригвоздив к шкуре тяжёлым телом, сжимая в объятиях, горяча частым дыханием волосы. Я тоже нежилась, наслаждаясь краткими мгновениями перемирия. Как будто время вернулось вспять, и мы снова в его поместье, ещё Сейдж не попал под действие проклятия моего отца и дин Койохи, ещё я не сбежала до рассвета, ещё не встала между нами смерть Айлеса. Пожалуй, теперь я могла бы – не простить ему эту гибель, но пережить её. Пережить и отпустить – уже зная Нергию, видя черты Айлеса в Хардисе... а черты Сейджа в Алайне.

Сейдж, не ведавший о моих мыслях, приподнялся. Окинул пытливым взором моё лицо. Я почему-то испугалась, что он уйдёт, схватила его за руки, словно это могло его остановить. И его лицо смягчилось.

– Идём, – сказал он, вставая и поднимая меня. На миг прижал к себе, потом вскинул на руки, не обращая внимания на мой тихий вскрик, когда пол ушёл из-под ног.

В стене обнаружилась небольшая дверь, высокому Сейджу пришлось даже пригнуться, перенося меня через порог. Повинуясь магическому импульсу, разом вспыхнули светильники.

– Ох, – вырвалось у меня, когда я увидела внутреннее убранство этой ванной комнаты.

Это была, конечно, далеко не та роскошная ванная комната из поместья, с покрытой снаружи позолотой, огромной белоснежной ванной, отсутствовали экзотичные мальзийские ширмы, полотенца и халат висели банально и просто – на крючках, привинченных к стене, но всё равно – варварская грубая красота и роскошь были и здесь.

Сама ванна – я бы сказала лохань, не будь она размером с половину комнаты, была сделана из дерева и утоплена в полу. Сверху виднелся жёлоб, видимо, для пуска воды, но сейчас ванна и так была полна. Очередной магический импульс, и вода в ней пришла в движение, нагреваясь и перемешиваясь.

Я невольно позавидовала лёгкости, с которой Сейдж работал с такой деликатной, требующей сноровки и точности магией. Вкупе с чистой мощью боевых заклинаний, которые он использовал в поединке с Нейсоном, пусть даже существование Фараиту и усиливало его – его таланту оставалось лишь поражаться. Я, со своим небольшим даром, могла только восхищаться и немного завидовать, что саму меня небо обделило. Но мне было очень интересно, передалось ли это наследие Алайне. Мне почему-то казалось, она будет очень сильной магически.

Сейдж затащил меня в ванну, не спуская с рук. Уложил на себя и с довольным вздохом откинулся на бортик. Я залезла повыше и посмотрела ему в лицо. Внутри ещё чуть саднили растянутые мышцы, напоминая о полученном только что удовольствии.

В груди теснились вопросы: что будет с нами дальше? И что Сейдж собирается делать сам? Планирует ли продолжать мстить отцу, пытаться погубить его? Насколько сильно подвержен влиянию Фараиту? Сейчас он спокоен и выглядит совершенно вменяемым, но как долго продлится такое состояние?

Я решила начать с самого безопасного вопроса. Поёрзала немного, устраиваясь поудобнее, так, чтобы видеть глаза Сейджа, и тихо произнесла:

– Я боялась, демон окончательно помрачил твой рассудок. Тебе удалось его усмирить?

Сейдж открыл глаза и уставился на меня. Они блеснули бирюзой, чуть не заставив меня вскрикнуть от неожиданности. Слух – или воображение? – донёс призрак демонического смеха. Но отвечать Сейдж не торопился, и я попробовала ещё раз:

– Я боюсь за тебя, слышишь? Я думала, ты уже сорвался...

Вернее, я никогда не слышала, чтобы демон отступался от уже захваченной добычи. Значит, Фараиту не сумел до конца подчинить себе Сейджа?

– Демоны жаждут крови, и я боюсь... – за себя, за Алайну, за самого Сейджа. – Слышишь, ты должен как-то порвать эту связь,

отправить демона назад в бездну.

А вот сейчас Фараиту глухо зарычал.

– Помолчи, женщина, – Сейдж устало прикрыл глаза, откидываясь на бортик. – Слишком много говоришь.

Я и правда замолчала – от возмущения. Не в силах найти подходящие слова, просто ткнула его под рёбра большим пальцем, и Сейдж дёрнулся и засмеялся, не открывая глаз. Этот его смех, домашний, беззаботный, окутал меня теплом. Боги, я не помнила, чтобы слышала, как он смеётся так вот, даже когда жила пленницей у него в поместье.

– Что ты собираешься делать с нами?

Сейдж нехотя открыл глаза, полоснул меня сердитым взглядом.

– Будешь жить здесь. Уберёшь эту дрянь, – он поймал моё запястье, опутанное вязью вдовьей татуировки. – Завтра же.

Внутри всё сжалось от тревоги. Он хочет стереть любое напоминание о том, что я якобы была замужем. И татуировку, и, может стать...

– Я не оставлю Алайну, – голос зазвенел от страха.

– Я ни слова не говорил о том, чтобы ты это сделала, – нахмурился Сейдж. – Держи своего младенца при себе, сколько влезет. Можешь и служанку оставить.

– Она жива?

– Что с ней станется? – он смотрел недоумённо. – Кем ты меня считаешь?

Я промолчала. Стражу-то он убил. Я могла с лёгкостью представить, как убивает и Фессу, просто потому, что ему не нужны лишние свидетели.

– Ладно, хорошо. А что ты собираешься делать сам?

Сейдж недовольно посмотрел на меня. Самим своим видом, расслабленным, усталым, он будто упрекал меня за суету. Его большая рука вынырнула из воды, рассыпая капли. Взяла меня за затылок.

– Ты слишком много спрашиваешь, маленькая шпионка, – он притянул меня к себе, накрывая рот поцелуем. Горячий язык по-свойски скользнул внутрь.

Вторая рука погладила меня по спине, нажала, заставляя прогнуться в пояснице. Поцелуй разорвался, и моя грудь оказалась у Сейджа перед глазами. Он поймал губами сосок и втянул в себя –

сильно, жёстко, высасывая содержимое. Я покраснела, хотя лицо и так было розовым от жара горячей воды. Сейдж выпустил грудь, облизнул губы, почмокал, оценивая вкус.

– Не слишком сладко? – неожиданно поинтересовался у меня.

Я пожалала плечами, пытаюсь скрыть смех. Сейдж выглядел таким забавным. Как будто всерьёз забеспокоился, что молоко может быть слишком сладким для Алайны. Как будто собрался с утра же притащить полную крынку коровьего, если я скажу, что да, наверное, слишком сладко – не очень хорошо для ребёнка.

– Что? – подозрительно спросил он.

Я покачала головой. Тяжёлая рука на пояснице настраивала на шаловливый лад. Я сама склонилась к губам Сейджа и замерла в малой толике от соприкосновения, чувствуя, как они раскрылись навстречу, но продолжая тянуть, наслаждаясь ощущением того, как смешивается наше дыхание. Сейдж недовольно рыкнул и снова положил руку мне на затылок, притягивая к себе, раскрывая языком мои губы. Целовал меня долго и настойчиво, так что кровь забурлила в венах, а внутри стало сладко потягивать.

В следующий миг Сейдж взял меня за бёдра и одним резким движением насадил на себя. Я застонала ему в губы, чувствуя, как напряжённый член раздвигает мышцы, неумолимо прокладывая себе путь внутри моего тела. Застыла, когда он вошёл полностью. Промежность упиралась в жёсткие волосы Сейджа, добавляя приятных ощущений. Внизу пульсировало, дёргалось, подталкивая самой начать двигаться, тереться, скользить вверх и вниз, вознося себя на вершину удовольствия. Но я не двигалась, привыкая к ощущению Сейджа внутри меня, из-под полуприкрытых глаз наблюдая за выражением его лица. Кто раньше сдастся?

И Сейдж капитулировал первым. Положил большие ладони мне на бёдра, приподнял и медленно опустил, потом снова и снова. Поймал губами сосок, на этот раз мягко, касаясь его лишь кончиком языка, рисуя круги, отпуская и снова захватывая. Я схватилась за плечи Сейджа, с трудом сдерживая внутреннюю дрожь. По плечам, предплечьям покатила волна мурашек, ноги свело пронзительной острой судорогой наслаждения, я замерла, чувствуя себя игрушкой в руках Сейджа – а он продолжал размеренно и чётко, как метроном, насаживать меня на себя. Когда все ощущения сосредоточились там,

внизу, я громко застонала, вонзая ногти в его плечи. Сама потянулась за поцелуем, двигаясь в том же ритме, который задавал Сейдж. Ещё немного, и я готова была улететь, но Сейдж неожиданно выскользнул из меня и встал во весь рост, потянув меня за собой.

– Иди сюда, – он сдёрнул с крючка полотенце и бросил его на пол. Заставил меня встать на четвереньки, встал сзади и без предупреждения вошёл сразу на всю длину.

Застонав, я опустила грудь на полотенце. От каждого его движения внутри меня пронзали волны удовольствия, удержаться на четвереньках было невозможно. Даже ноги разъехались бы в стороны, если бы Сейдж меня не придерживал. Хватило всего нескольких толчков, чтобы наслаждение стало запредельным, я впила зубами в собственную руку, чтобы хоть немного приглушить стоны, и забила в экстазе, тем более сильным, что Сейдж продолжал двигаться. Убедившись, что я кончила, он увеличил темп и тоже почти сразу с долгим глухим стоном извергся внутрь меня.

Некоторое время мы лежали молча, Сейдж придавил меня своей тяжестью, по-прежнему оставаясь внутри, я распростёрлась на мокром полотенце, еле дыша. Потом он встал, поднял меня, опустился вместе со мной в ванну и начал намыливать. Я нежилась под прикосновениями его рук, но потом всё то же беспокойство подняло голову, и я тихо позвала его:

– Сейдж...

Его движения остановились. Сейдж сидел сзади, я не видела его лица и могла только догадываться о реакции, но всё же продолжала:

– Скажи, ты... – было страшно: вдруг наше хрупкое перемирие враз испортится. Но не спросить я не могла. – Ты всё ещё хочешь отомстить моему отцу?..

Он молчал. Молча домылил, ворочая меня, словно куклу, аккуратно промыл волосы, даже прочесал сильными пальцами, так, что я вся покрылась мурашками от удовольствия. Сделал очередной магический пасс, и я взвизгнула, потому что с потолка вдруг полилась тёплая вода. Сейдж суховато усмехнулся, следя за моей реакцией. Убедился, что мыло смылось, и выставил меня из ванны, шлёпнув по заднице и недвусмысленно подтолкнув в сторону висящих на стене полотенце. Пока я куталась, протирала кожу и промокала волосы, он быстро домылся сам и тоже выскочил.

Мы вернулись в спальню, я проверила, что Алайна мирно посапывает в постели. А Сейдж в это время достал коньяк, налил себе на два пальца и присел у камина на шкуру. Похлопал по ней, призывая меня сесть рядом. И только после того, как я выполнила приказание, притянутая его тяжёлой рукой так, что полностью опиралась на его грудь, затихнув в его объятиях, Сейдж негромко, но веско проронил:

– Я дал клятву. Пообещал отцу и матери, что отомщу за них. Так что да, эта клятва будет исполнена только со смертью Рейборна или моей.

Его тело было совершенно расслабленным, он опирался спиной о кресло, придерживал большим пальцем стоявший на полу рядом с моей ногой низкий толстостенный бокал. И говорил, тоже расслабленно и спокойно, будто о ничего не значащих вещах:

– Рейборн похитил мою мать. Удерживал её силой, развлекался с ней... а потом выбросил, когда она ему надоела. Она вернулась к отцу, он её принял, несколько лет они были счастливы... но Рейборну было этого мало. Узнав, что у родителей всё хорошо, он проклял её. Она сгорела очень быстро. Я не помню этого, был совсем мал, но помню её лицо, всегда бледное, спокойное. Она никогда не улыбалась.

– Ты уверен, что это был он? Я не хочу ничего сказать, просто – ведь наверняка есть причина, почему вы решили, что её проклял именно мой отец?

Сейдж помолчал, взял бокал, немного отпил, снова поставил.

– Мне было лет пять, наверное. Мы с матерью были в городе и случайно встретили мужчину. Я запомнил это, потому что мать как с ума сошла. Они говорили о чём-то, он оскорблял её, она плакала. Потом мы вернулись домой, отец что-то заподозрил, они тоже поссорились. Но я тогда ничего не понимал. А через месяц после этого она умерла. Так вот, тот мужчина, которого мы встретили – это был Рейборн. Мать никогда не вела себя так, как в тот раз с ним, так что я хорошо его запомнил.

– Но это же не доказательство, – я не хотела сдаваться.

– А что тогда для тебя доказательство? То, что мой отец, пытаюсь отомстить за мать, умер от руки Рейборна? Что он был уверен в её смерти от тёмного проклятия? Какие ещё ты хочешь доказательства, когда все, кто был мне дорог, мертвы, в замке давно хозяйничают другие, и даже сама наша фамилия исчезла, как будто никогда не

существовала?! – Сейдж начал раздражаться, голос его звенел и бушевал, я чувствовала, как напряглось его тело.

И, откинувшись на его грудь, повернув голову так, чтобы видеть его лицо, сказала одно-единственное слово:

– Айсенверт.

– Что?! – Сейдж задохнулся, посмотрел на меня так, будто увидел привидение.

– Бабушка спросила, не из рода ли Айсенвертов ты приходишь. Помнишь, она видела тебя мельком. Так что ваша фамилия не исчезла, и ещё есть люди, которые помнят и твою мать, и твоего отца. Так может, ещё остался кто-то, кто сейчас мог бы пролить свет на ту историю?

Мой отец исходил жёлчью при одном упоминании Сейджа, так что да, я верила в то, что он мог ненавидеть и его, и его отца. Но что-то было в истории о его матери такое, что меня царапало. Расспрашивать отца нет смысла, ненависть застит ему глаза почти так же, как Сейджу. Но вот если мы найдём кого-то, кому Сейдж доверяет...

– Нет, – категорически отозвался Сейдж.

Я не стала возражать. Просто тихо попросила:

– Давай съездим туда. В то место, где был ваш замок. Пожалуйста. Я бы хотела увидеть, где ты родился.

Сейдж так и не сказал ни да, ни нет. Вообще ничего не ответил, как будто не слышал вопроса. Возможно, это был его способ дать понять, что решение принято и изменено не будет, но я не сдавалась и при каждой возможности снова напоминала, что хотела бы съездить туда.

Сейдж поселил нас рядом со своей спальней. Уже на следующий день молчаливые невозмутимые слуги прорубили в стене дверь в соседнюю комнату, где поставили специально сделанную для Алайны миниатюрную кровать с высокими стенками, хитро подвешенную на шнурах так, что её можно было покачивать. Фессу мне тоже вернули, она поселилась в комнатке через коридор от детской, но чаще спала рядом с малышкой, на низкой кушетке, обтянутой голубым атласом.

Самой мне было позволено ночевать только в спальне Сейджа, и, если я по вечерам, укладывая малышку, засыпала и сама с ней рядом, Сейдж, когда возвращался в замок, непременно заходил в детскую и

переносил меня на руках. Иногда я просыпалась только утром, обнаруживая себя уже на широкой низкой постели в его спальне, а иногда он будил меня, нарочно или нечаянно, и мы занимались любовью.

Он был прекрасный любовник. Нежный, страстный, ненасытный, пылкий, не забывавший о моём удовольствии. Каждую ночь (иной раз и день) мы соединялись, но я не переставала пылать в его объятиях и чувствовала ту же ненасытность и жажду обладать им, что и в тот первый раз после долгой разлуки. Я сама себе напоминала изголодавшегося, истосковавшегося по нему зверя, с блаженной радостью отдавалась Сейджу, наслаждалась его запахом и тяжестью его тела, мягкой силой в его руках, тем, как темнеют его глаза, когда он смотрел на меня.

Я не очень беспокоилась о новой беременности. Во-первых, мои дни ещё не восстановились, во-вторых... во-вторых, я всё равно ничего не могла бы поделать. Для ритуала предохранения нужно было навестить повитуху, а Сейдж не выпускал меня из замка. А потом – я ещё помнила слова, услышанные с год назад: о том, что ритуал не действует, если один из будущих родителей слишком хочет зачать.

И я не знала, что думает об этом Сейдж, но я – я хотела второго ребёнка. Безумие, наверное, когда я не успела ещё оправиться от первой беременности, когда Сейджа преследовал король, когда между нами даже не было освящённых богами связей, но я хотела ребёнка, о котором Сейдж с самого начала будет знать, что это его дитя. Это было какое-то чисто инстинктивное, первобытное желание самки принести потомство своему самцу.

А ещё с каждым днём мне всё больше хотелось рассказать ему, что Алайна его дочь. Слова подкатывали к горлу каждый раз, когда я видела, как он смотрел на неё порой, с каким-то смутным, тайным сожалением. Поначалу я боялась, что она будет вызывать в нём гнев, раз он считал её ребёнком другого мужчины, но Сейдж как будто позабыл об этом. Ему нравилось возиться с ней, его заставляли смеяться её умильные рожицы и проказы, пару раз он сам вставал к ней посреди ночи, когда Фесса спала в другой комнате, шикая на меня, чтобы лежала, укачивал или приносил ко мне. Сердце замирало, когда я видела её у него на руках, маленькую, беззащитную, с завивающимися светлыми волосиками. Они были так похожи, что я

диву давалась, как он сам не замечает сходства. Но он поверил моим словами и совсем не сомневался.

Довольно тихо и мирно мы прожили так почти две недели. Я не слишком беспокоилась, что кто-то начнёт нас искать: Нергия не ждала нас быстро, а бабушка и отец знали, что мы якобы уехали обратно в Ордон. Поначалу тревожила мысль о Нейсоне, но и эта тревога постепенно ушла. Становилось всё труднее сдерживать себя от мысли рассказать Сейджу всё начистоту, от желания представлять, как мы становимся по-настоящему семьёй, как Алайна играет с новорождённым братиком, как мы живём спокойной тихой жизнью вдалеке от бурных перемен и придворных и политических игр.

Но это я хотела этого. Сейдж же занимался своими зловещими делами, о которых меня в известность не ставил. И я опасалась, что это всё связано с той мстью, о которой он говорил, с моим отцом, а, может, и с Нейсоном. Он часто возвращался за полночь, мрачный, с горящими глазами, отвечал резко и отрывисто, и только после отдыха (часто в ванне или в постели) расслаблялся и становился тем Сейджем, рядом с которым я чувствовала себя защищённой.

В общем, всё было зыбко и неустойчиво, маленький островок спокойствия среди бушующего острова чужих чаяний и планов, и я повторяла себе, что нельзя ничего ни рассказывать Сейджу, ни рожать от него других детей – пока не станет по крайней мере ясно, что им ничего не грозит.

Но мысль навестить замок Айсенвертов с каждым днём казалась мне всё притягательнее. Я не думала, что все давние тайны сразу раскроются передо мной, но мне хотелось прикоснуться к детству Сейджа, увидеть место, где он рос, показать Алайне, откуда идут её корни, пусть даже сама она пока ничего не соображает. Я не упускала случая снова завести об этом разговор, и в один прекрасный день... ночь – он не выдержал и буркнул, отворачиваясь от меня на постели:

– Во имя Райаса, мы поедem, только замолчи, умоляю.

Это была капитуляция. Я тут же сделала вид, что вовсе не так сильно этого хотела, но не скрыла довольной улыбки.

Мы поехали в мобиле. Только я, Сейдж и Алайна. До этого я пыталась выяснить у Сейджа, безопасно ли ему вот так показываться

на публике, в своём виде, без маскировки, но он только хмыкнул и ничего не ответил.

Путь оказался неблизок. Даже на мобиле, который славился скоростью, мы добирались не меньше часа. Сейдж поначалу казался настроенным благодушно, но по мере приближения к цели начал мрачнеть. Я тоже притихла и уже почти жалела, что уговорила его приехать, он сидел хмурый как сыч и только и посматривал исподлобья на окрестности. Только довольный смех Алайны немного разряжал обстановку, Сейдж словно вспоминал о присутствии ребёнка и смягчался.

Дорога привела нас к мосту, перекинутому через весело несущуюся по камням довольно широкую реку. За рекой начинался лес, а над лесом торчали башни сложенного из белого камня замка. Судя по всему, это и был замок Айсенвертов, их владения. Вернее, бывшие владения, потому что тот дальний родственник Сейджа, которому отошёл замок, через несколько лет продал его, чтобы покрыть долги от неумелого ведения хозяйства. Сейчас, судя по гербу на воротах и поставленной рядом с ними сторожке, замок принадлежал некоему барону Вертерлину.

Ворота были закрыты, так что Сейдж заглушил мобиль, не подъезжая к ним, и сказал почти весело:

– Ну вот. Что будем делать? Незаконное проникновение? Я же говорил тебе, надо было оставлять ребёнка дома.

Я молча покосилась на него. С лёгкостью могла представить себе, как он вызывает Фараиту, и мы проникаем в замок по воздуху. Вот только шума поднимется – на зеркале не гадай. Оно и неудивительно, защита тут наверняка стоит, и даже если демона она не остановит, сигнал пойдёт. Опять полиция, стража самого замка, маги, Сейджа могут узнать...

А какие ещё варианты? Уезжать несолоно хлебавши? Тоже не хочется. Но какой предлог может быть для того, чтобы пустили внутрь?

Сидя в мобиле, придерживая с любопытством вертевшую головой Алайну, я старательно размышляла. Взгляд скользил по гербам и флагам, по надписям на охранной будке. И тут я зацепилась за одну из этих надписей. Мелькнула идея.

Дверь сторожевой будки отворилась, вышел человек в тёмно-красной форме и, снимая на ходу фуражку, поспешил к нам.

Расслабленно лежавшие на руле руки Сейджа напряглись, он потянулся повернуть ключ зажигания. Я положила ладонь на его предплечье, останавливая. Приветливо улыбнулась подоспевшему охраннику.

– Добрый день, нейди, нейд, – тот поклонился.

– И вам доброго дня, – ответила я быстро. – Скажите, можно ли осмотреть уголья изнутри?

– Да, конечно, нейди. Сейчас откроем ворота. Если не составит труда, соблаговолите сказать ваше имя, я должен записать в журнал посещений.

– Ивелин, – краем глаза следя за Сейджем, ответила я. – Нейд Ивелин с супругой и дочерью.

Внутри у меня всё затряслось, когда я произнесла эти слова. Во-первых, мне слишком сильно хотелось, чтобы однажды я могла сказать нечто подобное на самом деле. Во-вторых, это был прямой намёк, фактически признание в том, что никакого Ивелина не существовало, а отец моей дочери – это Сейдж.

Но он, конечно, ничего не понял. Правда, и не разозлился, что я представила его именем погибшего его якобы соперника. Невозмутимо кивнул, подтверждая мои слова, подождал, пока охранник удалится, а ворота медленно раздвинутся, завёл мобиль и аккуратно направил его между створок.

Охранник выскочил из будки и проводил нас низким поклоном, прижимая фуражку к груди.

Сейдж заговорил только тогда, когда мы съехали с моста и мобиль медленно поплыл по неширокой дороге среди деревьев. Тут явно нечасто ездили другие мобили, зато земля была утоптана копытами лошадей. Виднелись и следы от колёс экипажей.

– Как тебе пришло в голову, маленькая лгунишка? – спросил Сейдж, смеиваясь.

Это прозвучало вполне добродушно, так что я тоже улыбнулась, довольная собой.

– Там было объявление, на сторожке. Что замок с прилегающими территориями выставлен на продажу и тем, кто желает осмотреть его, следует связаться с нейдом бароном Вертерлином, проживающим по

адресу такому-то. Вот я и решила, что мы вполне могли приехать осмотреть его.

– А если бы охранник решил проверить сведения? Он мог послать кого-нибудь сообщить барону.

– До города далеко, а сам барон тут явно не живёт, иначе на башнях замка тоже развевались бы флаги.

– Хитрая лисица, – одобрительно отозвался Сейдж и вдруг замолчал, как будто его оборвали на полуслове. Стиснул зубы, вглядываясь вперёд. В глазах промелькнула тень, а потом нечто вроде грустной болезненной радости.

Я проследила его взгляд и увидела, как из-за редящих деревьев выплывает во всей своей красоте древности белоснежный замок.

Он был меньше отцовского и благодаря белым стенам казался очень аккуратным, тонким, вытянутым вверх, словно взлетающий лебедь. Три башни, самая длинная в середине и две средней длины, по углам, усиливали это впечатление. Сейдж уверенно подвёл машину прямо к парадному входу, перед которым, как солдаты на карауле, вытянулись ещё две белых миниатюрных башенки, каждая всего в два человеческих роста.

Алайна весело повизгивала, а Сейдж, напротив, мрачнел на глазах. Я притворилась, что устала, и сунула малышку ему. Пусть отвлечётся на её тёплые ладошки, норовящие то за волосы потянуть, то в ухо залезть, то кожу схватить и сжать со всей своей уже совсем не маленькой силы. Ну и мне вообще нравилось смотреть, как он держит её: одной рукой, спокойно, терпеливо снося проказы шаловливых рученок и не вовремя начинающие литься слюни.

Охранник, видимо, успел сообщить, или же визиты возможных покупателей были для слуг не в новинку – дубовые двухстворчатые двери в арке формы колокола отворились, когда мы подошли. Я с запозданием испугалась, что кто-нибудь здесь может узнать Сейджа, ведь он приехал в своём обычном виде – но потом вспомнила, что ему было всего восемь лет, когда погиб его отец, и с той поры миновало уже больше двух декад. Судя по молодости встречавших нас слуг, состав успел давно перемениться.

Нас попросили немного обождать в библиотеке, пока не подойдёт проводник. Сейдж величественно кивнул и встал в середине, покачивая на руках Алайну. Он выглядел невозмутимым, но я видела,

как едва заметно поигрывают его желваки, как он прищуривается, глядя на что-то выбивающееся из общего стиля и явно добавленное последующими хозяевами, как недобро хмыкает, заметив непротёртую пыль на полках и хрустальном столике для игры в *кесс*.

Наконец послышались торопливые шаги, и в библиотеку вошёл мужчина лет тридцати на вид, с гладко зачёсанными назад тёмными волосами и умным взглядом серых глаз. Он был одет в ту же форму, что и встретившие нас слуги, но на его штанах были золотые лампасы, а на обшлагах – золотые же полоски. И ещё он носил длинный сюртук, в отличие от облачённых в жилеты слуг.

– Прошу прощения, что заставил ждать, – поклонился он с порога. – Моё имя Атуан Мусто, я исполняю здесь обязанности дворецкого. С радостью проведу вас по замку. Мы можем начать со столовой, хозяйских спален или гостевых комнат. Или, быть может, вы хотели бы сперва осмотреть служебные помещения?

Сейдж на миг нахмурился, всматриваясь в дворецкого, но почти сразу его лицо разгладилось. Мы вышли вслед за Атуаном, и он начал вежливо и неторопливо рассказывать нам историю замка. Я пыталась украдкой следить за настроением Сейджа, одновременно вслушиваясь в речь дворецкого. Для меня его рассказ был совершенно новым, а Сейдж, верно, и без того отлично знал историю родового гнезда, и я всё время боялась, что он вмешается.

Оказалось, замку больше шести сотен лет – вернее, не совсем ему в том самом виде, в котором он перед нами предстал, здание много раз перестраивалось – но именно шесть веков назад предок Айсенвертов, Айсен Могучий, положивший впоследствии начало их фамилии, основал на этом месте деревянный замок, чтобы обозначить свою власть над близлежащими территориями.

Я снова тихонько посмотрела на Сейджа. Ведь я даже не представляла себе, что его род насчитывает шестисотлетнюю историю. Как, наверное, его злит, что у него отобрали фамилию. И как бы мне самой хотелось однажды рассказать Алайне о её предках, уже шесть сотен лет назад установивших здесь свою власть.

Мы шли, рассматривая помещения, останавливаясь там и сям. Замок был прекрасен. Слуг явно не хватало, многие комнаты стояли запорты, их не убирали, дворецкий постоянно извинялся за это. Но я

представляла, каким он был в те дни, когда тут жили, и не могла не вздыхать с восхищением.

Вот в этом просторном зале, где сейчас все люстры увиты тюлем, паркет потускнел, а в углах пауки выют паутину и сквозняк перекачивает комья пыли – когда-то устраивали званые вечера, и прекрасно одетые люди танцевали, разговаривали, флиртовали, слушали музыкантов. Может, и маленький Сейдж чинно шёл рука об руку с дочерью кого-нибудь из друзей семьи. Хотя нет, скорее всего он скакал и устраивал проказы, почему-то такая картина представлялась мне более правдивой.

А вот семейная столовая, небольшая, светлая, выходящая на увитый розовыми кустами балкон. Вернее, когда-то увитый – сейчас тут были только ссохшиеся ветки. Их бы содрать, заменить опоры, посадить в землю под балконом новые кусты – и поползут вьюнки по колышкам, снова обовьют балкон, и будет ничем не хуже прежнего. Сейчас, конечно, солнечный свет лишь безжалостно высвечивал грязь на стекле и пустой, пыльный, давно не использовавшийся стол.

Нам показали даже небольшую детскую в светло-зелёных тонах, с картой мира и выцветшим гербом Айсенвертов на одной стене и с витыми оленьими рогами и перекрещёнными мечом и пистолетом на другой. Кровать была довольно узкой, накрытой стёганым шёлковым покрывалом, зато письменный стол – широким и высоким, с пыльным глобусом из коричневого дерева. Мне показалось, эту комнату как будто законсервировали много лет назад. Дворецкий тут же пояснил, что комнату и впрямь не использовали: барон Вертерлин здесь почти не жил, а у предыдущих хозяев детей не было. Стал объяснять, что и как можно переделать, но мы почти не слушали. Сейдж скользил невидящим взглядом по стенам, а я наблюдала за ним, с замирающим сердцем представляя, как его увозили отсюда, маленького сироту, потерявшего мать, а вслед за ней и отца. Как он, должно быть, сжимал губы, чтобы не расплакаться, стискивал кулаки, чтобы не закричать и не наброситься с сорванным со стены оружием на «захватчиков».

– Сейдж, – я взяла его за руку. Краем глаза заметила, как дворецкий почему-то дёрнулся, но мне было не до выяснения причин. У меня у самой на глазах выступили слёзы, а в носу слегка засвербело.

Сейдж метнул на меня отсутствующий взгляд. Нахмурился, увидев выражение моего лица. Отрывисто спросил:

– Что?

– Может, хватит? – промямлила я, чувствуя себя глупой расчувствовавшейся гусыней. – Давай пойдём вниз, посмотрим территорию.

– Это же ты хотела приехать сюда, – ответил он с лёгкой насмешкой, хотя в глазах оставалось мрачное выражение. Не дожидаясь ответа, кивнул дворецкому.

Тот слышал наш обмен репликами и всё понял верно. Подскочил, придержал дверь, чтобы мы могли пройти, предложил кратчайшим путём провести в сад на заднем дворе. Так и поступили.

Почему-то на пути до сада дворецкий, до этого живо и интересно повествующий о замке, молчал. А открыв высокие стеклянные двери, за которыми нас ждала бурно разросшаяся зелень (кажется, садовника тоже уволили), чуть слышно спросил, обращаясь к Сейджу:

– Простите мне моё неуместное любопытство... но вы не родственник ли бывшим владельцам этого замка?

Сейдж остановился как вкопанный. Сузил глаза и метнул на дворецкого такой взгляд, что мне показалось, здесь вот-вот произойдёт убийство. Но прежде чем я успела вступить и пояснить, что мы оказались тут совершенно случайно и не имеем никакого отношения к бывшим владельцам, Сейдж вдруг произнёс:

– Атуан Мусто... ты сын Генны?

Лицо дворецкого озарилось радостью. Он сделал шаг вперёд, как будто хотел схватить Сейджа за руки и поцеловать их, но в последний миг удержался:

– Не могу поверить... нейд Сейдж, это и впрямь вы?

Я запаниковала. О боги, именно этого я и боялась, когда поняла, что Сейдж не собирается маскироваться. Ну вот его и узнали. Что же теперь будет? Неужели ему придётся убить этого человека? Ещё одна смерть на его душу?!

– Я так рад!.. Не думал, что увижу кого-либо из рода Айсенвертов здесь снова! Вы собираетесь купить замок? Для меня будет огромной честью вновь служить вам, если вы это позволите!

Я только молча переводила взгляд с дворецкого на Сейджа. Теперь то, что мы явились сюда, казалось мне смертельной ошибкой. Но как теперь можно выйти из положения? Дворецкий явно узнал Сейджа, я зря назвала его по имени. Может, предложить деньги за молчание? Но

сколько он захочет? Не решит ли Сейдж, что мёртвые молчат надёжнее всего? И только то, что он не отпускал Алайну, немного успокаивало. Не станет же он убивать с ребёнком на руках?

– Твоя мать... ещё жива? – вдруг спросил Сейдж, с явным трудом выталкивая из горла слова.

Дворецкий вдруг погрузился.

– Да, жива, божьей милостью, но, боюсь, уже вот-вот небо заберёт её. Она очень плоха. Но она будет рада узнать, что вы живы. Больше её радость была бы, если бы вы навестили её. Ох, – он спохватился, – что я несу, конечно же, блистательный нейд не будет этого делать. Простите, я... – он смешался, опустил виноватый взгляд и замолчал.

Я внимательно следила за разговором. Видимо, Сейдж хорошо знал мать дворецкого. Кажется, убивать никто никого не будет. Но что Сейдж скажет в ответ на предложение навестить эту женщину?

– Где она сейчас? – отрывисто осведомился он у Атуана.

– Она в Альбо, лежит, не вставая, – в голосе дворецкого плеснула надежда. Он не осмеливался настаивать, но смотрел на Сейджа с таким сильным чувством в глазах, что мне стало его жаль. Похоже, он очень любил свою мать, а для той, в свою очередь, что-то значил Сейдж.

Я протянула руку, едва успела коснуться его локтя, как Сейдж сам резко обернулся ко мне. Сдвинул брови, взглядом словно требуя ответа – от меня.

– Мы помешаем? – вполголоса спросила я, имея в виду себя и Алайну.

Сейдж мотнул головой. Он как будто мучился, не в состоянии принять решение. Наконец, повернувшись к дворецкому, глухо ответил:

– Я навещу её. Когда будет лучше всего?

– О-о! – от избытка чувств тот приложил руки к груди, глаза его заблестели. – Нейд Сейдж, вы сделаете её счастливейшей на свете. Когда только будет вам угодно, если пожелаете, я сам отвезу вас.

– Мы на мобиле, – резко ответил Сейдж. – Поедешь вместе с нами. В конце концов, Альбо тоже на наших... на этих территориях.

– Да, вы всего лишь продолжите показывать нам окрестности, – я мило улыбнулась Атуану.

Мне казалось, я вступила очень ловко, разряжая атмосферу, но почему-то оба мужчины уставились на меня с недоумением.

Атмосферу разрядила Алайна, очень удачно расплакавшаяся на руках у Сейджа.

Перед тем как сесть в мобиль, Атуан исчез отдать распоряжения другим слугам на время своего отсутствия, и я воспользовалась этим, чтобы спросить:

– Ты знал его мать?

– Она была моей кормилицей, – сухо ответил Сейдж и замолчал, вперившись мрачным взглядом в никуда.

У меня болезненно ёкнуло сердце. Вот оно что – кормилица. У нас в семье у женщин всегда хватало молока, и у самой меня кормилицы не было, но я понимала, как, наверное, она была Сейджу дорога. Ведь с тем, кто вскармливает тебя своим молоком, кто убаюкивает и утешает, у детей всегда возникает особая связь.

Вот только... мать Сейджа умерла слишком рано, а теперь умирает и кормилица. Не иначе святая Миена привела нас сюда сегодня, чтобы Сейдж мог увидиться перед смертью с таким важным человеком из своего прошлого.

Атуан вернулся и, многократно извиняясь, сел сзади. Я крепче прижала к себе уснувшую дочь, Сейдж завёл мотор, и через пятнадцать минут езды мы въехали в деревушку, на дорожном знаке перед которой было выведено красивыми буквами: «Альбо».

Домик, путь к которому нам указал Атуан, был маленький, приземистый, но аккуратный, с чистыми белыми резными украшениями по карнизу. Внутри, в маленькой тесной передней, оказалось темно. Атуан вошёл в комнаты первым, позвал:

– Мама! Не спишь?

Из глубины дома послышался ответный возглас.

Я ожидала услышать измученный ломкий голос, но он оказался довольно звучным. Однако, войдя в дальнюю комнату, мы увидели совершенно седую, иссохшую, коричневую, как древесная кора, старушку. Она лежала в постели, укрытая пёстрым лоскутным одеялом, и, явно удивившись неожиданным гостям, стала щурить подслеповатые глаза.

– Мама, посмотри внимательно, – с гордостью и благоговением сообщил Атуан. – Это молодой хозяин!

– Святой Отис! – она уронила одеяло, всплеснула сухонькими ладошками. – Мастер Сейдж?

– Здравствуй... Генна, – волнение мешало ему говорить. Внешне Сейдж оставался невозмутимым, но я видела, как подрагивала жилка у него на шее, как едва заметно перекатывались желваки на челюсти – и ещё эти паузы между словами явно показывали, что внутри у него бурлят чувства.

– Боги! Атуан, принеси кресло! Да стул ещё! Ох ты святой Отис, да ведь неприбрано всё, какой позор...

– Не надо, – Сейдж опустился на постель, махнул мне, чтобы села на стоявший у стены комод. Положил руку на морщинистую кисть кормилицы. – Не стоит разводить церемонии.

– Как можно! Ну хоть для нейди принеси кресло, Атуан, – и пока сын выполнял поручение, замолчала, всматриваясь в Сейджа заблестевшими от слёз глазами. – Боги! Живой! Да как повзрослели, возмужали! Уж я знала, что будете красавцем мужчиной! В мать пошли, а она была красавицей, каких поискать. Ах, если бы госпожа могла сейчас хоть глазком глянуть на вас, как же она была бы горда и счастлива! – она зашмыгала носом и другой рукой, не той, которой касался Сейдж, полезла под подушку, вытащила огромный платок. Шумно высморкалась, вытерла слёзы. – Простите старую. Ну ничего, на том свете свидимся, уж я всё ей доложу. А там, с небес, она и так смотрит на вас, я уверена. Стало быть, видит всё сама.

– Всё хорошо, – Сейдж улыбнулся, слушая её сумбурную торопливую речь. – Я рад тебя снова увидеть.

– Ох, уж и не чаяла! Божья милость, не иначе! Но вы никак женились, мастер Сейдж! Позвольте же мне глянуть на вашу доченьку! – она просяще улыбнулась мне.

Просьба застала меня врасплох, по позвоночнику прокатилась ледяная вода страха. Старуха говорила так уверенно – это ведь не просто предположение, это знание, память человека, который видел самого Сейджа в младенчестве. Я взглянула на него, заломив брови, испуганно ожидая реакции. Сейчас прогремит на всю комнату: «Что?! Ты утаила от меня, что это моя дочь?».

Но Сейдж лишь помрачнел, мягкий блеск в его глазах потух. Он молча кивнул мне, чтобы показала ребёнка, а сам отвернулся, и складка у рта стала глубже.

Не понял. Не поверил. Боги, какой упрямец. Меня охватили одновременно облегчение – и разочарование. Глупый, глупый упрямец! Ну ничего, пусть подождёт. Сегодня же вечером я всё ему скажу. Хватит страха и метаний, хватит ждать знака с небес. Точнее, эта встреча и есть такой знак. Пора признаться.

Я встала, поднесла задремавшую дочь к постели хозяйки дома.

– Какая крупная, здоровая девочка! – восхитилась та и протянула сухие руки. – Красавица!

Сейдж помог женщине приподняться, поставил подушку ребром, чтобы той было удобнее. Алайна даже не проснулась, перекочевав в чужие объятия. Старуха заворковала что-то нежное, привычным жестом покачивая ребёнка. Я снова бросила взгляд на Сейджа. Он смотрел на кормилицу с Алайной, а в глазах таилась болезненная тень.

– Какое счастье... – бормотала старуха. – Уж не думала, что мне доведётся снова вас увидеть, не то что подержать на руках вашу доченьку. Она вся в вас, уж я-то помню.

Я не спускала взгляда с Сейджа. Если бы он сейчас посмотрел на меня, я бы кивнула – и будь что будет. Но он глядел только на кормилицу.

– Давай я возьму, вижу, тебе тяжело, – проронил он наконец.

Старуха запротестовала, но худые руки и впрямь подрагивали, а когда Сейдж забрал у неё ребёнка, бессильно, как плети, опустились на постель. Я подошла, с состраданием глядя на кормилицу. Взяла Алайну у Сейджа.

Атуан вернулся с креслом, поставил его рядом с кроватью. Повинуясь кивку Сейджа, я села туда.

– Сколько ей? – вдруг спросила старуха. – Скоро полгода?

– Не совсем... – ещё один чересчур меткий вопрос. – Четвёртый месяц.

– Вот как? Выглядит постарше. Она родилась в срок? А то мастер Сейдж выскочил чуть раньше времени, – она заулыбалась, с любовью глядя на него.

– Хватит об этом. Тебе нездоровится? Нужен доктор, лечение?

– Что вы, свет мой, – она махнула рукой. – Ничего не нужно, моя болезнь называется старость.

Сейдж кивнул, метнул короткий взгляд на Атуана, как бы сообщая: «поговорим потом». Я мысленно согласилась: моя бабушка не может быть младше кормилицы Сейджа, а выглядит не в пример бодрее. Может, ещё удастся чем-то помочь.

– Я только одно хотела сказать тебе, мой свет, – старуха вдруг перешла на ты, как будто вернулась в прошлое. – Одна тайна мучила меня. Не иначе боги привели тебя сюда сегодня, чтобы я могла рассказать и отойти со спокойной душой.

– Тайна? – Сейдж напрягся, и я вместе с ним. Почему-то стало тяжело на сердце, словно то, что готовилась сказать старая кормилица, могло затронуть и меня.

– Я ведь была с твоей матерью ещё с тех пор, как она была маленькой. Прислуживала ей, пока замуж не вышла. А потом, когда ты родился, она снова меня к себе позвала. У меня как раз младшенький народился, вот он, – она кивнула на замершего тенью Атуана. – Молока на троих хватило бы, а у твоей матери не было его почти. Вот так и взяли меня за тобой ухаживать. Ох, отвлеклась старая, я ведь не то хотела сказать, – она пожевала губами, глядя на сына. Кивнула ему на дверь, и он безмолвно скользнул к ней и исчез, тихо затворив за собой. Потом посмотрела на меня и снова на Сейджа: – Пообещала я ей не говорить никому, да мучает это меня, отойти не могу. Чую, должна открыть тебе. Велишь ли продолжать?

Сейдж бросил на меня короткий взгляд:

– Говори спокойно.

Это был знак доверия, вот так позволить старой кормилице раскрыть в моём присутствии некую важную тайну. Если бы Сейдж по-прежнему считал меня шпионкой, заставил бы выйти. Но я вместо того, чтобы обрадоваться, почему-то сжалась. Плохое предчувствие ледяными пальцами щекотало внутри.

Старуха кивнула, помолчала, словно набиралась духа, и наконец проронила, схватив Сейджа за руку:

– Артейдж не твой отец, мой свет.

Слова отдались в моей голове как эхо, звук без смысла. Одно было ясно: случилось нечто непоправимое. Мой мир словно треснул и пошёл осыпаться мелкими осколками.

– Что?! – рявкнул Сейдж. – Доказательства! – глаза его сверкнули гневом, челюсти судорожно сжались. Мне показалось, не будь перед ним старуха, он бы её ударил.

Но та осталась невозмутимой.

– Не прими за труд, соблаговоли подать тот ларец, – сухой палец указывал накрытый салфеткой деревянный ларчик, стоящий за стеклом на полке.

Сейдж поднялся и принёс нужное. Его руки дрожали. Я тоже была в ужасе. Невольно представила, каково было бы мне, скажи кто, что отец мне не отец. Но, быть может, кормилица и правда ошибается?

Крышка ларца раскрылась с сухим шорохом. Посыпались рисунки, письма, засушенные цветы. Видимо, здесь хранились памятные для хозяйки вещи. Сухие пальцы кормилицы неуклюже перебрали бумаги и наконец вынули пожелтевший от времени конверт.

– Твоя мать писала это ему... прочти, мой свет, да не сердись на меня. Я хранила эту тайну уж больше двадцати лет, и я всего лишь умирающая старуха...

Сейдж взял конверт, вынул листок бумаги. Быстро пробежал глазами, потом вернулся к началу и прочёл вновь, уже медленнее, так, будто взвешивал про себя каждое слово и никак не мог его воспринять. Бросил на постель:

– Чушь! – отчаяние, злость, неверие звучали в голосе.

Письмо слетело прямо к моим ногам. Я подняла его и не удержалась от того, чтобы не заглянуть.

– Прости старуху! – я видела краем глаза, как кормилица схватила Сейджа за руку, но содержание письма сразу завладело всем моим сознанием, и я перестала обращать внимание на происходящее.

Письмо было написано торопливым мелким почерком, со множеством клякс и перечёркнутых слов, которые всё равно потом повторялись впоследствии почти в том же виде. Чувствовалась дрожь руки, что водила пером.

«Мой любимый, мой драгоценный, моё сердце, что я собственными руками вырвала из груди. Прости, что пишу тебе после того, как сама запретила тебе искать со мной встреч и писать мне. Возможно, я так и не отправлю это письмо, сожгу в пламени камина, но сейчас не могу не писать. Мне нужно выговориться. Вылить на бумагу то, что терзает меня.

Моё навеки ушедшее счастье, когда я оставила тебя, я носила под сердцем наше дитя. Я слишком поздно узнала об этом, а когда узнала, то до последнего надеялась, что это сын Артейджа. Ходила в храм матерей Авендаса, просила о проверке на кровную связь. Но боги не были милостивы ко мне. Или наоборот, были слишком милостивы? Позволили унести с собой частичку тебя, мальчика с твоими глазами.

Но нет, всё же это кара, это напоминание о моём преступлении. О нашем преступлении, ведь мы пошли вопреки божьим законам, нарушили освящённую богами брачную связь. Моё сердце, моя жизнь, простишь ты ли меня когда-нибудь? Найдёшь ли ту, что составит твоё счастье? Я надеюсь, я хочу верить, что да. Каждый день молю святых покровителей, чтобы они поскорее изгладили в твоём разуме мой образ, ибо твой со мной всегда, я просыпаюсь в слезах, вспоминая о тебе. Я хочу вернуть наши дни, но это невозможно. Я должна, обязана выполнить свой долг, обязана быть хорошей женой Артейджу, вырастить сына так, чтобы он никогда не узнал, кто его настоящий отец.

Грудь разрывается от горя, что мне не суждено тебя больше увидеть, что ты никогда не возьмёшь на руки нашего сына. Но так будет лучше для всех нас. Это моё бремя, и я клянусь безропотно нести его. Жизнь не приносит мне радости без тебя, каждый день словно пытка, каждый миг – терзает память о твоём голосе, твоих поцелуях. Порой мне кажется, что смерть была бы милостивее ко мне, чем жизнь без тебя. Но я верю, что мысли о нашем сыне помогут мне удержаться.

Твоя навеки...»

У меня у самой потемнело в глазах, когда я представила себе ощущения той далёкой женщины, матери Сейджа. Слишком свежими были воспоминания о том, как я сама должна была выйти за нелюбимого. Если бы я не пошла вопреки воле отца, сейчас дин Койоха воспитывал бы дочь Сейджа, а я... может быть, и я так же сильно тосковала бы по тому, с кем мне уже никогда не суждено было соединиться.

Но здесь, если я верно поняла, всё было ещё хуже. Мать Сейджа встретила того, которого полюбила, уже после того, как вышла замуж за Артейджа Айсенверта. Запретная любовь, невозможная любовь, потому что разводы в кругу аристократов не приняты. Развод моих

родителей смог состояться во многом потому, что и свадьбу держали в тайне.

Боги, так это значит, что Сейдж – по крови совсем не Айсенверт.

Он стоял, меряя взглядом старую кормилицу. Я не видела его лица и была этому рада. Зато видела, как текли слёзы по изборождённому морщинами лицу старухи.

– Прости меня, родной. Не держи зла. Твоя мать любила тебя.

– Но своего любовника, судя по всему, она любила больше, – резко и зло бросил он. – Раз приняла такое решение.

Я прикрыла рукой рот, чтобы не ахнуть вслух. Сейдж понял то, что я упустила. Это было наверняка предсмертное письмо. Его мать никто не убивал, она покончила с собой.

Но старуха покачала головой:

– Не говори так. Твоя мать не накладывала на себя рук. Просто та любовь, что даруют небеса, может стать проклятием, если ей не суждено сбыться. Она пыталась избавиться от неё, перестать чувствовать. Но магия, к которой она прибегла, обернулась против неё, стала выедать её нутро.

Я содрогнулась. Тёмная магия. Наверняка мать Сейджа воспользовалась ею. Мой отец не проклинал её.

Мой... отец?.. Нет, он не может быть связан со всем этим. Это только случайность, отец Сейджа обвинил его в смерти жены только потому, что ненавидел.

А почему он ненавидел его?

– Кто? Кто этот сукин сын, из-за которого ей пришлось умереть?

– Его имя на обороте, – тихо ответила старуха.

Я перевернула письмо. Пальцы дрожали.

Короткое, из четырёх букв, имя чётким росчерком застыло в сознании, вьелось намертво.

«Олар».

Имя моего отца.

Сейдж дин Ланнверт

Мне было шесть лет, когда отец заставил меня поклясться на материнской могиле: что я положу все силы и всю жизнь на то, чтобы тот, по чьей вине она покоится в чёрной земле, разделил её участь. Я знал, о ком говорит отец: о том жестоком и злом человеке, с которым она виделась незадолго до своей смерти. Именно он убил её, так сказал отец, сказал твёрдо и уверенно, и я не видел причины этому не верить.

Я вырос в ненависти к этому человеку, пусть тогда ещё я не мог сопоставить слово «Рейборн», которое отец с упрёком и горечью бросал матери, и её сразу потухавшие глаза, болезненную складку на лбу, какую-то безмолвную мольбу, смысла которой я не понимал. Для меня оно означало то приходящий по ночам кошмар, то загадочное проклятие, то просто всё самое скверное и злое, что бывает в мире.

Я и сам иногда, в минуты, когда в меня вселился злобный дух бездны, развлекался тем, что кричал в лицо матери «рейборн, рейборн», с удовольствием наблюдая, как оно искажается болью. Забавное слово, слово-пугало, слово, которое почему-то так сильно действовало на мать. Я пару раз спрашивал, что оно значит, у кормилицы, но Генна лишь качала головой и уговаривала забыть.

Глупость. Забыть было бы невозможно. Казалось, сами стены нашего дома шептали с ненавистью: «Рейборн разрушил всё. Его нужно уничтожить».

В тот день, когда я впервые увидел его, я не понял, кто передо мной – просто высокий светловолосый мужчина с недобрый взглядом. Он показался мне великаном, а когда я увидел, как он пытается схватить мать за руку, то решил, что её нужно спасти, и с воплем накинулся на него. Он отшвырнул меня, бросил в лицо что-то вроде: «Отродье» – и я хорошо запомнил материнский крик и полоснувшую меня тогда ненависть. Наверное, именно тогда слово «рейборн» обрело лицо, так что я совсем не удивился, когда встретил его в сознательном возрасте. Злобный демон Рейборн, ставший проклятием нашей семьи, должен был выглядеть именно так: как высокий сухощавый мужчина, в глазах которого горело холодное негасимое пламя ненависти.

Не помню, как мы с отцом оказались там – это была какая-то церемония, может, как раз назначение его Хранителем Хрустального Жезла. Помню только, что мать к тому времени уже была мертва, а он, этот чёрный гений, воплощение горечи и зла, был в центре внимания, принимал поздравления и купался в завистливых взглядах.

– Запомни его хорошенько, – прошипел отец, показывая в его сторону. – Он убил твою мать.

В этот момент Рейборн тоже увидел нас, и самодовольное выражение на его лице сменилось отражением той же жгучей, безумной злобы и гнева.

Отец ненавидел его. Мы часто говорили о том, как доберёмся до него, в каких случаях он будет беззащитнее всего, как можно застать его врасплох. Мне даже нравилось это время. Обсуждая смерть Рейборна, мы с отцом сблизились сильнее всего. Но насмешка судьбы заключалась в том, что отец в конце концов не смог противостоять желанию отомстить, тронулся разумом, и все планы пошли прахом. Он просто вызвал Рейборна на дуэль – какая идиотская идея, вызвать на дуэль сильнейшего мага, сражаться на его поле.

Впрочем, допускаю, что Рейборн сам его спровоцировал. Он тоже ненавидел отца и, конечно, воспользовался первой же возможностью его убить.

Я не винил его за то, что он сделал после этого со мной. Я бы сделал то же самое с проигравшим. Может быть, даже больше – ведь он не убил меня, просто лишил рода и фамилии, замка и титула. Просто превратил наследника древнейшего рода Айсенвертов в нищего сироту.

И всё же в этом была его ошибка. Он дал мне не только смысл бороться – он научил меня быть жёстким и беспринципным, не поддаваться сентиментальности, не проявлять слабостей.

Я повторил свою клятву в семнадцать лет, уже будучи фактически взрослым, выпускником школы магов. И на этот раз поклялся не на словах. Я принёс клятву демону, обещал скормить ему душу Рейборна. Или, если это будет невозможно – отдать свою взамен. Так Фараиту стал моим спутником.

Но достать Рейборна оказалось куда сложнее, чем я считал. Даже с помощью Фараиту я не мог преодолеть поставленные им защитные чары. Банально не хватало опыта. Хорошо ещё, что демонская клятва

была бессрочной, иначе я бы уже давно сгинул в черноте бездны. А ещё именно благодаря клятве мне удалось вернуть себе контроль, не поддаться прожорливому сознанию демона.

И вот теперь – старое письмо из прошлого перевернуло всё.

Вернее, нет. Не перевернуло – только пошатнуло. Я не поверил. Этому невозможно было поверить. Я – сын этого порождения бездны, человека, что я ненавидел всем сердцем? Никогда.

На обратном пути из Альбо Тинна не проронила ни слова. Сидела рядом, тихая, бледная, задумчивая, машинально укачивая ребёнка, когда тот начинал плакать, но, было видно, делавшая всё это без участия сознания.

Меня это раздражало. Она слишком близко приняла к сердцу бредни выжившей из ума старухи и письмо, написанное матерью в состоянии явно близком к помешательству. Несколько раз я открывал рот, чтобы резко прикрикнуть, привести её в себя, но не находил слов. Внутри бурлило, кипело, плескалось от гнева, и Фараиту добавлял дров в огонь. Немного успокоиться удалось лишь к концу поездки.

После ужина, за которым тоже не было сказано ни слова, Тинна ушла в детскую, а я занялся делами. Вернулся в спальню уже к вечеру. Она пустовала. Заглянув в детскую, я остановился на пороге. Думал, Тинна спит, как обычно, у кровати дочери, но она не спала, сидела у кровати и плакала.

Едва затихший гнев вспыхнул с новой силой. На себя, на неё, на весь мир. На неё, пожалуй, больше всего, её слёзы всегда выводили меня из себя, я чувствовал себя беспомощным, а это чувство, в свою очередь, рождало гнев. Вот чего ради эти слёзы текут сейчас? Вбила себе в голову, что мы брат и сестра? А ребёнок здесь при чём, почему она пялится на ребёнка и ревет, как будто кто-то её с ним разлучает? Я, кажется, ни слова не сказал по этому поводу.

Я подошёл, рывком поднял её. Возможно, схватил слишком сильно: её лицо исказилось болью, но она не проронила ни звука. Я ослабил хватку, молча взял за плечи и подтолкнул в сторону спальни. Тинна пыталась упираться, что-то твердила шёпотом, но из-за шума крови в ушах я ничего не слышал. Пришлось подхватить её и унести.

В спальне я бросил её на кровать и принялся расстёгивать ремень. Она тут же съёжилась и попыталась отползти.

– Сейдж, нам нужно поговорить, – зашептала умоляюще.

Я ничего не ответил. Я хотел её и собирался заняться тем, чем мы занимались до сих пор каждую ночь. Не видел ни малейшей причины сегодня вдруг этого не делать.

– Сейдж, – она попыталась остановить меня, положила прохладную ладонь на руку.

Я аккуратно отвёл её и продолжил раздеваться. Сообщил вслух:

– Я не хочу разговаривать. Потом.

– Сейдж! Мы не можем! – её огромные глаза блестели, рот кривился. – Нам нельзя...

– Это ещё почему?

– Но... – она отвела взгляд, потом снова посмотрела на меня, – ты мой брат по отцу. Мы не можем...

– Чушь! – в груди вспыхнул огонь, злой, жгучий, всепожирающий. Какой ещё в бездну брат?! – Замолчи.

Я избавился от одежды, нагнулся над кроватью и подтянул Тинну к себе. Раз не хочет раздеваться самостоятельно, я помогу.

– Сейдж, пожалуйста... не надо, – шептала она, цеплялась за мои руки, пыталась застёгивать обратно все те мелкие пуговицы, которые я расстёгивал. Взбеленившись, я рванул платье силой. Тинна тихо вскрикнула.

При виде её нежной молочной кожи, большой груди с чётко очерченной ареолой, член, и без того напряжённый, встал колом. Если какой-нибудь женщине когда-нибудь шли обрывки платья, то это была Тинна. Её незащищённость сводила меня с ума, мне хотелось рычать, вгрызаться, впиваться в неё губами и пальцами, вонзаться собственным телом. Схватив за волосы, я потянул назад её голову, накрыл протестующий рот жадным поцелуем. Вот так, малышка, да, теперь ты наконец замолчишь.

Она и впрямь молчала, пока я изучал её рот, пил её дыхание, терзал нежные губы. Но стоило опустить голову ниже, впиться поцелуем в шею, провести языком по тонкой линии ключицы, как эта беспокойная женщина снова зашептала, прерывисто и моляще:

– Сейдж, пожалуйста, не делай этого.

Я рывком поднял лицо, уставился в её глаза. Они, хоть и были затуманены поволокой страсти, глядели всё равно твёрдо и упрямо.

– Не вбивай себе в голову бредни. Мать была душевнобольной. Иначе не наложила бы на себя руки.

– Тогда давай сделаем ритуал на определение кровного родства.

Эта мысль мне не понравилась. Не потому, что я хоть на миг опасался того, что Тинна могла быть права. Просто это было бессмысленно. Даже если мы и правда... даже если хоть на один краткий миг допустить мысль, что подонок мог быть и правда моим отцом...

Это всё равно ничего не изменит.

Она моя женщина и останется ею навсегда. Пусть она триста раз моя сестра, пусть бы она была мне полностью родной – это ни на что не повлияет. Единственное, на что я бы согласился – это на то, чтобы она не рожала от меня детей, если предполагаемое родство её беспокоит. Подумаешь, ребёнок у неё уже есть, обойдёмся без новых.

Мысль о том, что я хочу от неё детей, безумно хочу, и не одного – двух, трёх, – эту мысль пришлось прогнать. Если выбирать: она или дети, я выбираю её.

Вслух я этого не сказал. Только бросил:

– Нет.

– Почему?

– Нет значит нет.

Больше я не слушал её возражений. Затыкал рот поцелуями, ласкал сильно и жёстко, доводя до грани острого удовольствия, не позволил произнести ни слова, пока она не затрепетала подо мной, кусая припухшие от поцелуев губы. Вошёл в неё одним толчком, подчиняя себе.

М-м, моя... трепетная, нежная, чистая, податливая. Я врывался в неё, каждым ударом бёдер заявляя свои права. Следил за ней упрямым неотрывным взглядом, желая передать мысль, что она принадлежит мне. Что ей никуда от меня не деться, что мы связаны куда надёжнее, чем если бы объявили об этом в храме. И ничем эту связь не разорвать, никакими скелетами из старых шкафов, никакими письмами, никакими вновь открывшимися семейными тайнами.

Её тугая плоть обхватывала член, её запах, осознание, что она моя, что ей тоже хорошо, и это видно по прерывистому дыханию, по тому, как она постанывает, как лихорадочно блестят безумные зеркала её зрачков, сводили с ума. Как и то, что она подавалась тазом навстречу, принимая в себя, и не отпускала, будто удерживая сильными

мышцами. Наслаждение достигло пика, и только когда я кончил, вспомнил, что собирался не делать ей детей.

Замер, всё ещё сжимая её в объятиях, накрывая своим телом. Потом расслабился.

Пустое. Не факт, что непременно родится больной. Да пусть даже родится, как будто не хватит денег обеспечить ему нормальную жизнь. Всё же желание увидеть её со своим ребёнком на руках не отпускало, внутри резало болью при мысли, что оно несбыточно.

Я скатился с неё, упал лицом в подушку, притянул Тинну ближе к себе. Она не сопротивлялась, жаркая, покорная, родная. Так я и заснул, вдыхая запах её волос.

Проснулся от смутной тревоги: её не было рядом. Я вскочил – она снова нашлась в детской, неугомонная. На меня посмотрела испуганно, а глаза опять были красные, припухшие, редела, видимо.

Ничего, к ночи я вернусь, и мы поговорим. В тот день у меня было полно дел, я так и сказал, попросил без меня не ложиться.

Вот только когда я вернулся домой, меня ждала голая, ошеломляющая, режущая нутро пустота – ни Тинны, ни ребёнка... и жалкий листок с выведенными её рукой строчками:

«Я тебя люблю. Но я должна поговорить с отцом. Не ищи».

Я рухнул в кресло, сжимая пальцами виски. Внутри полыхнуло желание убивать.

Во имя Райаса, какая же идиотка! Отправилась прямо в пекло бездны, да ещё и с ребёнком! Ведь я же человеческим языком ей объяснил, что её отец – мой враг, что ей нужно выбрать раз и навсегда. И что её саму ищут из-за связи со мной, что из замка не хотел отпускать не по своей прихоти – этого она тоже не понимает.

В следующий миг я был уже на ногах, а ещё через миг в груди возникло странное сосущее чувство, ощущение, как будто кто-то зовёт меня, и в воздухе возник жаркий круг, в котором появилось мутное тёмное изображение.

Тинна

Сейдж меня не слышал. Принял решение и, как обычно, не собирався поставить меня о нём в известность. Он даже не послушал, когда я просила его остановиться, не делать того, о чём мы оба потом пожалели бы, словно задался целью доказать мне, что всё в порядке, что ничего не произошло. Он походил на помешанного, которого одолевает единственная навязчивая идея: если делать вид, что всё по-старому, всё действительно будет по-старому.

Но уже ничего не могло быть по-старому.

Я всё же поддалась его натиску. Воспротивиться было невозможно, он взял бы меня силой, это читалось в его глазах, в упрямой линии подбородка, в жёстких, резких движениях.

И да, мне было хорошо... но даже обнимая его во время нашей близости, я отмечала то, что раньше сознание игнорировало. Его глаза и правда походили на глаза моего отца. Да и вообще – взгляд, мимика, манера усмехаться.

Теперь я смотрела на него и ужасалась, как могла быть настолько слепа. Видимо, бабушка была права, и всем остальным во внешности он был обязан матери, так что даже его отец... муж его матери – не понял, что это не его сын? Или, может быть, понял? Понял и нарочно настраивал Сейджа против моего отца, убеждал, что именно он виновен в смерти его матери, не упускал момента, чтобы напомнить о мести.

Эта мысль обливала мои внутренности ледяным холодом. Бедный маленький Сейдж, брошенный матерью, которая не вынесла разлуки с любимым, использованный тем, кого считал отцом. Грубо лишённый прошлой жизни моим отцом, который, в свою очередь, считал его сыном соперника. И ведь до сих пор считает! Ненавидит, хочет уничтожить.

Теперь их вражда вызывала во мне отчаяние. Как же так можно, чтобы из-за чужих ошибок и замыслов отец и сын вынуждены противостоять, желать сжить друг друга со свету?

Я обязана рассказать всё отцу.

А ещё... я обязана была уйти от Сейджа. Нам нельзя оставаться вместе. Он мог говорить что угодно, но я была уверена: его мать не сошла с ума и не ошибалась. Мой отец и впрямь был и его отцом.

Что за жестокая шутка судьбы? Как можно было среди многих миллионов людей найти и влюбиться в того человека, с которым нас связывают узы кровного родства? Или недаром говорят, что женщины ищут тех мужчин, которые похожи на их отцов? Только в моём случае это оказалось далеко не только сходство характеров – непримиримых, упрямых характеров.

Не желая отказываться от сказки, что я нарисовала себе – о нашей с Сейджем семье, младших братьях и сёстрах для Алайны, тихой спокойной жизни вдаль от бурных перемен – я даже позволила себе помечтать: а вдруг я не дочь своего отца. Но эта мысль, едва мелькнув, тут же растаяла: ведь он же сам обучал меня ритуалу связи по крови! Если бы я была не дочь ему, он узнал бы это первым – и ни за что не сделал бы меня своей наследницей, не стал бы болеть сердцем, беспокоиться и хлопотать.

Но поговорить с ним мне нужно было. Раскрыть глаза на грех, который он чуть было не совершил – убийство собственного сына. И скрыться, сбежать в Ордон, в Амань, где ждёт верная Нергия. Где Сейдж нас не найдёт.

Как же это непросто – так желать быть с тем, с кем быть вместе невозможно.

И не оставлял страх за дочь. Точно ли она нормальная? Она ведь до сих пор не говорит, не сидит сама, зубки ещё не начали резаться. Вдруг она запаздывает в развитии, потому что у нас с Сейджем есть общая кровь?

После того как мы вернулись, я постоянно кидалась в слёзы. То ли потому, что тревога за Алайну сжимала сердце раскалёнными клещами, то ли потому, что моя картинка-мечта рассыпалась вдребезги, мне никогда не суждено быть вместе с Сейджем, стать его женой – я и сама не понимала. Конечно, сейчас, когда никто не знает, что мы родственники, когда у нас разные фамилии – может быть, мы и могли бы пожениться, формально, конечно же. А дети? Я хотела от него ещё детей. А теперь мне было страшно. За них, ещё не родившихся, но уже намечанных, за него, за себя, за нашу дочь. Я не понимала, о чём он думает, и от этого делалось ещё страшнее.

Выбраться из замка оказалось на удивление просто. Я всего лишь с уверенным видом велела запрячь карету, дескать, хочу отправиться за покупками. Готовилась, что придётся лгать и настаивать, но мой приказ приняли как должное, и, не успела я оглянуться, как мы втроём уже сидели на кожаных сидениях, а карета тряслась по булыжной мостовой.

Фесса ахала и охала, испуганно осматривалась, словно опасаясь увидеть в каждом углу существ из бездны. Алайна играла с тряпичной куколкой, которую я сшила ей на досуге. А у меня слёзы наворачивались на глаза, когда я думала о кроватке, оставленной в детской замка, об опустевшей комнате, о чувствах Сейджа, когда он увидит, что нас нет.

Я надеялась, что оставленная записка уменьшит его гнев, но всё равно боялась. В минуты ярости он не владеет собой, может поддаться влиянию Фараиту. А мне действительно нужно было поговорить с отцом, прежде чем скрыться. Я настолько осмелела, что на полпути велела кучеру ехать напрямик в замок графа Рейборна.

Как ни странно, он не возразил и даже не удивился, молча кивнул и направил лошадей в нужную сторону.

Подъезжая к замку отца, я почувствовала, как сильнее забилося сердце. Ещё немного, и я снова увижу отца. Мы так и не поговорили с ним после покушения в королевском дворце, хотя он, кажется, наконец смягчился в своём отношении к Алайне. К Алайне, боги... к своей внучке с обеих сторон.

– Нейди Тинна, – удивился стоявший на часах охранник у ворот замка. – Проезжайте, я сейчас доложу, – на его лице мелькнуло непонятное выражение, но он ничего не сказал, и я просто улыбнулась ему:

– Спасибо, Урт.

Ворота раскрылись, охранник приложил руку к фуражке, наша карета медленно двинулась внутрь. Через три минуты мы подъехали к парадному входу. Двери уже были распахнуты, и незнакомый лакей придержал створку кареты, пока мы выбирались.

– Фесса, возьми малышку и иди за слугой.

Второго лакея из встречающих я помнила, поманила его и попросила отвести Фессу в малую гостиную в бывших моих покоях. А

сама обернулась к новичку:

– Отец у себя? В кабинете?

– Предполагаю, что да, – лакей отвесил щёгольский поклон и двинулся было вперёд, явно намереваясь показать мне путь. Но вдруг обернулся и добавил: – Думаю, его сиятельство там не одни... вы всё равно желаете посетить его немедленно?

– Кто там?

– К сожалению, мне неизвестно имя благородного нейда, – лакей чуть поклонился.

Новость меня обескуражила. Почему-то я не думала, что отец занят. Что ж, ладно.

– Пожалуй, я подожду, пока его гость не уедет, – я хотела было свернуть и направиться в сторону своих покоев, но лакей вдруг осторожно коснулся моего локтя.

Я остолбенела от такого нарушения правил приличия. Уставилась в лицо лакею, но оно было невозмутимо. Не только новичок, но и провинциал? Возможно, но касаться хозяйской дочери? Неслыханно. Впрочем, он тут же убрал руку.

– Боюсь, вам придётся ждать слишком долго, – сказал как ни в чём не бывало.

Я застыла, меряя его непонимающим взглядом. Что происходит? То Урт на воротах смотрит так, будто хочет что-то сказать и не может, то вот этот странный лакей и его многозначительные фразы.

– В таком случае я передумала, – я выпрямилась, хотя и так держала спину прямо. – Идёмте в кабинет.

Я отпустила лакея, подойдя к огромной дубовой двери. Сама постучала и, дождавшись невнятного возгласа, осторожно толкнула створку.

– Прошу прощения... – слова застыли на губах.

Вместо отца за его огромным письменным столом из красного дуба сидел темноволосый мужчина. Обнаружить его здесь было настолько для меня неожиданно, что я не сразу его узнала. Но вот свет лизнул гладко зачёсанные тёмно-русые волосы, в зелёных глазах блеснули огоньки, он поднялся и расплылся в радостной улыбке:

– Нейди Тинна! На ловца и зверь бежит!

Я повернулась, кинулась в коридор, но попала в сильные руки никуда не ушедшего лакея. Он резко схватил меня, удерживая на

месте, пока из кабинета выходил граф Нейсон. Я прошипела в невозмутимое лицо лакея:

– Вы знали! Вы нарочно привели меня сюда!

– Не понимаю, о чём вы, – ответил тот как ни в чём не бывало – но в голосе проскользнула насмешка.

– Эвард, давай её сюда, – Нейсон отступил и придержал дверь, пока лакей заводил меня внутрь. – У вас очень толковый лакей, вот этот вот Эвард. Я сделал его личным помощником и пока не жалею, знаете ли.

– Где отец?!

– Да вот же он, – Нейсон махнул в сторону окна.

И правда, в кресле у зашторенного окна, в полумраке, опустив руки на колени, с потухшим взглядом сидел мой отец. Его всегда подтянутая фигура сейчас, из-за темноты, показалась как будто немного расплывшейся, осевшей. И, что самое странное, он не проявил никаких эмоций при виде меня.

Я дёрнулась, попыталась вырваться и подбежать, но лакей крепко держал меня за локти.

– Что с ним?! Да отпустите же меня!

– Отпусти её. И прикрой дверь, Эвард, – Нейсон спокойно, как будто кабинет вместе со всем замком принадлежал ему, вернулся к месту за столом, опустил в кресло и, не спуская с меня взгляда, положил хорошо вычищенные сапоги на стол.

Лакей выполнил приказ, а я, едва почувствовав свободу, метнулась к отцу. Припала на колени, схватила его за устало опущенные руки, впиалась взглядом в лицо.

Что они с ним сделали? Почему он не реагирует? Дышит, видит меня, но словно ничего не понимает и не чувствует.

– Отец... – прошептала я. Тряхнула его изо всех сил – он качнулся, но тут же снова вернулся в прежнюю позу.

– Это я, – послышался за спиной голос Нейсона – скользкий противный голос ядовитой змеи. Я не сразу поняла, что он разговаривает с кем-то по амулету связи. – Снимайте охрану с дома старухи. Птичка вернулась в гнёздышко, – и он довольно рассмеялся.

Рассвирепев, я одним скачком очутилась на ногах, а вторым – рядом со столом. Занесла руку, но Нейсон тоже успел подскочить и

перехватил моё запястье, сжав так сильно, что от боли у меня заныли зубы.

– Ой-ой-ой, какая боевая пташка, – он засмеялся, обшаривая меня жадным взглядом. – И что же случилось? Твой одержимый выкинул тебя?

Я промолчала, но Нейсона это не обескуражило.

– Какая удача, я даже не ожидал. Ну-ка вызови своего прохвоста. Ты знаешь, что за его голову назначена награда? И я собираюсь её получить. Давай, – он тряхнул меня, – связывайся с ним.

Вот оно что, он охотится на Сейджа. Но у меня нет способа связи с ним. Я даже почувствовала облегчение. Нейсону не удастся использовать меня как приманку.

– Не хочешь? – тот истолковал моё молчание по-своему. – Ладно, – обернулся к лакею. – Она же с ребёнком? Тащи его сюда.

– Ты не посмеешь! Я тебе говорю, у меня нет способа связи! Я не лгу! Оставь ребёнка в покое! – слёзы отчаяния брызнули из глаз. Как доказать ему, что нет смысла шантажировать меня Алайной? Что если он вздумает попытаться её у меня на глазах?

– Т-ш-ш, спокойно, спокойно, – он ухмылялся и продолжал шарить по мне липким взглядом. Губы приоткрылись, на миг показался мерзкий влажный язык и снова спрятался. – Не можешь, так и не надо. У нас есть другой способ. Твой п-папочка, – он словно выплюнул это слово, – очень удачно сообщил, кто папаша твоего ублюдка.

Я окаменела. Бросила взгляд в сторону замершего сторбленной тенью отца. Неужели проговорился в сердцах? Выдал Нейсону свои догадки по поводу того, кем был мой похититель? Или нет... скорее всего, его заставили. Заставили неизвестным мне способом, тем же самым, которым превратили моего всегда энергичного отца в это подобие живого человека.

Но что Нейсон собирается делать с этим знанием? Как он даст Сейджу знать, что мы с Алайной у него в руках?

Дверь открылась, помощник Нейсона внёс Алайну. Фессу, видимо, заперли, и этому я даже порадовалась. Бедная девушка и так пережила по моей вине слишком много.

Словно почувствовав повисшее в кабинете напряжение, Алайна запищала и почти сразу разразилась плачем. Нейсон бросил

досадливо:

– Успокой своего ублюдка.

Я бросилась к лакею, вырвала ребёнка из его рук. Алайна прижалась ко мне, обвила ручками шею и перестала плакать, как по волшебству.

– Что ты собираешься делать? – голос дрогнул.

– Как что? Связь на крови, никогда не слышала? Раз у тебя, как ты утверждаешь, способа связи нет, то мы используем твоего ребёнка. Или всё-таки сейчас выяснится, что амулетик связи с ним у тебя всё же есть, а?

Я молчала, обнимая дочь. Вот оно что. Ритуал связи на крови. Но как можно этому помешать? Сигануть в окно? Верная смерть. Убедить Нейсона, что Алайна не дочь Сейджа?

– Почему ты решил, что её отец – тот, на кого ты охотишься? – я приложила все свои силы, чтобы голос не дрожал. – Её отец умер ещё до её рождения. Вызов уйдёт в никуда.

– Не говори глупостей, – он досадливо махнул рукой. – Рейборн сам так сказал.

– Он ошибся.

– Вот мы это и узнаем.

Я закусила губу. Не удалось.

Нейсон повёл рукой, гортанно выдохнул слово-призыв, и в его ладони острым росчерком света материализовался кинжал. Короткий, кровожадно изогнутый, словно звериный клык, сияющий призрачным синим светом. Я невольно вскрикнула, представив, как этот кинжал вонзается в плоть моего ребёнка. Метнулась прочь, готовясь защищать дочь хотя бы ценой собственной жизни.

– Стоять! – рявкнул Нейсон. – Рейборн, держи её.

Отец грузно, как медведь, поднялся. Пошатнулся, словно конечности отказывались служить ему, но затем покорно двинулся в мою сторону.

– Отец! – крикнула я. Неужели он не придёт в чувство? Не сможет воспротивиться? – Отец, это я, Тинна! Ты под действием чар, очнись!

Напрасно, отец настиг меня и схватил за плечи, сжал так сильно, что у меня из глаз невольно брызнули слёзы боли. Лакей ловко вырвал из рук плачущую Алайну и поднёс её Нейсону.

Я закричала. Пылающее синим огнём лезвие чиркнуло воздух и пропороло ручку дочери. Миг тишины, я закричала снова, всем своим существом желая оказаться на месте Алайны, и чтобы это мою руку разрезали, а не её – а потом к моему крику присоединился гневный вопль ребёнка. Нейсон отмахнулся, начал чертить в воздухе ритуальный узор, а лакей снова принёс Алайну ко мне. Отец всё ещё удерживал меня за локти, но даже так я ухитрилась схватить дочь, прижать к себе, осыпать поцелуями красное заплаканное личико. Потом хотела перебинтовать ручку тканью собственного платья, но на месте разреза уже вспух багровый шрам.

Я замерла, как оглушённая громом. Что это? Неужели Нейсон был так великодушен, что залечил рану? Не верю... да и когда, ведь он сразу начал читать заклинание вызова? А кто тогда? Ведь не лакей же? Или так действует тот магический кинжал, мгновенно заживляя разрез? Как бы то ни было, я возблагодарила небеса хотя бы за такую милость.

Алайна почти сразу успокоилась, хотя её маленькое тельце ещё вздрагивало, прижимаясь ко мне. Я, в свою очередь, по-прежнему была в хватке отца. И, пользуясь этим, начала действовать. Кто знает, что ещё придумают эти сволочи, на что заставят пойти меня или отца...

Тем временем Нейсон довершил заклинание, и в круге узора появилась рябь, какая бывает в ветреный день на воде – а ещё через миг она сменилась изображением Сейджа. Сердце болезненно дрогнуло при виде залёгших на его лице теней. Судя по фрагменту стены за его спиной, Сейдж был в замке, в коридоре, ведущем к нашей спальне.

– Ты, – прошипел он, глядя на Нейсона. Глаза зажглись яростью.

– И ты здравствуй. Удивлён? У меня очень удачно оказался под рукой образчик твоей очень близко родственной крови, и я решил – почему бы мне с тобой не связаться? А то ты забился в какую-то нору, спасая свою крысиную жизнь, и по-другому до тебя никак не доберёшься.

Взгляд Сейджа обежал комнату за спиной Нейсона, остановился на нас. Я замерла. Говоря о родственной крови, Нейсон имел в виду Алайну, но Сейдж, кажется, решил, что речь идёт об отце. Знакомая упрямая злость прокатилась по его лицу, в глазах полыхнул гнев.

– Надо было тебя убить, – бросил он Нейсону.

Тот мгновенно подобрался и зашипел, как кот, пытающийся напугать соперника:

– Кишка тонка у тебя меня убить. Думаешь, застал врасплох и победил? Дудки, если бы ты не сбежал тогда, я бы тебя уделал, – он обернулся, не давая Сейджу времени ответить, и приказал: – Ладно, Рейборн, тащи её сюда.

Отец неповоротливо сдвинулся с места, заставляя пройти вперёд и меня. Нейсон хищно улыбнулся, встал передо мной и по-свойски очертил ладонью мой овал лица. Я передёрнулась от гадливости, но улыбка на губах негодяя лишь стала шире. Он обернулся к окну связи:

– Смотри. Твоя подстилка и ребёнок у меня в руках. Знаешь, что я с ними сделаю? Сначала убью ублюдка, потом отымею его мать. Или нет, сперва отымею, ведь подстилка согласна на всё, чтобы ублюдок жил. Хочешь их спасти? Жду тебя в замке Рейборна.

Я молчала, сверля взглядом лицо Сейджа. Одна половина меня хотела кричать, чтобы он не слушал, не шёл в ловушку, ведь ясно, что Нейсон будет готов, замок моего отца – это западня, верная смерть. Другая молилась, чтобы Сейдж пришёл и спас нас, защитил бы Алайну.

Но Сейдж на нас не смотрел – его взгляд остановился на чём-то чуть выше моего плеча.

– Что ты сделал с ним?

– С ним? – Нейсон непонимающе оглянулся, окинул нас взглядом. – А-а, – усмехнулся, вмиг возвращая себе апломб. – Ты, порожденье бездны, и не понял? Простейший амулет подчинения.

Боги... По коже словно прополз слизняк, оставляя влажный холодный след. Вот оно что, отец под амулетом подчинения. Это всё объясняет: почему отец так ведёт себя, почему не в силах воспротивиться, почему Нейсон чувствует себя в замке хозяином. Объясняет поведение слуг, не понимающих, что творится.

Отца надо скорее освободить. Чем дольше он находится под влиянием амулета, тем больше теряет себя, свою личность, свою силу воли. Но когда Нейсон сделал это? Если прошло уже две недели, то...

Я невольно содрогнулась всем телом. Попыталась вывернуться, чтобы заглянуть в лицо отца. Существует ли ещё его душа – где-то там, под пеплом, под опутавшими его цепями подчинения? Неужели

он совсем ничего не понимает, хотя бы ответным взглядом не попытается передать своих чувств?

Но лицо отца оставалось безжизненным, глаза – потухшими.

– Он подпустил тебя к себе? Старик сильно сдал, – холодно отметил голос Сейджа.

Нейсон расхохотался. Ему, кажется, понравились эти слова.

– Он, конечно, не ожидал такого. Особенно от мага на службе у короля, да, старикан? Он сам из тех, кто до последнего пытается сохранить ручки чистенькими. Хотя вообще-то говоря, я не сам придумал воспользоваться амулетом подчинения. Мне подсказали, хе-хе. Но мы что-то заболтались с тобой, не находишь? Я заскучал, хочется поразвлечься. Если ты не торопишься сюда, пожалуй, я займусь твоей подстилочкой, – Нейсон протянул руку с явным намерением дотронуться до моей груди.

– Только попробуй к ней прикоснуться.

Сейдж не сказал больше ничего, но рука Нейсона зависла в воздухе. В этой фразе, короткой и ёмкой, было обещание смерти. Я сильнее стиснула Алайну, прижимая к себе, одновременно как будто и защищая её, и используя её вместо щита.

– Чем дольше ты заставишь себя ждать, тем больше у меня будет времени на всякие игры, – Нейсон всё же убрал руку и тут же погасил окно связи, как будто не хотел дать Сейджу шанс ответить на угрозу.

В кабинете словно стало темнее. Нейсон тоже это заметил, взмахнул рукой, заставляя вспыхнуть магическую лампу. Отошёл, как будто враз потерял ко мне интерес, упал в кресло и снова закинул ноги на стол.

– Извольте что-нибудь приказать? – подал голос лакей.

– Нет, у нас всё готово, остаётся только ждать. Если через пару часов не появится, вызовем его ещё раз и поторопим. Может, и впрямь поразвлечься с ней немного? – Нейсон одарил меня липким взглядом.

Лакей промолчал, а я передёрнулась от брезгливости.

– Хотя этот ребёнок у неё на руках отбивает всякое желание, – Нейсон всё ещё рассматривал меня, словно предмет. – Ненавижу баб с детьми, они теряют всякий товарный вид. И желание не вызывают, только и знают, что ныть о своих младенцах.

Я взмолилась святой Миене, чтобы он приказал увести нас. Было страшно находиться с ним в одной комнате. Сейчас он думает так, а

через пять минут вполне может решить, что и «баба с младенцем» на что-нибудь стодится. И я знала, что сделаю всё, лишь бы Алайна не пострадала, пусть даже потом и буду чувствовать себя грязнее корыта с помоями. Пусть даже Сейдж никогда не посмотрит на меня после этого.

– Запереть её где-нибудь? – спросил лакей.

– Да, пожалуй. Найди место понадёжнее. Рейборн, веди её, куда Эвард скажет. Потом вернёшься сюда вместе с ним.

Вспыхнула радость, но я постаралась не выдать её. Надо быть осторожной. Не вызывать подозрений, казаться напуганной и беззащитной. Это было несложно, тем более что я и впрямь ощущала себя напуганной и беззащитной.

Выйдя за дверь, некоторое время мы двигались в молчании. Я подстроилась под шаги отца и семенила быстро и осторожно. Отец шёл медленно, но размашисто, переставляя ноги так, будто они не гнулись. Сердце снова пронзила острая жалость. Сколько времени он уже под действием амулета? Они дают ему время отдохнуть? Ведь он уже немолод, он не может постоянно быть на ногах.

Постепенно я поняла, куда нас ведут. В спальню отца. С точки зрения захватчиков выбор неплохой: она запиралась на замок, и в ней не было балконов, только единственное окно в неприступной стене. И спальня находилась недалеко от кабинета, так что при необходимости нас можно было быстро доставить обратно.

Лакей, по-хозяйски побряцав связкой ключей, отпер дверь. Поиздевательски шутовским поклоном предложил мне войти. Руки отца разжались.

Сейчас!

Я вложила всю себя в мысленный приказ. Почти сразу услышала судорожный зевок над ухом, отскочила и толкнула отца на лакея. Тяжёлое безвольное тело уже спящего человека походило на неотвратимо падающую колонну. Лакей не успел уйти с дороги, и они вместе с отцом, издавая оглушительный грохот, повалились на пол. Не дожидаясь, пока лакей выберется, я стремглав бросилась прочь. Сзади слышались ругательства.

К сожалению, почти сразу послышался и топот догонявших меня ног. Как назло, Алайна вдруг раскричалась, выдавая нас.

– Тс-с, тихо, маленькая, пожалуйста! – я попыталась зажать ей рот, но сделала только хуже, она просто завопила, оглашая коридоры пронзительным обиженным рёвом.

Тогда я прибавила скорости. Если выбежать из покоев отца, они ни за что не найдут меня. Я выросла в этом замке, никто не знает здесь столько потайных ходов и убежищ, сколько знаю я. Пусть Алайна вопит сколько хочет, они ни за что не выцарапают нас из стены.

Вот знакомые двери, рука опустилась на дверную ручку, раз...

Я толкнулась и больно ударилась плечом. Дверь оказалась заперта. От воплей ребёнка голова гудела, но я всё же попыталась сосредоточиться. Замок не магический, но, может, с помощью артефактов у меня получится его взломать?

Я вытянула руку, Алайна вдруг, словно устав кричать, замолчала, и в нахлынувшей тишине я услышала совсем близко быстрые шаги. Оглянулась в панике и увидела, как из-за поворота вывернул лакей. Его глаза по-звериному блеснули, когда он увидел, что бежать мне некуда. Он умерил шаг, выпрямился и пошёл ко мне неторопливой вальяжной походочкой, довольно скалясь.

– Не подходи, – я упёрлась спиной в двери, перехватила Алайну одной рукой, другую, с атакующим артефактом, угрожающе приподняла. – Я дочь Рейборна, если ты не знаешь, и владею магией. Ещё шаг – и ты мёртв.

– Дочь? – переспросил он. Гадко усмехнулся, как будто не поверил.

Не дожидаясь, пока он подойдёт, я использовала оглушающее заклинание, вложив в него весь заряд из амулета. Ухмылка пропала с его лица, но заклинание словно ушло в никуда, лакей даже не пошатнулся. Бездна его поглотит, неужели Нейсон поставил на него защиту?

Следующее заклинание было парализующее – в ноги. Пожалуй, Сейдж на моём месте направил бы его прямо в сердце, мозг или лёгкие – наверняка убивая. Пожалуй, это было бы правильно – избавиться от подручного Нейсона, выкроить время, чтобы взломать дверь. Но я не смогла.

Впрочем, даже если бы и смогла – парализующее заклинание защита поглотила с той же лёгкостью, что и предыдущее. От изумления я застыла. Ладно первое заклятие, его я плела сама, хоть и

увеличила свои силы артефактом. Но второе делал мой отец. От него просто невозможно было защититься с той же лёгкостью. Неужели Нейсон настолько силён?

Все эти мысли пронеслись в сознании за один миг. Вслух я сказала, с отчаянием всматриваясь в чужие глаза:

– Отпусти меня. Я заплачу. Очень щедро, от Нейсона ты никогда столько не получишь.

Наверное, это не соответствовало истине, куда мне тягаться с Нейсоном. Но если продать все драгоценности, остатки наследства, те деньги, что посылал отец и что мы ещё не успели истратить... для человека его сословия это была бы внушительная сумма.

Но лакей покачал головой:

– Хватит болтать, – и, схватив меня за локоть, грубо потащил назад.

Ещё раз я попыталась сбежать, когда мы уже подходили к спальне. На этот раз послала через вцепившиеся в руку пальцы импульс желания заснуть. Обычно на влияние такой малости защита не реагировала. Но тут мне снова не повезло: то ли импульс был чересчур слаб, то ли конституция этого мужчины – чересчур крепка, но он даже не зевнул. Втолкнул меня в спальню, бесцеремонно убрал ногу отца, мешающую закрыть дверь (вот в отношении отца наведённый сон сработал превосходно, и он спал как младенец), повернул ключ в замке, потом послышались быстрые шаги прочь, и наступила тишина.

Вздыхнув, я положила Алайну на кровать, окружила одеялом, чтобы она никуда не уползла, и занялась отцом. Подложила ему под голову подушку, сверху накрыла снятым с кровати покрывалом. Нехорошо немолодому уже человеку спать на полу, но поднять его на кровать я ни за что не смогу. Разбудить, пожалуй, могла бы – но он тут же снова окажется под влиянием амулета подчинения.

Кстати, об амулете. Расстегнув жилет, чтобы облегчить отцу дыхание, я обнаружила у него на шее большой алый камень на цепочке, пульсирующий в ритме сердцебиения. Зловеще пылающий, словно наблюдающий за мной немигающий глаз. Я побоялась трогать его и тем более снимать. Слышала, что это должен делать только тот, кто накладывал, иначе можно нанести необратимый вред. Не беда,

наведённый сон продлится не меньше суток, так что Нейсон не сможет использовать отца против Сейджа.

Если, конечно, Сейдж появится...

Я мотнула головой, прогоняя подступившее к горлу отчаяние. Появиться-то он наверняка появится. Вот только это будет означать, что он сунет голову прямо в готовую захлопнуться ловушку. Было страшно подумать, что его поймают. Нейсон не остановится перед недостойной мезтью, лишь бы поквитаться за попрунную гордость. А даже если и проявит благородство...

Самое лёгкое, что ждёт Сейджа – это тюрьма и суд. Возможно, каторга. Возможно – казнь. За использование тёмной магии, за контроль над людьми (наверняка вызовут и дин Койоху, чтобы он дал показания), за убийства... Мой отец, тоже всю жизнь тесно работавший с тёмной магией, ухитрился остаться чистым в глазах закона. Верным специалистом на службе короны. Сейджу это не удалось.

И ведь я даже не могла бы свидетельствовать в его пользу. Пусть в последнее время, за те две недели, что я с ним прожила, я ни разу не видела ни того, как демон овладел бы его разумом, ни того, как он убивал кого-то, я всё же, положа руку на сердце, не могла бы поклясться, что он безопасен. И пока Фараиту с ним рядом, пока соблазняет силой и властью, ничего не изменится. Сейдж должен освободиться от демона, только тогда он сможет зажить жизнью законопослушного обывателя.

Вот только захочет ли Сейдж такой жизни? В глубине души я сомневалась.

Так и выходило, что, когда я думала обо всём этом, то молилась святой Миене, чтобы он не пришёл. А потом вспоминала холодный и липкий взгляд Нейсона, его безжалостность по отношению к Алайне, досадливая гримаса и отношение к ней как к помехе – и мне становилось страшно. Ведь он был прав, ради дочери я пойду на всё. И нечего и думать, что мне удастся повлиять на него самого, если даже защита, которую он наложил на своего подручного, так хороша. Может быть, при долгом взаимодействии, долгом соприкосновении – рука к руке, кожа к коже...

Одна мысль о том, чтобы отдаться Нейсону, вызывала во мне гадливость. Но если на другой чаше весов будет лежать жизнь

Алайны, а Сейдж не появится... Я сделаю всё, чтобы её защитить.

В спальне отца я провела пару часов. Успела и покормить Алайну, и переодеть, очистив пелёнки очень облегчавшим жизнь ритуалом бытовой магии. Даже прилегла немного на отцовской кровати, но заснуть не успела: почти сразу услышала шаги.

Я тут же вскочила и привела себя в порядок, быстро провела отцовским гребнем по взлохмаченным волосам, на всякий случай опустила чуть ниже край корсажа, приподнимая грудь. Надо выглядеть соблазнительнее, чтобы Нейсон забыл об Алайне. Я невольно напряглась, когда дверь открылась, ожидая увидеть Нейсона – но на пороге стоял всё тот же лакей.

– Ещё спит? – пробормотал он, посмотрев на накрытого покрывалом отца. – Эй, ты знаешь, что с ним?

Я замотала головой. Потом спохватилась и пустилась плести небылицы:

– У него и раньше так иногда бывало, когда сильно устанет. Будить бесполезно, он не просыпается, пока его тело не восполнит силы. Может и день спать, и два.

– Да? – лакей взглянул на меня с подозрением, но расспрашивать дальше не стал. – Бери своего младенца и идём.

Я без слов, с короткой заминкой повиновалась. Лакей тщательно запер дверь, явно не очень доверяя моим словам. И вообще мне самой – это было видно по тому, как он кивком велел мне идти первой.

На пути в кабинет я не удержалась от вопроса:

– Он появился?.. – затаила дыхание, а сердце пустилось вскачь.

Но лакей ответил лишь многозначительное:

– Сейчас узнаешь.

В кабинете нас ждал Нейсон, в одиночестве. У меня и отхлынуло от сердца, и одновременно тоскливо заняло внутри. Сейдж не пришёл. Одарив меня одним быстрым взглядом, Нейсон поинтересовался, где отец. Лакей начал объяснять про срубивший его сон, предложил поднять силой, но Нейсон с досадой махнул рукой:

– Бесполезный старый хрыч. Пусть себе спит, справимся и так.

Потом он снова посмотрел на меня – пренебрежительно-изучающим взглядом.

– Зачем ты её притащил-то? – осведомился у лакея. – Я же сказал: давай сюда ребёнка.

– Так это... – растерялся тот, а я похолодела и крепче обняла Алайну. – Только ребёнка, что ли?

– Ты меня расстраиваешь, Эвард! Эй ты! – обратился Нейсон ко мне. – Давай младенца сюда и возвращайся в комнату. Твой остолоп что-то не торопится, надо его наказать.

Наказать! Что этот мерзавец собирается делать с Алайной? О боги, если бы сейчас парализующее заклинание осталось бы при мне, я бы, не сомневаясь, остановила бы Нейсону сердце. И никакая совесть не мучила бы меня потом.

– Давай сюда, говорю! – прикрикнул он, подходя. Попытался выдернуть Алайну у меня из рук, но я, не выпуская ребёнка, вцепилась свободной рукой ему в рожу. Хотела попасть в глаза, но Нейсон зажмурился, и я проехала ногтями поперёк лица, раздирая кожу. – Ах ты гнида!

В следующий миг он, не церемонясь, ударил меня. Всего лишь дал затрещину, но в ушах зазвенело, из глаз посыпались искры, и я на мгновение потеряла ориентацию. Этого хватило ему, чтобы вырвать у меня Алайну. Я дико закричала, бросилась за ним следом, но Нейсон оттолкнул меня и выкрикнул заклинание. Из пола проросли золотые прутья, заключая меня в подобие клетки. Я снова закричала, забилась о прутья, как безумная, но всё было напрасно. Поймала взгляд лакея, странный, как будто с сочувствием – и в следующую минуту лакей подошёл к клетке, встал спиной ко мне, закрывая обзор. Я плакала и умоляла выпустить, использовать меня вместо дочери. Мысль о том, что её снова будут резать – а потом сделают и что-то другое, что-то ужасное, что-то, что может стать для Сейджа наказанием – раздирала душу в клочья.

И тут замок сотрясся. Я не сразу обратила на это внимание, продолжая биться о прутья, но голос Нейсона прозвучал настороженно:

– Что происходит? Ну-ка выгляни в окно.

Лакей выполнил приказ, я увидела Алайну. В руках Нейсона она казалась такой маленькой и беззащитной. Она не плакала, моя маленькая ничего не понимающая девочка.

– Алайна! – я снова затрясла прутья клетки.

– Это он, – голос лакея дрожал от странного восхищения.

Это немного привело меня в себя. Он? Сейдж здесь? Я обернулась, но с моего места нельзя было разглядеть, что творится снаружи. Только чувствовалось, как замок дрожит под ногами, словно сама земля вдруг пришла в движение.

Нейсон щелчком снял заклинание. Я пошатнулась, когда прутья внезапно исчезли. Бросилась вперёд, вырывая Алайну из его рук. Он не мешал, только обругал меня непристойно и широкими шагами пошёл к окну. Оттолкнул лакея, занимая его место.

– Он не пройдёт, – сказал Нейсон через некоторое время. – Дурак! Хочет проломить грубой силой – да куда там. Идиот! – и он расхохотался – злобным торжествующим смехом, как будто Сейдж уже пал на колени перед ним и просил пощады.

Я осторожно отступила в угол. Бросила взгляд на дверь. Она была в противоположной окну стене, так что и Нейсон, и лакей стояли к ней спинами. Я тихо начала двигаться. Добралась до двери, нажала на ручку... о счастье! Дверь была не заперта.

Я выскользнула в коридор и пустилась бежать. Замок снова сотрясся, словно какой-то великан пытался его разрушить. Не удержавшись на ногах, я упала, неловко придерживая ребёнка. Больно ударились плечом, но дочь уберегла. Однако через миг Алайна всё равно расплакалась.

– Тише, маленькая, – я поспешно поднялась и хотела было снова броситься бежать, но случайно взглянула в окно в коридоре. – Боги...

Я уже видела Сейджа полностью слившимся с Фараиту – но такое я видела впервые. Призрачная фигура человека – или демона? – ярко-голубые очертания тела, головы, смутно узнаваемого лица – пылающие ледяным огнём глаза – и впрямь великан бился снаружи, спутанный по рукам и ногам протянувшимися от замка лентами.

Сейдж... он пришёл... и попал в западню, как я и боялась.

Сердце словно стиснули огненными клещами. Внутри разлилась боль, во рту – ядовитая горечь. Попался... попался, и я не могу ему помочь, не могу спасти. Всё это случилось из-за меня, из-за того, что я не послушалась его, выбралась из замка, приехала сюда, не ожидая, что попаду в ловушку.

– Где эта дрянь? – из кабинета донёсся возглас Нейсона.

Словно подстёгнутая им, я побежала – но впереди снова выросли знакомые золотые прутья. Ударившись о них всем телом, в последний момент успев прикрыть собой Алайну, я на миг потеряла возможность дышать. А потом почувствовала, как меня схватили, дыхание Нейсона пощекотало щёку, и его довольный голос произнёс:

– А теперь навестим-ка нашего пленника, всей тёплой компанией. Хочу посмотреть, как ему понравится, когда ты будешь умолять меня взять тебя у него на глазах.

Не знаю, как я выпросила у Нейсона позволения оставить ребёнка с Фессой. Может быть, образ матери с ребёнком на руках и впрямь вызывал у него неприятие, может быть, он посчитал, что притащив одну меня, сразу испугает пленника и приведёт его в нужное состояние духа. Как бы то ни было, Алайну отнесли наверх, а я мысленно возблагодарила святую Миену. Чем дальше от Нейсона находилась моя дочь, тем спокойнее мне было.

Но у этого была и плохая сторона. Пока Алайна была у меня на руках, я так сильно боялась за неё, что этот страх затмевал все другие мысли. Когда же она оказалась в сравнительной безопасности, я стала думать о Сейдже, и сердце зашлось от страха теперь уже за него. Судя по словам Нейсона, он был жив, но что ждёт его? Нейсон захочет отыграться, в этом я не сомневалась, а успев увидеть его жестокость, боялась самого худшего.

Мы спустились в отцовские лаборатории, и с каждым шагом у меня всё больше холодело на душе. Боги, возможно, для Сейджа было бы лучше всего, чтобы он погиб, пытаюсь взломать защиту замка. Жгучая горечь собственной вины застила зрение, путала мысли. Я лихорадочно перебирала способы помочь Сейджу, но не видела подходящего. Разве что парализующий заряд в кольце... он восстановится через несколько дней. Вот только как будет разумнее всего им распорядиться? Может, я должна буду использовать его, чтобы подарить Сейджу милосердную смерть?

Сейдж ждал нас стоя, скрестив на груди руки, холодный и спокойный, как будто вовсе не находился в плену, в тесной камере, стены которой покрывали защитные и ограждающие печати. Меня он не удостоил и взглядом. Должно быть, к лучшему, потому что, стоило

мне увидеть его так близко, как к горлу подкатился комок, а сердце забилось так сильно, словно пыталось вырваться из груди и устремиться к Сейджу. Я снова прокляла наваждение, погнавшее меня прочь из его замка, отправившее к отцу, выяснять подробности забытой ещё до моего рождения истории. Надо было верить Сейджу, поступить так, как он говорил: остаться с ним – и какая разница, что мы, скорее всего, единокровные брат и сестра. Ведь по крайней мере Алайна кажется здоровой...

Но долго мучиться угрызениями совести мне не дали. Завидев Сейджа, Нейсон расплылся в торжествующей улыбке. Схватил меня за руку, подтаскивая к самой решётке.

– Смотри-ка, актёры всё те же, а пьеса между тем совсем поменялась, а? – засмеялся он издевательски.

Я опустила глаза, не в силах встретить взгляд Сейджа. Пальцы Нейсона болезненно впивались в мышцы, но лучше эта боль, чем глядеть на Сейджа, сознавая, что ничем не в силах ему помочь.

– Что молчишь? – продолжал Нейсон. – Язык отсох? Или так сильно напуган, что и слова вымолвить не можешь?

– Я не разговариваю с трусами, которые прикрываются женщиной. Зачем ты её привёл?

Голос Сейджа звучал как всегда. Низкий, тяжёлый, невозмутимый, словно не происходит ничего необычного. И вопрос он задал так, как будто и впрямь поражался поведению Нейсона, а не пытался его оскорбить – хотя это, вне всяких сомнений, было именно оскорбление.

Нейсон проигнорировал выпад. Вместо ответа обвёл свободной рукой камеру.

– Знаешь, где ты? Это ловушка на демонов. А знаешь, что происходит с демоном, если он тут появится? Смерть покажется тебе сладкой. Да-да, тебе. Потому что умирая – демон будет жрать тебя. Эта камера станет для тебя эшафотом.

– С чего ты взял, что демон появится? – спокойно осведомился Сейдж.

Нейсон только засмеялся в ответ.

– Не знаю, каким образом ты ухитрился до сих пор не поддаться, – сказал он. – Но только долго ты не продержишься. А знаешь, почему я это делаю? Ведь я мог бы убить тебя тогда, когда ты

пытался проломить защиту замка. Просто отдать приказ – и нет одержимого. Нет, не потому, что ты – опасная тварь, которая только по недоразумению ещё ни разу не попадалась. А потому, что ты преступил мне дорогу. Так что я хочу наблюдать, как ты сдохнешь – в муках.

В его руках вспыхнул синий свет. Взмах – и мой корсаж разлетелся надвое, а следом и лоскуты верхней и нижней сорочек. Холодный воздух скользнул по коже, как язык огромной змеи. Я вскрикнула, попыталась прикрыться, поймала взгляд Сейджа и застыла. В его глазах полыхало бирюзовое пламя. Мне показалось, я слышу торжествующий вой Фараиту, наконец получившего то, за чем он столько времени охотился.

– Нет! – выдохнула я, забыв о разрезанном корсаже, цепляясь за прутья решётки. – Нет, Сейдж, не поддавайся!

Гремел голос Нейсона, читавшего заклинания. Лицо Сейджа искажилось, пламя вспыхнуло сильнее, потекло по коже, обрисовывая скулы, губы, подбородок. Одновременно вспыхнули печати на стенах – свирепым алым огнём, словно раскалённое железо, приготовленное для клеймения.

А потом печати сорвались – и я закричала. Закричала, бросилась к Нейсону, сама не понимая, что собираюсь делать, как помешать ему, как предотвратить неизбежное. И увидела вдруг, как лакей с невозмутимым лицом достаёт из воздуха огненный клинок – и вонзает его в незащищённую спину королевского мага. Затрещал и распался естественный щит Нейсона, клинок погрузился в плоть, запахло кровью. Однако Нейсон лишь прекратил читать заклинание и обернулся, словно не понимая, что происходит.

Сзади лязгнуло, зашуршало, и меня подхватили знакомые сильные руки. Бережно оттолкнули в сторону, тесным коконом окутала защита – как тогда, в домике Нейсона, когда Нейсон с Сейджем сражались. Я затихла, прикрывая руками грудь, широко раскрытыми глазами вглядываясь в расплывчатую пелену, пытаюсь угадать происходящее по звукам и цветовым пятнам. Что вообще произошло? Как Сейдж оказался на свободе? Почему лакей набросился на Нейсона?

Слышался голос Нейсона – значит, огненный клинок его не убил, возможно, даже не сильно ранил, или же у него оказалась великолепная магическая регенерация, я слышала о таком. Сейдж

сражался молча, лишь изредка доносились глухие гортанные слова заклинаний, и только по ним я понимала, что мой любимый ещё жив.

А потом то ли истончилась пелена защиты, которой Сейдж накрыл меня, то ли моё зрение приспособилось – я стала различать картину. Нейсон был припёрт к стене, чертил в воздухе переливающиеся ледяным огнём знаки, а Сейдж с лакеем действовали заодно, как слаженная команда: то один атаковал, заставляя Нейсона в испуге отшатываться, то другой, и Нейсон кидался уже в другую сторону.

На миг мне всё это показалось странным: Сейдж ведь справился с Нейсоном тогда, в домике, когда они сражались один на один, так почему же сейчас Нейсон держится столько времени – против двоих? Потом я поняла. Сейдж дразнил Нейсона. Играл с ним, как кошка с мышкой. Делал вид, что вот-вот достанет и наслаждался выражением ужаса на лице королевского прихвостня.

Признаться честно, в этот миг я возблагодарила небеса. А в следующий уже крикнула Сейджу, умоляя о милосердии:

– Убей!

Сомнительное милосердие, но на большее меня не хватило. Убить негодяя, убить посмевшегося угрожать жизни нашей дочери, хотевшего подвергнуть Сейджа жестокой страшной казни. Уничтожить эту опасность, отвратительного скользкого гада, чуть не лишившего меня двоих самых важных людей. Троих... считая отца.

И Сейдж меня услышал. Бирюзовое лезвие пропорол воздух, играючи разрезало полотно защиты Нейсона, как-то даже нежно провело по груди мерзавца – но Нейсон закричал утробно и страшно. Плеснула широкая волна крови, сильно запахло железом и смрадом человеческой требухи. Я не выдержала, отвернулась и избавилась от всего, что успела проглотить за этот день. Едва пришла в себя и вытерла губы, как руки Сейджа снова легли на мои плечи.

– О боги, Сейдж... – я обернулась, с мольбой уставилась в его лицо. – Прости... прости, это всё из-за меня.

Он, ничего не отвечая, просто схватил меня в охапку. Сдавил крепко, до треска в рёбрах, спрятал лицо в моих волосах и некоторое время молчал. Потом проговорил глухо и отрывисто:

– Несносная женщина. Когда-нибудь ты меня прикончишь. Где твой ребёнок?

– Она с Фессой... боги, я так боялась, – я цеплялась за него, всё ещё не в состоянии поверить, что всё действительно закончилось, что Нейсон мёртв, что нам больше ничего не угрожает.

– Эй, голубки! – окликнул нас наглый голос лакея. – Давайте-ка миловаться в другом месте, тут как-то грязновато, вы не находите?

Я вздрогнула, потому что до сих пор опасалась этого человека и ждала от него подвоха. Но Сейдж только криво усмехнулся и вскинул меня на руки, как будто не хотел, чтобы я запачкала ноги в крови. Я даже не стала возражать, только прильнула к нему и закрыла глаза, чтобы не видеть, что случилось с Нейсоном. Он заслужил своё – а я уткнулась носом в шею Сейджа и ловила губами биение жилки с левой стороны, доказывающее, что Сейдж жив, что всё это не сон.

Я лишь немного пришла в себя, когда мы очутились всё в том же кабинете отца, и Сейдж бережно опустил меня в кресло. Я тут же вцепилась в его руку. Не в моих силах было расстаться с ним хоть на миг. Сейдж опять едва заметно усмехнулся и, не делая попытки вырваться, поднял глаза на устало привалившегося к стене лакея.

– Славно сработали, да, Адж?

Адж?! Аджер? Один из близнецов? Я рывком повернулась в ту сторону, а лакей лишь недовольно пробормотал:

– Я думал, поседею! Ты знаешь, что твоя женщина пыталась меня убить?

Сейдж лишь расхохотался:

– А ты ещё говорил: не надо усилиять защиту, я сам справлюсь! Хорошо, что посидели и сплели толковый щит, а не то дерьмо, что у тебя было изначально.

– Если бы не она, ничего бы не понадобилось. Ни Рейборн, ни новый Хранитель-идиот вообще ничего не заподозрили. Но да, конечно, я не мог предположить, что истеричная нейди примется швыряться в меня опасными заклинаниями.

Мне стало неудобно. Аджер вроде бы шутил и дразнил меня, но ведь я и впрямь чуть его не убила. Какое счастье, что Сейдж поставил такую мощную защиту. Но как Адж вообще очутился в замке? И, судя по всему, сделал это уже довольно давно.

– Почему он здесь?.. – шепнула я Сейджу. – И почему в таком виде, это иллюзия другой внешности? Но отец бы обязательно почувствовал...

– Не почувствовал, потому что это не иллюзия. Это тот же фокус, которым мы воспользовались, чтобы попасть во дворец. Грим и зелья, только и всего. Я придумал это после того, как увидел одного актёра, который при помощи одних только подручных средств превращался в старуху, молодую девушку и бородатого разбойника.

– Он заставил меня обрить голову и приклеить чужие волосы, – пожаловался Адж и подёргал себя за тёмно-русые кудри. – Поначалу я пугался собственного отражения в зеркале. Но да, должен признать, что это сработало.

Вот оно что. Я вспомнила чёрные локоны Сейджа, чёрные глаза южанина, нос с небольшой горбинкой – в таком облике он предстал передо мной в королевском дворце. Не иллюзия, но грим. Действительно, если иллюзии защита отслеживает, то изменения такого рода заметить не в силах.

И теперь становится ясно, почему оставленная кинжалом рана на ручке Алайны зажила так быстро. Конечно, это было не милосердие Нейсона – рану заживил Аджер, передавая мне ребёнка. Я благодарно взглянула на него, но Адж рассматривал свои ногти, как будто не было в мире ничего более важного.

Тогда я снова спросила у Сейджа:

– Но как Аджер очутился здесь так вовремя? Он же не мог предвидеть, что я окажусь в руках Нейсона, а ты попадёшься в ловушку.

– Чтобы я попался в его ловушки, ему надо было сперва обтереть молоко с губ, – пренебрежительно фыркнул Сейдж. – Это была игра, я притворился, что проиграл. Чтобы попасть внутрь с наименьшими усилиями. Твой отец угрохал прилично сил на то, чтобы защитить замок, если бы я пытался взломать защиту, проковырялся бы до второго пришествия. И нет, Аджера мы внедрили сюда совсем не ради Нейсона, мне и в голову не могло прийти, что этот хлыщ осмелится захватить чужой замок.

О-о. Я опустила взгляд. Теперь всё стало ясно. Они планировали подобраться к отцу, возможно, Аджер должен был его убить, возможно, ослабить. Или просто передавал сведения о его передвижениях или опытах. Учитывая то, что отец украл и использовал разработки Сейджа, неудивительно, что тому захотелось ответить отцу той же монетой. Неудивительно... но как же болит

сердце от этой нескончаемой вражды. Казалось, я уже выбрала, решила быть с Сейджем несмотря ни на что, но сейчас, увидев отца таким, бессильным и беззащитным, я снова начала его жалеть.

– Мы можем снять с отца амулет подчинения? – я переплела пальцы с пальцами Сейджа и умоляюще взглянула на него снизу вверх.

Конечно, я приму любое решение, но дочерний долг не позволял мне оставаться в стороне. Я должна была хотя бы попытаться.

Аджер фыркнул, но промолчал. Сейдж посмотрел на меня. Я не могла понять выражения его глаз.

– Это была наша идея, – сказал он непривычно мягко. – Это Адж подсказал Нейсону такую мысль. Ему она понравилась.

Я замерла. Вот оно что. И верно, ведь в самом начале Сейдж и мне угрожал, что повесит на шею амулет и отправит убить отца. Я могла бы и сама сложить два и два.

– Где он? – спросил Сейдж у соратника.

– А! – Аджер будто только сейчас опомнился. Пожал плечами. – Что-то случилось... он спит, короче. Не знаю, что с ним, его вдруг срубило. Наверное, Нейсон загонял старика. Хотя вон она сказала, что с ним такое бывает, да?

Сейдж перевёл взгляд на меня:

– Тинна?

Я покраснела. Поднялась с кресла, не переставая цепляться за Сейджа.

– Пойдёмте. Я знаю, что нужно делать, чтобы он проснулся.

Лежащий на полу отец был похож на выпившего по случаю завершённой жатвы крестьянина, который до дому добрался, а вот до кровати дойти не успел. Грудь мерно вздымалась, он тихо похрапывал во сне. Я села на пол с ним рядом и взяла за руку. Сосредоточилась, пуская нужный импульс.

Аджер прошёл за мою спину и, судя по скрипу пружин, видимо, сел на кровать. Сейдж остался стоять у дверей, оперевшись спиной о косяк и наблюдая за мной непроницаемым взглядом.

Через некоторое время дыхание отца стало легче и тише, и он открыл глаза.

Я запоздало растерялась. Теперь, когда Нейсон мёртв, чьи приказы он будет слушать? Потеряв хозяина, отец станет свободен?

Или амулет подчинения заставляет тебя подчиняться любому?

– Встань, – скомандовал Сейдж, и отец послушно зашевелился, этим давая ответ на мой вопрос. Сейдж повернулся к соратнику: – Займись ребёнком. Приготовь всё, чтобы он был готов отправиться в путь. Нянька тоже, если захочет. Если нет, рассчитай её.

– Сейдж, – я тронула его за руку. – Может, лучше я этим займусь?

Это был хороший предлог, чтобы уйти и не узнать, что произойдёт. В руках у Сейджа оказался его старый враг. Я не была настолько наивна, чтобы вообразить, что Сейдж теперь отпустит его. Но остатки любви к отцу, памяти, уважения не позволяли мне спокойно принять его смерть.

Однако Сейдж покачал головой:

– Останься.

Невольно опустили плечи. Аджер прошёл мимо нас, бросив озадаченный взгляд, но без единого слова. Дверь за ним с глухим стуком закрылась. Тогда Сейдж заложил руки за спину и зашагал по комнате. Остановился и бросил:

– Рейборн. Что у тебя было с Лерией Айсенверт? Отвечай честно.

Я вздрогнула. Сейдж спрашивал о своей матери. Под действием амулета отец не в состоянии солгать, отличная возможность для допроса.

Отец дёрнулся, как будто его огрели плетью. Но ответил глухо и послушно, ровным голосом:

– Я полюбил её с первого взгляда. Заставил её полюбить меня. Поступил нехорошо. Она была замужем и мучилась, что нарушает божеские законы. Ушла от меня. Запретила искать встреч. Потом погибла.

– Заставил полюбить? – Сейдж выделил голосом первое слово.

Меня тоже озадачила и испугала эта фраза. Почему «заставил»?

– Это проклятие и благословение нашего рода, – безэмоционально ответил отец. – Та женщина, которую мужчины рода Рейборн захотят видеть своей женой, неизбежно ответит взаимностью. Это случается только раз в жизни, и никто не может выбрать ту самую. Это просто случается, обычно в возрасте от двадцати до тридцати. Долгие годы этот дар был нашим счастьем, мы передавали знания о нём от отца к сыну. Я виноват в том, что положил глаз на ту, что уже была замужем.

Я ошеломлённо опустила глаза. В ушах звенело. Почему я никогда не слышала об этом? Хотя я ведь не мужчина... сыну бы отец рассказал, но не дочери. Зачем дочери знать о том, что её мать, возможно, приворожена?

А вот Сейджа ударило другое.

– Она... понесла? – хриловато спросил он.

Отец снова ощутимо вздрогнул. Но ответил спокойно:

– Я ничего не знаю об этом.

Некоторое время длилось молчание. Я думала об отце и неизвестной мне Лерии Айсенверт, матери Сейджа. О том, как отец влюбился и приблизился к ней, может, ещё и не осознавая, что сработает это благословение-проклятие. Как она всё же ответила на его чувства, тем самым предавая своего мужа. Боги, неудивительно, что её муж возненавидел моего отца – особенно если узнал о проклятии. А кроме всего прочего...

Я вспомнила своё притяжение к Сейджу. Которое почувствовала сразу, при первом же взгляде. Поначалу неосознанное, потом оно становилось всё сильнее и сильнее.

Магия рода Рейборн... вот оно что. Даже не зная об этом, Сейдж был во всём сыном моего отца, унаследовав пусть не фамилию, но фамильный дар.

Я подняла глаза и встретила его взгляд.

Горячий, отчаянный, упорный, он словно вывернул меня наизнанку. Боги, Сейдж тоже соединил в уме эту простенькую цепочку. И теперь он растерян и не понимает, чего ждать от меня. Ещё бы, это ведь всё равно, что сказать человеку: женщина, которую ты любишь, с тобой из-за твоего дара – а вовсе не потому, что сама так захотела. И теперь она об этом узнала. Захочет уйти? Возненавидит?

Но я не находила в себе ни ненависти, ни желания уйти. Пусть поначалу и сама не могла понять, почему меня тянет к нему – сейчас я была с ним вполне осознанно. Для меня этот дар семьи Рейборн и впрямь стал скорее благословением. Если бы только не наше родство... но даже так – выбор для меня уже давно был сделан.

Я встала и лёгким быстрым шагом пошла к Сейджу. На его лице промелькнуло что-то очень похожее на панику: кажется, Сейдж и впрямь боялся решения, которое я приму.

Я остановилась перед ним и заглянула в лицо. Он молча ждал, только один раз стали заметны заигравшие на челюсти желваки.

– «Захотят видеть своей женой»? – шепнула я, поднимаясь на цыпочки, опираясь на Сейджа. – Это правда? Где моё предложение?

В следующий миг меня сдавили сильные руки. Сейдж резко и коротко выдохнул, вжимаясь лицом в мою шею. Потом чуть отодвинулся и тихо сказал:

– Ты уже моя жена по факту, несносная женщина, – в глазах ещё оставалось немного виноватости, но обычная для Сейджа уверенность уже возвращалась. – Хочешь связаться с преступником? – и, не дожидаясь ответа, он стал целовать меня в шею, ключицы, грудь.

– По-моему, я уже связалась, – шёпотом ответила я, плаваясь в его поцелуях, в его запахе, от которого замирало внутри.

– Скитаться, вести жизнь изгнанника, быть вне закона во множестве стран?

– Ты и за пределами Диомеи успел прославиться? У меня будет знаменитый супруг.

– Быть вместе с одержимым? Жить как на пороховой бочке?

– Мне показалось, вы с Фараиту достигли определённого компромисса.

По губам Сейджа пробежала кривоватая ухмылочка. Он отстранил меня от себя и серьёзно сказал:

– Нет, я дал клятву. Я должен отдать Фараиту душу Рейборна, только тогда он уйдёт. Или – в тот момент, когда это окажется невозможным, Фараиту сможет взять меня. Например, если Рейборн умрёт не от моей руки, и его душа отправится на небеса.

Мы одновременно посмотрели на отца. Он так и стоял у дверей, по-старчески опустив плечи, бессмысленно уставившись в пространство. Сердце кольнула острая жалость.

Боги, опять выбор, опять необходимо встать на чью-то сторону. Невозможно сохранить обоих дорогих мне людей. Или умрёт отец и его душа отправится на корм демонам, или Фараиту заберёт Сейджа.

Мои мысли, крутившиеся в голове, не находя выхода, прервал громкий стук в дверь. Затем раздался голос Аджера:

– Всё готово, ребёнок и нянька ждут в гостиной.

– Можешь войти, – ответил Сейдж.

Дверь открылась, Аджер осторожно просунулся внутрь. Первым делом посмотрел на кровать, словно ожидал увидеть нас там, сплетённых в объятиях.

Сейдж негромко сказал:

– Рейборн. Сними амулет и освободись от его действия.

Я оторопела. Так просто? Не снимать самой, а приказать отцу освободиться? Если бы я знала, сразу бы так и сделала!

Отец выполнил приказание. Как только амулет покинул его шею, в глазах вспыхнула жизнь. Отец выпрямился, бросил быстрый взгляд сначала на дверь, потом на нас с Сейджем. Молча отошёл на два шага назад, спиной к стене. Морщины на его лице как будто стали глубже.

Сейдж мягко отстранил меня и шагнул вперёд. Вытянул руку по направлению к отцу:

– Я, Сейдж дин Ланнверт, вызываю тебя на дуэль по праву крови и мести, до смерти одного из нас. Пусть будет свет свидетелем моих слов, – его ладонь на миг объяло пламя, вспыхнуло ярким белым светом и растворилось.

Я ахнула, зажала рот руками. Отец подобрался, тоже вытянул руку.

– Я принимаю твой вызов. Пусть будет свет свидетелем, – повторил жест. – По праву вызванного выбираю оружие: магия. Назначаю время: сейчас. Место: во дворе моего замка.

Боги, так вот что Сейдж удумал! Вместо того чтобы просто убить отца, пока тот был в его власти, он вызвал его на дуэль. Решил предоставить выбор небесам. Проигравшего заберёт Фараиту.

Тут я поняла, что если отца была уже внутренне согласна потерять, то та же мысль в отношении Сейджа вызывала какую-то безумную панику. Нет, нет, нет! Он не может рисковать собой!

– Отец, нет! Он твой сын! Вы не можете!.. – я бросилась к нему, как будто моя просьба могла что-то изменить.

Сама понимала, что это бессмысленно, вызов брошен и принят, и подтверждён высшими силами – но не смогла безропотно смириться.

Широкая сухая ладонь отца легла на мою макушку.

– Я понял... понял, – тихо сказал он. – Слишком поздно. Всё будет хорошо, дочка. В моём кабинете, второй шкаф слева от входа. Между книгами заложен конверт. Открой его и прочти, что там написано. Иди.

Я посмотрела на него, потом на Сейджа. Тот кивнул. Они с отцом в этот момент были очень похожи, оба отстранённые и спокойные, как будто ничего не происходит. Как будто им не предстоит сейчас сражаться не на жизнь, а на смерть.

Я покачала головой:

– Нет, отец. Не пытайся меня спровадить. Я ещё в детстве перестала попадаться на такие уловки.

Отец выглядел растерянным. Потом губы его дрогнули в грустной улыбке.

– Как хочешь, Тинна, – сказал он. – Но я бы не хотел, чтобы ты смотрела на такие вещи.

– Ты думаешь, я могу оставаться в стороне?

Больше отец ничего не сказал. Вместе мы спустились во двор. Невольно все хранили тишину, и из-за этого становилось ещё неуютнее. Словно похоронная процессия, хотя ещё никто не умер. Даже встреченные слуги, как будто что-то улавливая, молча кланялись и тенями скользили мимо.

Двор был пуст, только сын садовника обрывал сухие листья с растущих там олив. Аджер подозвал мальчишку и велел не пускать никого во двор. Тот, гордый порученной ролью, вприпрыжку поскакал к дверям.

Здесь, под вечеряющим небом, казалось странным, что вот-вот оборвётся чья-то жизнь. Внутри у меня всё сжималось – то от мысли, что это может оказаться Сейдж, то, напротив, от страха за отца. Как бы то ни было, я всё равно кого-то потеряю. Зачем они устроили эту дуэль? Зачем Сейдж дал клятву, что убьёт отца или сам отдастся во власть Фараиту?

Сейдж снял жилет, кинул на руки Аджеру. Подошёл ко мне и остановился, меряя взглядом сверху вниз:

– Лучше бы тебе и в самом деле уйти.

Я помотала головой.

– Я не хочу, чтобы ты присутствовала. Иди к ребёнку, – повторил он строго.

– Нет, Сейдж! Я не уйду.

Он посмотрел на меня ещё немного, потом сказал:

– Как знаешь.

Развернулся на каблуках и пошёл на другую сторону двора. Поманил отца, а когда тот занял позицию на противоположном конце, равно удалённом и от Сейджа, и от нас с Аджером, негромко произнёс:

– Я готов.

– Готов, – эхом отозвался отец.

Аджер откашлялся и равнодушным тоном начал перечислять условия: бой длится до смертельного поражения или до того момента, когда один из противников окажется не в состоянии продолжать, разрешены к использованию любые заклинания и любая магия, при условии, что она наносит ущерб лишь противнику, в случае смерти одного или обоих участников ни оставшиеся в живых, ни их наследники не вправе предъявлять претензии ни к одному из дуэлянтов или их наследникам.

Последняя фраза словно ржавой пилой прошла по моим натянутым нервам. В этом было нечто слишком настоящее, жарким дыханием в лицо: сейчас кто-то умрёт.

Я стиснула руки и вперилась взглядом в пространство между отцом и Сейджем. Будь что будет, я не отвернусь. Выстою до конца. Было бы слишком трусливо, если бы я затаилась сейчас в замке, заперлась, ожидая исхода. Нет, я увижу всё своими глазами.

С тихим шелестом по земле побежала серебристая дымка барьера. Она поднималась всё выше и выше, но не мешала смотреть. Только если напрячь зрение, можно было увидеть зеркально-серебристое сияние, как поднимающийся от костра жар.

Дуэль. Ведь отец Сейджа... муж его матери – тоже погиб на дуэли, от рук моего отца. Наверное, Сейдж выбрал этот способ ещё и потому, что это укладывалось в его понятие мести. Убить противника тем же способом, каким воспользовался он сам.

– Начинайте, – проронил Аджер.

Я вздрогнула, но и отец, и Сейдж не шевельнулись. Смотрели друг на друга внимательно и настороженно. Каждый ожидал хода противника. Наконец отец взмахнул рукой, и одновременно Сейдж ушёл в сторону. Вылетевшая из пальцев отца зеленоватая молния неспешно, как тугой водяной хлыст, ударила в то место, где он стоял, и расплескалась энергией. Отец рефлекторно развернулся и закрылся. Атака Сейджа, багряно-рыжее пламя ударило в щит и стекло к ногам отца. Я с оторопью заметила, как отец улыбнулся – неожиданно

беззаботно, как мальчишка. Снова выпустил заклинание, на этот раз что-то быстрое, стелющееся по земле, как ослепительно белая змея. Сейдж увернулся и от этой атаки.

– Ты смотри, – восхищённо прозвучал над ухом голос Аджера. – Я думал, старик и минуты не продержится, а он ещё ого-го!

Отец и правда сражался так, словно к нему враз вернулась молодость. Глаза сверкали, на губах была улыбка. Двигался он быстро и легко. И вдруг поймал мой взгляд и как наткнулся на невидимое препятствие. Брови виновато поднялись, улыбка исчезла. Он быстро опустил уже готовый щит. И следующий удар Сейджа вместо того, чтобы пройтись вскользь, попал отцу в грудь. Тот пошатнулся, лицо исказилось от боли.

Я невольно вскрикнула.

Ещё один удар врезался в то же место. Ноги отца подломились, он упал. Лицо посерело, виски засеребрились от пота. Отец тяжело дышал, не пытаясь подняться.

Сейдж остановил очередное заклятие.

– Защищайся! – крикнул он гневно.

О боги. Вот оно что, отец нарочно поддаётся. Я закусила губу, опустила глаза. Сердце разрывалось от боли. Часть меня хотела крикнуть отцу, чтобы он не сдавался, но другая часть понимала, что это проявление его любви ко мне. Отец уступает, готов идти на смерть ради нашего с Сейджем будущего. Он слышал его слова о клятве и понимает, что нет другого способа освободить Сейджа от демона. Его согласие на дуэль было согласием умереть.

– Защищайся, старый идиот! – голос Сейджа кипел от злости.

Я заставила себя посмотреть на отца. А он, поймав мой взгляд, напротив, отвернулся. С явным трудом поднялся, встал лицом к Сейджу. С тихим шорохом окутался щитом.

Сейдж одобрительно кивнул. Поднял руку, вокруг которой уже разрасталось багровое пламя. Отец глубоко вздохнул, я видела, как поднялась и опустилась его грудная клетка. Багровое пламя ринулось к отцу.

Моё восприятие странным образом замедлилось, я отчётливо видела, как несётся стихия, слышала, как зловеще ревет пламенный поток. И ясно поняла, что за миг до того, как оно ударило в щит, отец

снял его. Снял и остался стоять беззащитным на пути яростного пламени, спокойный и готовый принять его.

Не выдержав, я зажмурилась.

В уши ударила зловеющая тишина.

Рядом раздался удивлённый возглас, и я осторожно приоткрыла глаза, готовясь увидеть распростёртое на земле безжизненное тело отца.

Но увидела его на ногах, с изумлённым лицом – а вокруг него мерцающую бирюзовым защитой. До боли знакомая картина – когда-то я видела, как таким щитом закрыли Нейсона – от моего же заклинания.

Я ахнула, приложила руку к губам и метнула взгляд на Сейджа. Он стоял в стороне, и мне отчётливо было видна гримаса ярости на его лице.

– Хватит! – крикнул он. – Это не дуэль, я не нанимался приканчивать стариков!

Отец напрягся. Шевельнул рукой, развеивая бирюзовую защиту. Сейдж демонстративно повернулся к нему спиной и зашагал прочь.

– Постой! – крикнул отец. – Ты не можешь!.. Заверши дуэль!

Сейдж удалялся, ничего не отвечая. Даже спина его выражала гнев. Растерявшись, я переводила взгляд то на одного, то на другого. Отец шумно выдохнул, опустил плечи. А потом, будто решившись, вдруг воздел руки, развернулся вокруг своей оси и выкрикнул слова заклинания.

Быстрый зигзаг белой молнии метнулся к Сейджу. Я закричала – а Сейдж и ухом не повёл, даже не сделал попытки уйти от атаки, не поставил щит.

Молния врезалась в ограждающий поле дуэли барьер и, громко шипя, распалась. Сейдж встал ровно, а затем медленно обернулся. Гнев исчез с его лица, и оно снова было невозмутимо.

Я только теперь поняла, что отец нарочно метил не в Сейджа. Он хотел напугать его, заставить атаковать. Но Сейдж то ли предугадал это намерение, то ли видел, что заклинание направлено в сторону – не поддался на уловку.

Теперь отец потерял всю живость и бодрость. Морщины на его лице как будто стали глубже.

– Убей меня, – сказал он Сейджу. – Я слышал, что ты сказал. Я довольно прожил и много сделал зла. Я согласен отправиться к

демонам, я бездну наизнанку выверну, они у меня попляшут. Так что давай, парень, не страдай ненужным благородством. Будь мужчиной.

Аджер присвистнул, а у меня встал в горле комок. Это было так похоже на отца. Но что ответит на это Сейдж?

А тот снова развернулся спиной к отцу и грубо бросил:

– Да катись ты. Дуэль закончена.

Аджер хмыкнул, щёлкнул пальцами, и серебристый барьер растаял в воздухе. Отец стоял в середине двора, растерянный, опустивший руки. Поймав мой взгляд, виновато пожал плечами.

Я расплакалась – от облегчения, что он жив, что ничего не случилось, от запоздалого страха, от обиды, что отец чуть было не пожертвовал собой, не спрашивая ни меня, ни Сейджа, чуть было не использовал его как способ покончить с собой. Я понимала, что Сейдж по-прежнему остаётся в опасности, что нам придётся искать, как освободить его от одержимости, но радость от того, что мне не пришлось никого терять, затмевала всё.

– Тинна... – растерянно вымолвил отец, когда я бросилась к нему и обняла. – Прости меня, дочка... хотел как лучше.

– Неважно, – я покачала головой, беззастенчиво вытирая слёзы о его жилет. – Мы справимся. Мы найдём выход. Это не обязательно должно быть ценой твоей жизни.

Отец промолчал, только осторожно обнял меня за плечи. Так ласково и невесомо, словно я была сделана из стекла.

– Уйдёшь? С ним? Хотя о чём я спрашиваю...

Я улыбнулась сквозь слёзы. Отстранилась, всматриваясь в лицо отца.

– Благословения просить не буду. Знаю, это против всех людских и божеских законов, чтобы мы с Сейджем были вместе. Но я люблю его... и не могу иначе.

Комок снова встал в горле, ещё крупнее, чем прежде. Я смахнула выступившие слёзы.

– Против людских и божеских? – переспросил отец непонимающе.

– Но ведь получается, что он мой брат... – я невольно опустила глаза.

– Ох. Да нет же. Я думал, ты знаешь.

– Знаю что? – я уставилась на него с испугом. Отец что, от напряжения повредился в уме?

– Я думал, тебе сказали, – отец выглядел смущённым. – Мне пришлось рассказать обо всём, когда Нейсон хотел найти тебя через связь по крови. Через мою кровь. В кои-то веки я обрадовался, что мы с тобой не родственники по крови.

– погоди, постой. Я не понимаю. Что ты такое говоришь? Ведь ты сам учил меня ритуалу связи по крови.

– Ну да. И ничего не вышло, ты помнишь? Тебе было девять лет, кажется. Именно тогда я понял, что ты не моя настоящая дочь. Поэтому мы и развелись с твоей матерью.

– погоди... – всё шло кругом. Мир переворачивался с ног на голову. Я не дочь отца? И мать, и отец всегда знали об этом? Может, и бабушка тоже?

– Нет, – покачал головой отец, когда я спросила об этом вслух. – Только я и твоя мать. И она запретила мне связываться с тобой, когда я прогнал её. Угрожала, что расскажет тебе, что я тебе не отец, – он грустно усмехнулся. – Странно, правда? Я хотел остаться в твоей памяти как твой отец.

О боги. Так вот почему я не смогла вызвать отца, когда люди Сейджа меня похитили. Я думала, дело в поставленной им защите, но, оказывается, в моей крови не было ничего общего с отцом.

Наверное, я должна была сейчас чувствовать облегчение: Сейдж не брат мне, я могу выйти за него замуж, у нас могут быть общие дети... Алайне не грозят всякие страшные болезни от избытка родственной крови! – но потрясение было сильнее.

– Не скажу, что это не было для меня ударом, – продолжал отец. – Ты была моим единственным ребёнком, поэтому, когда я узнал, что это не так, это меня почти сокрушило. Я стал искать способ завести ещё детей, но словно проклятие какое-то преследовало меня... все женщины, что соглашались выносить моего ребёнка, или теряли его, или погибали. Последней была Ивесса... боги, какая же она была красавица. Волосы как золотые реки, глаза ярче сапфиров. Когда она стала моей женой, я считал себя счастливейшим из смертных. А, ты потрясена? Да, я женился повторно после того, как твоя мать уехала в Ордон. И скрывал это как мог, чтобы не подвергнуть Ивессу опасности, – отец грустно усмехнулся. – Она тоже не сказала об этом

даже своим близким. Когда она понесла, я пошёл на всё, чтобы сохранить ей жизнь. Запер в четырёх стенах, с её согласия, конечно. Охранял как зеницу ока. Нанял лучших целителей. Но нет... внезапный выкидыш, она истекла кровью у меня на руках, так быстро, что даже целители не сумели помочь. И я оставил попытки.

Я вздрогнула. Вспомнила вдруг так ясно, как будто слышала это вчера – рассказ дин Койохи о сестре близнецов. Высокая, золотоволосая, стройная. «Граф Рейборн удерживал её силой и ставил эксперименты». Я и тогда не поверила, так сильно это не согласовывалось с образом моего отца. Да, он был жесток – но не к женщинам.

Отец продолжал говорить – как будто всё то, что копилось в нём за эти годы, что он хранил в себе, никому не открывая – само рвалось из него, и он не мог с этим ничего поделать.

– И вот теперь, на старости лет... узнал, что Лерия всё же... – он уставился в пространство, кадык тяжело дёрнулся. – Я только теперь понял, почему у меня не было других детей. Из-за того, что произошло между нами с Лерией. Из-за того, что она ушла из-за меня. Может быть, у меня вообще могли быть дети только от неё... А может, боги наказали меня... и за дело. Сколько зла я натворил... сколько наделал ошибок. Это ведь по моей вине твоя... она... стал таким. Мне казалось, смертью я мог бы хоть немного это загладить.

Я покачала головой:

– Смертью загладить легко. Попробуй загладить жизнью.

Некоторое время отец, вдруг замолчав, смотрел на меня, и под его пристальным взглядом я почувствовала себя неуютно. А потом на его губах появилась робкая, едва заметная улыбка.

– Не думал, что моя малютка-дочь когда-то станет учить меня. Но ты права. Ты права! – он враз воодушевился, глаза заблестели. – Ведь должен существовать способ изгнать демона обратно, это же такая интересная задача... обязательно надо попробовать разгрызть этот орешек... – отец уже унёсся мыслями в очередной эксперимент.

Я оглянулась. Аджера уже не было, но Сейдж стоял у дверей замка, прислонившись к стене, сложив руки на груди, и наблюдал за мной. Я сделала было движение идти к нему, но потом вспомнила о ещё одном незаданном вопросе.

– А кто... ну... – я не сумела вымолвить фразу до конца.

Но отец понял:

– Твой настоящий отец? Какой-то провинциал, обучавший её игре на фортепиано. Я нашёл его, когда выяснил, что ты не моя дочь, и проучил как следует, – на миг в его лице проступили жёсткие черты. – А ещё через несколько лет он погиб в какой-то заварушке.

Я кивнула. Чувства потери не было, я ничего не знала об этом человеке. Да и он сам, может статься, не подозревал о моём рождении.

– Иди уже, – отец глазами показал на Сейджа. – Он скоро пробуравит в тебе дыру.

Я усмехнулась, поцеловала отца в щёку, ещё раз крепко обняла, ощущая ответное объятие, и поспешила последовать его совету. Старалась идти медленно, чинно, как подобает взрослой женщине, матери – но на последних шагах не удержалась, сорвалась с места и побежала как девчонка. На лице Сейджа промелькнула слабая ухмылка. Он раскрыл руки, и я упала в них, чувствуя себя так, будто наконец вернулась домой.

Некоторое время мы стояли молча, а потом я брякнула:

– Отец сказал, что я не его дочь.

Сейдж только вздёрнул левую бровь. Ответил с ленцой:

– Я же тебе сразу сказал, что это всё равно ничего не значит. Хотя я не удивлён, в тебе нет ничего от старикана. И слава небесам за это.

Из-за неплотно прикрытой двери послышались голоса и смех. Я встрепенулась, потом узнала голос Аджера. И с запозданием смех – это была Фесса. Не выдержав, я вывернулась из рук Сейджа и открыла дверь.

В глубине коридора, освещённого розовым закатным солнцем, и впрямь стояли Аджер с Фессой, причём Аджер держал на руках Алайну, а та улыбалась во весь свой беззубый ротик. А напротив жмурила глаза Фесса и жеманно смеялась, прикрывая рот ладошкой. Мне это показалось смешным и претенциозным, но сама Фесса, видимо, считала это очень милым, и Аджер, похоже это мнение разделял.

Над ухом усмехнулся Сейдж:

– Нашёл очередную юбку.

Шагнул к ним, забрал у Аджера Алайну. Мы все, разномастной компанией (мальчишка садовника почему-то тоже увязался следом,

видимо, считая своим долгом нас сопровождать), пошли через первый этаж к парадным дверям.

И тут внезапно Сейдж спросил у Аджера так, словно только что вспомнил:

– Кстати... тот идиот вызвал меня по крови старикана?

Тот широко раскрыл глаза:

– С какой стати? Нет, конечно, вон, по дочери твоей.

Я даже не успела ничего сказать. Ни остановить его, ни перебить – он брякнул это так быстро, так естественно, что я осознала с запозданием и остановилась как вкопанная. Стало холодно, а потом бросило в жар.

– Дочери? – повторил Сейдж подозрительно ровным голосом. – По кровной связи?

Не дожидаясь ответа, обернулся ко мне. Просто посмотрел, но под этим взглядом у меня подогнулись ноги. Я поспешно отступила на шаг. Зачастила, вжимая голову в плечи:

– Я хотела тебе сказать. Честно хотела. Просто никак не было подходящего времени.

Сейдж надвигался, большой, широкоплечий, грозный. И только тарачившая глазёнки Алайна на его руках бесповоротно рушила образ.

Они вдвоём припёрли меня к стенке. Я замерла, как пойманная мышка.

– Не думай, что отделаешься одним ребёнком, – жарко шепнул Сейдж мне в волосы.

Алайна неожиданно засмеялась, как будто поняла, а я увидела у неё во рту что-то белое, как будто крошка прилипла на нижней челюсти. Поняв, что это, завопила как сумасшедшая:

– О боги, Сейдж, зубы! У неё появился зубик!

Сейдж подкинул ребёнка, посмотрел в радостно открывшийся рот. И самодовольно прокомментировал:

– Вся в меня.

ЭПИЛОГ

Пять лет спустя, столица Элмеи, Пикомина

Раздражённые голоса я услышала издалека. Близнецы снова засели в кабинете Сейджа, и они втроём спорили до хрипоты. Я собиралась пройти мимо, но заметила, что дверь прикрыта неплотно. Вот почему так хорошо слышно. Шагнула ближе, чтобы закрыть: мало ли какие секреты обсуждаются, может, опять что-то не вполне согласующееся с законом – но раздавшаяся в следующий миг фраза заставила меня передумать.

– И когда ты собираешься ей сказать?

Ответная фраза Сейджа прозвучала слишком глухо и хмуро, чтобы я расслышала, но и этого хватило. Внутри похолодело: неужели снова началось?

В памяти ещё свежо было состояние Сейджа полгода назад. Он воображал, наверное, что я ничего не замечала, но я видела, что он на грани, что стал раздражительным, нервным, и всё чаще блеск его в глазах отливал безумием.

Помнится, как-то он до смерти напугал горничную, которая была слишком нерасторопна, чтобы вовремя убраться с его пути. Рывкнул так, что даже я подпрыгнула. Выглянула из соседней комнаты, где мы вместе с Нергией подсчитывали бюджет на следующий сезон (она переехала к нам где-то через полгода после того, как мы с Сейджем поселились в Элмее) как раз вовремя, чтобы увидеть, как над бедной девушкой клубится бирюзовая дымка. Горничная закричала, потом глаза закатились, и она осела на пол без сознания. Я уже хотела было броситься вперёд, загородить её собой, но Сейдж в последний момент справился, загнал Фараиту обратно. И сразу ушёл, так и не заметив, что я наблюдаю за ним.

После этого случая я сразу отослала Нергию с сыном в дальнее имение, под предлогом того, что там не хватает крепкой руки. Наблюдательная от природы, моя экономка (такая теперь у неё была должность) ни слова не возразила. Напротив, деликатно предложила забрать с собой и Алайну с Винтаром, и дети почти целый месяц пробыли там. Я боялась, что Сейдж станет расспрашивать, потребует,

чтобы они вернулись, готовила разные объяснения, но он как будто не заметил, что их нет.

А к концу месяца и сам пропал куда-то на несколько дней и вернулся словно обновлённый, довольный, спокойный, снова принялся поддразнивать меня по обыкновению. Приступ миновал.

Полгода после того мы жили душа в душу. И вот опять – эти знакомые раздражительные нотки, прорывающаяся угроза, давящая атмосфера.

Я нащупала висевший на груди амулет связи. Надо сообщить отцу. Он уже давно велел мне вызывать его при первом намёке на то, что Сейдж может сорваться. Все эти годы он, не покладая рук, работал над тем, что сам назвал «самой захватывающей задачей» – как освободить одержимого от демона, не навредив ему.

– Ты хоть понимаешь, как сильно рискуешь? – вдруг послышалось из-за двери громко и горячно. – Сейдж! Это безумие!

– Молчать! – удар, грохот, тишина.

Потом шаги, быстрые, к двери. Я едва успела отойти, как дверь распахнулась, и вышел Сейдж. Не удивился, обнаружив меня, только окинул мрачным взглядом и молча прошёл мимо.

Я посмотрела ему вслед.

Боги, неужели опять... Как же мне хотелось ему помочь, облегчить его состояние. Хотелось сказать, что я ни дня не пожалела, что осталась с ним, и даже сейчас не жалею – вот только дети. За детей было страшно. И за слуг, они ни в чём не виноваты. И за Нергию, которая уже куда больше, чем служанка, даже больше, чем компаньонка. Но это естественный страх за близких, включая самого Сейджа – страх, а не сожаление о сделанном выборе.

Некстати вспомнилась наша свадьба. Мы тогда только-только сбежали из Диомеи, ещё не определились ни с местом жительства, ни с тем, как вообще будем строить нашу совместную жизнь. У Сейджа, впрочем, уже были в голове какие-то планы и наметки, но со мной он делиться не спешил.

Хотя к тому времени мы уже были женаты – формально. «Формально» означает то, что Сейдж попросту затащил меня в первый попавшийся храм ещё в Диомее, где пожилой храмовник, ничуть не удивляясь, тихо поставил нам свадебную татуировку. Именно в тот день я, кстати говоря, узнала его официальное на тот момент имя –

Кеджой дин Нерсса, под ним меня и зарегистрировали, и я стала Тинной дин Нерсса.

Ненадолго, всего на полгода, потому что в Эсмее Сейдж был известен под фамилией Вангроу. Слава богам, имя так и осталось прежним, так что мне не приходилось замирать и думать, как правильно его окликнуть на публике. Для всех я выходила замуж за нейда Сейджа Вангроу, и тогда уже было и золотое с чёрным платье – праздничные цвета Эсмеи, и пышные букеты, и толпа народа, из которых я знала только отца, Нергию и близнецов. А хотя нет, не только. Там ещё была и Мелина. Её кислое лицо придавало особую пикантность церемонии.

Увидев её, я была потрясена, но когда потом она подошла ко мне рука об руку с Мейнором и безрадостно, но вежливо пожелала счастья, вообще растерялась насколько, что ответила только благодаря вбитым с детства привычкам.

Сейдж пожал плечами, когда я повернула к нему полные ужаса глаза.

– Я разве не говорил? Они с Мейнором нашли общий язык, пока я был занят другими делами. Сразу после того, как моё поместье взлетело на воздух, благодаря доброму другу Арду и моему уважаемому тестю, если ты понимаешь, о чём я.

Шпильку в адрес отца я пропустила мимо ушей, но слова Сейджа восприняла. От них было двойственное ощущение. С одной стороны, Мелина быстро сориентировалась, когда Сейдж был при смерти. С другой – да небеса рассудят. Вышла за Мейнора, так вышла, она ему, видимо, тоже нравилась, раз так быстро всё срослось. Мне было бы, конечно, приятнее знать, что она живёт на другом краю земли и вообще никогда не попадётся на глаза ни мне, ни Сейджу, но раз уж за это время она и так не спешила показываться, можно надеяться, так будет и впредь.

И так оно и было. А когда пару лет назад Мелина родила двоих миленьких мальчиков, то на этой почве мы даже немного сблизились. Ну, из явных врагов превратились в недобрых знакомых.

Зато ни Сейдж, ни мой отец особого желания сблизиться не проявляли. Держались на расстоянии. Как два пса, каждый из которых признавал границы чужой территории. А я иногда чувствовала себя вкусной мозговой косточкой.

Впрочем, собственнические замашки Сейдж проявлял больше, и они меня умиляли. Например то, как упорно он выяснял у меня малейшие подробности того года, что я жила в Аmani.

Каждый раз, получая очередное подтверждение, что никакого мужа у меня не было, он радовался, как ребёнок. Как ребёнок, очень старающийся скрыть эту радость и казаться по-взрослому невозмутимым – но его выдавали блеск в глазах и живой интерес, а ещё довольные нотки в голосе. Он мог переспрашивать одно и то же по несколько раз: когда я поняла, что забеременела от него, что при этом почувствовала, как тосковала и боялась, что он и вправду мёртв. Как замечала его черты в Алайне, считаю ли я, что они и впрямь как две капли воды, и если да, то в какие моменты. И я должна была подолгу рассказывать обо всех тех случаях, когда Алайна до боли напоминала мне Сейджа.

Впрочем, это было несложно, они и впрямь были очень похожи. Самым милым было видеть, как они спят вдвоём в абсолютно идентичной позе: Сейдж, раскинувшись на кровати, с лицом, повернутым влево, и кроха Алайна рядышком, тоже разбросав руки и ноги и тоже почему-то уставившись влево.

Сейдж расспрашивал меня не потому, что сомневался, он, наоборот, поверил сразу и полностью, как будто в глубине души уже не раз примерял это на себя. Ему просто хотелось наверстать то время, что он потерял, восполнить в себе. Впрочем, смею надеяться, мне немного удалось помочь ему с этим, когда родился Винтар.

Братишка Алайны появился на свет четыре года назад, и мы полностью повторили незабываемое первое время с Алайной: вопли, бессонные ночи, пачканье пелёнок. Сейдж держался на удивление стойко, ни разу не высказал неудовольствия, напротив, ему, по-моему, нравилось иметь дело с младенцем. Впрочем, и наличие постоянной няни весьма помогало.

Я вздохнула, возвращаясь в настоящее. Я ведь уже начала задумываться о третьем ребёнке, но сейчас это, пожалуй, слишком опасно. Хочется понынчить на руках маленького, приложить к груди, радоваться первой улыбке и первым словам. К тому же, может, хоть третий ребёнок выйдет похожим на меня, а то и Алайна, и Винтар – оба вылитый Сейдж, моя кровь словно и не течёт в этих детях.

Оказавшись у себя, я опустила в кресло и вытащила амулет связи.

– Отец, здравствуй, – сказала, дождавшись ответа. – Прости, что так внезапно... помнишь, ты говорил мне, чтобы я сразу дала тебе знать, как только мне покажется, что Сейдж... на грани?

Голос отца прозвучал ошеломлённо:

– Не может быть! Ты уверена?

– Боюсь, что да, – я быстро рассказала, как он бушевал в кабинете.

– Ну дочка, это же может быть просто так. Ты не слышала, как я ору на нерадивых помощников, – отец рассмеялся, и мне это не понравилось.

Ему там, издалека, не видно то, что вижу я. Сейдж постоянно усталый, раздражённый, мы перестали беседовать по вечерам, а иной раз он и вовсе не приходит в спальню ночевать. Я пыталась вызвать его на разговор, выспросить о самочувствии, о том, не ощущает ли он давление со стороны демона – но Сейдж только отмахивался. А теперь вот отмахивается и отец.

– А если нет? Я не хочу рисковать!

– Ну-ну, будет-будет, – голос отца звучал растерянно. – Поговори с ним сперва.

Он хотел ещё что-то добавить, но тут что-то глухо бухнуло в отдалении.

– А! Демоны побери! Какое порождение бездны оставило тигель на огне?! – закричал отец сорванным голосом. И сразу торопливо прибавил, мне: – Прости, тут небольшое светопреставление... – не позволив мне вставить ни слова, он отключился.

О боги! Я вскочила и, нервно сжимая руки, заходила по комнате. Вместо того чтобы успокоиться, я только сильнее разволновалась. Отец, как и любой мужчина, нуждается в чётких доказательствах. Но разве в таком деле может быть что-то более чёткое, чем мои ощущения, ощущения жены Сейджа, матери его детей? Когда доказательства станут явными, будет уже слишком поздно.

Нет, нельзя довести дело до срыва.

Металась по комнате я ещё долго. Как ни крути, не выходило ничего хорошего. Я могу оглушить Сейджа ненадолго, и то при условии, что он снимет защиту. Могу усыпить – и даже довольно глубоко, так, что сразу точно не проснётся – но для этого мне

необходимо быть с ним в тесном контакте. Конечно, если он придёт сегодня ночью в спальню, тесный контакт мне обеспечен. Но как потом вывезти это бессознательное тело к отцу в Диомею? Пропустят ли меня через границу, не засекут ли подозрительные чары? Если да, Сейджа непременно разбудят, и всё, что я тогда выиграю, будет то, что он сорвётся не дома, где полно беззащитных людей, а где-то на границе. Вот только не факт, что Сейджа не убьют, там ведь полно сильных магов.

Наконец, устав размышлять и сомневаться, я вышла из комнаты. Заглянула к детям.

У Алайны был учитель, так что, чтобы не отвлекать дочь, я только одним глазком посмотрела в щель ширмы. Алайна сидела за столом, грызла перо, яростно чесала светлые кудряшки, но прилежно повторяла сложные слова: учила мальзийский. Я некоторое время умилённо наблюдала за ней: такая маленькая, а учит такой трудный язык! Дочка у нас вышла очень умная, Сейдж, как само собой разумеющееся, твердил, что это тоже от него.

Винтар играл с няней, обрадовался, увидев меня, побежал навстречу, уткнулся в ноги, стал возбуждённо что-то рассказывать. Я подняла его и чмокнула в пухлую щёчку. Поцелуев он не терпел, сразу сморщился и начал вырываться. Пришлось отпустить, и сын снова побежал обратно к няне. Я тихо закрыла дверь, чтобы не мешать им собираться: подходило время прогулки.

К слову, Фесса ушла от меня, получив хорошие рекомендации. Не знаю, что у неё было с Аджером, но расстались они, кажется, вполне довольные друг другом.

Я постояла в коридоре, собираясь с мыслями. Теперь можно сходить вниз, поговорить с кухаркой, попросить её поменьше солить и перчить, она, уроженка юга, постоянно перебарщивала с этим. Перед тем я ещё раз зашла в нашу с Сейджем спальню, хотела проверить, что дверь на балкон закрыта, Винтар иногда убегал от няни и обожал прятаться во всяких не всегда безопасных местах.

Дверь была закрыта, я облегчённо выдохнула, шагнула за порог... и увидела Сейджа.

Неладное я почувствовала сразу. Он шёл ко мне, печатая шаг, не сводя с меня глаз – и они полыхали знакомым бирюзовым пламенем. Я тихо вскрикнула, тут же зажала рот ладонью.

Нет... не верю. Не может быть!

Но это было правдой, весь его облик дышал угрозой, взгляд был безумен, совсем как тогда, шесть лет назад. Носа вновь коснулся полузабытый аромат адолеев – то ли воспоминание, то ли и правда здесь и сейчас запахло ядовитой, смертельной, запрещённой тёмной магией.

Наверное, нужно было бежать, забаррикадироваться в спальне, вызвать подмогу... хотя нет, ничего бы не помогло – но я потеряла способность даже паниковать, просто замерла, как статуя, и следила за приближением мужа.

На губах у Сейджа играла зловещая улыбка. Он не произнёс ни слова, молча втокнул меня в спальню. За его спиной взвились магические сети, запечатывая комнату, превращая её в подобие кокона, не пропускающего наружу ни света, ни звуков.

По спине прошёл холод. Боги, что он задумал? Или это уже не он? Или его телом полностью завладел Фараиту?

– Сейдж! Приди в себя, очнись, Сейдж!

Я отступала и пыталась докричаться до его разума, Сейдж медленно и неотвратно шёл следом. Он словно наслаждался игрой в кошки-мышки. Но недолго, не успела я сделать и полкруга по комнате, как Сейдж сделал рывок и схватил меня за руку. В одно мгновение подтащил к себе, сильными пальцами перехватил затылок, заставил вздёрнуть лицо. Я замерла в его руках. Сердце трепыхалось в груди так, что было больно дышать. Страх леденил руки и ноги. Но от Сейджа шёл жар, на который моё тело невольно отозвалось.

– Сейдж... – шепнула я умоляюще, не понимая, чего ждать. Что задумал этот безумный, а точнее – что задумал демон.

Ноздри моего мужа затрепетали. Он с наслаждением втянул воздух, склонившись к самой моей коже. Провёл губами, не касаясь. В сознании пронеслось воспоминание: бирюзовый самум укрывает меня от чужой магии и жаркий шёпот Фараиту шелестит в ушах: «Вкусная... вкусная... моя».

– Сейдж, – повторила я слабым голосом. – Это ещё ты?

Незнакомец с лицом моего мужа, с горящими бирюзой глазами только усмехнулся в ответ. Подтащил меня к себе ещё ближе и накрыл губы жадным поцелуем. Я прерывисто вздохнула под его напором, под лавиной обжигающей страсти, невольно отвечая движениям языка и

губ. Сейдж целовал меня одновременно и как всегда, отлично зная мои предпочтения, взяв на себя ведущую роль, и одновременно так, словно заново изучал меня, наблюдал за реакцией. Потом на краткое время отстранился, его взгляд ушёл в пространство – а в следующий миг я вскрикнула, обнаружив, что сзади выросла металлическая решётка, а Сейдж вздёрнул мои руки, пригвождая к ней. Ноги тоже опутали цепи, раздвигая, притягивая к прутьям.

Я вскинула испуганный взгляд на мужа, а он лишь растянул губы в хищной улыбке. Отпустил мои руки, которые уже и без того держали цепи, рванул платье на груди. Не разорвал, но враз опустил вниз мягкую ткань, высвобождая пополневшую после рождения детей грудь. Накрыв губами напряжённый сосок, втянул в рот, стал терзать языком, заставляя меня извиваться от острого наслаждения.

Мысли путались. Мне то казалось, что это просто игра, некое разнообразие семейной жизни, то я замечала яркий бирюзовый блеск в глазах мужа, заставлявший меня испуганно вздрагивать и придававший его ласкам оттенок запретной порочности. Сейдж не отвечал на мои вопросы, вообще не произнёс ни слова с тех пор, как очутился в спальне, но и мне уже было не до вопросов. Я поддавалась его напору, судорожно втягивала ртом воздух, стонала, отвечая на требовательные, жадные прикосновения. Сейдж не стал раздевать меня, просто в какой-то миг, хотя цепи не спадали ни на мгновение, я очутилась уже лицом к решётке, упираясь щекой в такие твёрдые, поразительно реальные прутья, а ноги и бёдра, затем поясницу охладило касание воздуха, когда Сейдж задрал мои юбки. Приникнув щекой и голой грудью к решётке, еле дыша, я чувствовала его горячие жёсткие ладони. Они по-хозяйски прошлись по бёдрам, огладили задницу, приподняли, прижимая к паху Сейджа. У меня внизу невольно всё сжалось от ощущения большой твёрдой выпуклости, явно свидетельствующей о его намерениях.

В следующий миг Сейдж рывком освободил меня от нижнего белья, цепи, как холодные змеи, переползли выше, вздёрнули правую ногу выше, выставляя напоказ всё обычно скрытое. Я тихо вскрикнула, смущение залило щёки горячей волной. Было очень стыдно стоять так, на одной ноге, даже не стоять, почти висеть на цепях, обнажённой снизу, с открытой взору промежностью. И не только взору, потому что рука Сейджа тут же погладила нежную кожу, пробежалась по

разгорячённой поверхности, нашла самую чувствительную точку и стала осторожно, но настойчиво ласкать её. Я закусила губу, а потом не выдержала и застонала вслух. Беспомощность, стыд и возбуждение сводили с ума, внутренний жар заливал волнами, я подавалась вперёд, чтобы уйти от настойчивых неумолимых прикосновений, натыкалась обнажённой грудью на холодные прутья решётки, и тело содрогалось от одновременной атаки жара и холода.

Я была уже готова взорваться от ощущений, но Сейдж не позволил. Убрал руку, заставив испустить разочарованный возглас. Но сразу же вместо руки я почувствовала внизу кое-что более весомое. Это что-то властно вторглось в меня, медленно растягивая, заполняя собой. Охватившее меня возбуждение заставило непроизвольно податься назад, самой насадиться на член Сейджа. Мышцы судорожно сжимались, пуская по телу волны острого удовольствия. Я снова застонала, вздрагивая каждый раз, когда член внутри моего тела упирался в переднюю стенку влагалища. Это доводило меня до грани, а ведь Сейдж пока даже не начал ускоряться. Он двигался медленно, нежно, одной рукой придерживая моё левое бедро, другой – лаская грудь. Потом прижался всем своим крупным мощным телом, втиснул в решётку, вырывая очередной стон. И наконец увеличил темп, двигаясь сильно, резко и быстро.

Я не выдержала почти сразу. Вскрикнула, забилась в волнах восхитительного наслаждения, такого сильного и яркого, какого я не испытывала уже давно. Но Сейджу этого, конечно, не хватило. Переждав, пока я успокоюсь, он подхватил меня с растаявшей в воздухе решётки и уложил на кровать. Не давая отдышаться, накрыл своим телом, вдавил в покрывала. Я не сопротивлялась, только закусила указательный палец, чтобы не стонать слишком громко.

Сейдж навис надо мной, опираясь на руки. Демонический огонь в его глазах как будто стал лишь сильнее, и теперь по-настоящему замораживал.

Сейдж толкнул бёдрами, рождая во мне очередную жаркую волну. Жадно прихватил губами встопорщенный сосок, обвёл языком. Я выгнулась навстречу, и ощущения внизу стали ещё ярче, словно кто-то приделал ко мне петлю и теперь дёргал за неё при каждом толчке. На этот раз Сейдж сорвался первым, ускорился, возводя меня на вершину, и глухо и длинно выдохнул, изливаясь внутри. Распалённые мышцы

промежности, словно отвечая толчкам его члена, судорожно сжались вокруг, несколько раз, один за другим, и новая волна непередаваемого наслаждения накрыла меня с головой.

Некоторое время после этого Сейдж лежал ничком, придавив меня собой. Мы оба тяжело дышали. Потом он скатился с моего тела, обхватил одной рукой, по-хозяйски прижимая к себе. Я повернулась в его сторону, отметила, что бирюзовый блеск, хоть никуда и не делся, стал куда более сытым и удовлетворённым.

И отдала безмолвный приказ.

Глаза Сейджа закрылись с трудом, как будто он изо всех сил сопротивлялся. Но проиграл богу сна – рука расслабилась, он задышал ровно и спокойно, черты лица тоже стали мягче и расслабленнее.

Я выпуталась из его объятий, поспешно поправила платье, схватила амулет связи, так и оставшийся висеть на груди.

– Отец! – закричала в него, как только пришёл отклик. – Я была права, он всё же сорвался! Я не знаю, что делать, я не могу везти его к тебе. Срочно приезжай!

Отец ответил не сразу, а когда ответил, в его голосе звучало изумление:

– Да что такое там у вас происходит?! Ты поговорила с ним или как? Мы же уже полгода назад как избавили его от этого демона!

– Как избавили? – повторила я растерянно. Оглянулась на Сейджа. Тот спал безмятежно, как младенец.

– Так вот и избавили. Он сам приехал, понял, что уже на грани. Вот мы и вызвали демона насильно, провели процедуру. Всё прошло удачно. Я думал, он тебе сказал.

– Ничего он мне не сказал, – теперь я метнула на Сейджа разгневанный взгляд. – Полгода назад, ты говоришь?

Ну да. Как раз полгода назад и был тот случай с горничной, я отослала детей с Нергией, а на исходе того месяца Сейдж сам пропал на несколько дней, не сказав ни слова ни перед тем, ни потом. Так значит, он ездил к отцу. Почему же он не признался?!

– Я же сказал ему, чтобы он поговорил с тобой. Вот только что. Как разобрался тут со своими делами, сразу связался с ним и предупредил, что ты обеспокоена.

Та-ак.

Я попрощалась с отцом, хотя теперь он пытался засыпать меня вопросами. Вернула амулет связи на место, повернулась к Сейджу и устремила на него зловещий взгляд.

Вот оно, значит, что выходит.

Это, значит, он услышал от отца, что я схожу с ума от беспокойства, и решил надо мной подшутить! Отличная шуточка, ничего не скажешь! Как ему, наверное, было весело, когда я дрожала от страха! Когда тщетно пыталась дозваться!

Не знаю, что бы я сделала, написала бы ему на лбу нехорошее слово или связала бы простынями по рукам и ногам и начала бы щекотать, но тут Сейдж проснулся. Видимо, предугадал, что я попробую воздействовать на него своей магией, и усилил защиту, так что мои чары хоть и подействовали, быстро рассеялись.

– Ах ты! – я набросилась на него с намерением удушить подушкой, он перехватил меня за руки. Глаза по-прежнему горели бирюзой, но я понимала, что это всего лишь иллюзия.

– Как ты мог! Как ты мог! Я же беспокоилась! Боялась за тебя! И уберу уже эту дурацкую маскировку!

– Ну во-от, – протянул Сейдж разочарованно. – Уже сообразила? А я хотел ещё разок повторить. Ты так испуганно на меня смотрела. Мне понравилось.

– Я тебя никогда не прощу! – теперь я попыталась вырваться. – Отпусти меня! Зверь! Чурбан! Жестокий! Почему ты вообще ни слова не сказал мне, что освободился от Фараиту?! Ты понимаешь, каково мне пришлось?!

– Ну-ну-ну, – стоило мне высвободить хотя бы одну руку, как Сейдж снова ловил её. Наконец ему это надоело, он схватил меня в охапку и подмял под себя так, что я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. – Ну прости, – он быстро поцеловал меня в нос, а я клацнула зубами, на долю мгновения не успев укусить. – Не удержался. Зато у меня есть для тебя подарок.

– Какой ещё подарок? – возмутилась я. – И, кстати, почему ты так сердился на близнецов? Точнее, это они на тебя сердились. Что это ты скрываешь от меня?

Сейдж заулыбался:

– Вот и узнаешь.

Узнать удалось далеко не сразу. Сперва мы приняли совместную ванну, причём я отбивала все поползновения Сейджа повторить то, что случилось недавно. Потом оделись и спустились вниз, в лабораторию. Долго шли по холодным коридорам, Сейдж несколько раз отпирал двери, а я невольно ёжилась, вспоминая подземелье в том поместье, где он допрашивал меня.

Наконец открылась последняя дверь, Сейдж впустил меня внутрь и взмахом руки зажёл расставленные на стенах факелы.

– Вот, – широким жестом обвёл помещение, посреди которого стояла лишь странного вида железная арка. Как будто некто хотел построить забор, но удовлетворился лишь воротами, причём и от них оставил только два высоких столба и затейливую вязь поверху.

– Что это?

По помещению пронеслось дуновение магии. Волоски на коже встали дыбом, отзываясь. В середине арки замельтешило белое марево, быстро разрастаясь. Испугавшись, я отступила на шаг. Сейдж поймал меня, обнял, усмехнулся в волосы.

– Это то, над чем я работал последние три года, – сообщил он с отчётливыми нотками гордости. – Собственно, идея зрела лет десять, но только в последние три года получилось заняться ей вплотную. И вот... – он сделал эффектную паузу, за время которой белая дымка заполнила всю арку и стала такой плотной, словно в невидимое вместилище налили молочный туман. – Перед тобой долгое время считавшийся невозможным... способ моментального передвижения! Пока что связывает только две точки, но ты представь, что будет, когда их станет много, – Сейдж говорил радостно и возбуждённо, хотя я пока особенно не представляла ни масштабов его изобретения, ни возможности применить его на практике. Его глаза сияли. Сейчас он как никогда походил на отца. – Правда, сначала надо уменьшить энергоёмкость, пока что это себя не окупает. А близнецы были против, потому что... Но сперва пройдем туда.

– О боги... – некоторое время я не могла вымолвить ничего осмысленнее. Стояла и озиралась по сторонам, одновременно узнавая и не узнавая этот просторный зал.

Он помнился мне грязным, с потускневшим от времени паркетом, с увитыми паутиной углами и замызганными окнами, неосвещённым,

забытым – но сейчас он сверкал. Окна были отмыты до блеска, паркет натёрт, на карнизах красовались тёмно-фиолетовые занавеси, аккуратно подхваченные золотыми шнурами. Даже люстры сияли мягким свечением, хоть и не горели сейчас.

– Боги, Сейдж... ведь это же...

– Добро пожаловать в замок Айсенверт! – громко объявил знакомый голос.

Я обернулась, чтобы увидеть улыбающегося Атуана Мусто. Он, в ливрее с иголкой, шёл к нам от дверей и сиял не хуже обстановки. Остановился в нескольких шагах и низко поклонился, застыв надолго в этой позе. Затем выпрямился и с волнением объявил:

– Нет слов, чтобы выразить мою радость... замок снова вернулся в руки его истинных хозяев! Я и весь штат слуг неизмеримо счастливы снова служить вам! И, нейд Сейдж, нейди Тинна... матушка передаёт нижайшие поклоны, – он опять склонил голову.

– Она жива?! – я приложила руку к груди. Кормилица Сейджа, мать Атуана, я так и не спрашивала у Сейджа о ней, не желая напоминать.

– Да, оправилась благодаря вашей помощи. Снуёт по дому ещё бодрее, чем прежде, и теперь требует, чтобы я скорее привёл ей невестку, – Атуан тихо хохотнул в кулак.

Короткий взгляд на супруга сказал мне всё: это он приложил все усилия, чтобы старая кормилица поправилась. И тоже молча, не ставя меня в известность. Впрочем, такой уж у него характер. Я быстро погладила его по рукаву.

Сейдж посмотрел на меня.

– Не обманывайся, мы только начали, – сказал он. Я не сразу поняла, что он говорил о замке. – Остальные помещения в отвратительном состоянии.

– Не беда, – я даже обрадовалась, предвкушая, с каким удовольствием превращу этот замок снова в жилой, верну ему былую красоту и величие. А потом испугалась, наконец сообразив, что имели в виду близнецы. Почему ругали Сейджа за риск и безумие.

– Сейдж, ведь это же Диомея! Разве тебе можно владеть замком в открытую? У тебя отберут его, как только узнают, ведь ты же... – я осеклась, вспомнив о присутствии Атуана. Не договорила опасные слова: «вне закона».

– Всё улажено, птичка, – Сейдж мягко мне улыбнулся. – Всё улажено, я официально получил королевское прощение. Не просто так, конечно, пришлось продать им несколько моих изобретений, включая пару будущие. Но тс-с, пока об этом знаешь только ты. Я хотел сказать тебе первой. Ну как? Я прощён?

Я придвинулась так, чтобы Атуан не услышал, и шепнула в самое ухо:

– Сегодня ночью узнаешь.